

РУССКАЯ МЫСЛЬ

LA PENSEE RUSSE

№159/01-02 (5030)
Январь-февраль 2024

На русском
и английском языках

Журнал основан
в 1880 году
www.RussianMind.com

UK £4.00
Germany, Austria, Italy,
Luxembourg, Portugal, Estonia ... €5.50
Belgium, Greece €5.50
France, Spain €5.60
Switzerland 5.60 CHF
Hungary 2290 HUF
Poland 26.90 PLN

СТОИМОСТЬ ПОДПИСКИ НА ЖУРНАЛ «РУССКАЯ МЫСЛЬ» НА 12 МЕСЯЦЕВ

На территории Великобритании – 65 GBP **ГОДОВАЯ**
По странам Евросоюза – 70 EUR **электронная подписка –**
Остальные страны – 88 EUR **30 EUR**

ДЛЯ ОСУЩЕСТВЛЕНИЯ ПОДПИСКИ ВЫ МОЖЕТЕ:

1. Оплатить подписку на сайте журнала «Русская мысль»: russianmind.com/payment/
2. Оплата через платформу **Isubscribe:**

ВАЖНО:

После осуществления оплаты Вам нужно отправить подтверждение оплаты и Ваш домашний адрес на электронную почту subscription@russianmind.com с пометкой «Подписка»

СЛОВО РЕДАКТОРА

НОВОГОДНИЙ ПАНЕГИРИК

Песню под названием «Уплывает год» Вадима Егорова, замечательного автора-исполнителя (не люблю слово «бард» применительно к авторской песне, для меня оно имеет сугубо религиозный смысл: так называли кельтских мудрецов, священных певцов, воздававших должное деяниям богов и королей), я непременно слушаю во время празднования очередного Нового года. Иногда – один, порой – с друзьями: сопереживание, разве не прекрасно оно? Эти стихи, положенные на музыку и исполненные в ритме любимой мною португальской «фаду», добавляют, как мне кажется, соответствующее событию настроение. С легкой грустинкой и одновременно с затаенной надеждой на лучшее:

*Нам испить еще из подземных вод,
но, пока судьба нам сулит удачу,
новый год начнем, а минувший год
воспоем в стихе и в душе оплачем...*

Все мы помним, с каким вожделением ждали мы в детстве новогодних праздников, которые ассоциировались у нас с подарками, а уже в школьные годы – с зимними каникулами. Лыжи, санки, торжественные елки с неизменными Дедом Морозом и Снегурочкой. И этот дежурный культовый призыв к детям массовиков-затейников: «Крикнем, ребята, все вместе. Раз, два, три, елочка, гори!» Новогодние открытки моего детства я, несмотря на многочисленные переезды по Европе, храню до сих пор...

А в студенческие годы я уже сам подрабатывал Дедом Морозом – рост и дикция вполне позволяли. На снеговиков, снежинок и зайчиков (говору не без гордости) я никогда, несмотря на уговоры организаторов «коллективных елок», не соглашался... Правда, фиесту новогодних празднеств несколько омрачала зимняя экзаменационная сессия. Компенсацией этим

«хождениям по мукам» непременно становился Татьянин день. Старинный университетский праздник, первый день каникул.

И в зрелые, уже журналистские, годы я с восторгом готовился к Новому году. Признаюсь, это было порой не так-то просто. В газете, в которой я служил сразу после университета, мне как самому молодому сотруднику поручили, облачившись в хламиду, отдаленно напомиравшую алый зипун Деда Мороза, объезжать дома моих коллег, поздравлять их детей и развозить им приобретенные профсоюзом подарки. Специально для этого я подготовил жизнеутверждающую речовку. Однако ни она, ни даже ватная седая борода, которую я на себя напялил, не спасли меня от накладок. Вполне ожидаемых, надо сказать, в духе традиционного российского гостеприимства: каждый родитель от всей души желал поделиться со стариком Морозом как своей новогодней радостью, так и всем, что украшало праздничный стол, включая горячительные напитки. После третьей посещенной мною квартиры я не только напрочь забыл текст поздравлений, но и дедовскую бороду потерял.

Я, однако, в обиде не остался: ведь Новый год – наш самый оптимистичный и опьяняющий праздник. Не зря написал Вадим Егоров:

*Отрешась на миг от земных оков,
тишины хрусталь разнесем в осколки.
В новогодний день наш удел таков –
на Земле сверкать, как шарам на елке.*

С Новым годом, дорогие читатели! С новым счастьем! Мира вам!

Кирилл Привалов

РУССКАЯ МЫСЛЬ
№159/01–02(5030)
ЯНВАРЬ–ФЕВРАЛЬ 2024

РЕДАКЦИОННЫЙ СОВЕТ:
Анатолий Адамишин
Митрополит Антоний
Ренэ Герра
Александр Трубецкой
Дмитрий Шаховской
Петр Шереметев
Сергей Ястржембский

ГЛАВНЫЙ РЕДАКТОР
Кирилл Привалов
kp@russianmind.com

ОТВЕТСТВЕННЫЙ РЕДАКТОР
Карина Энфендзян
karina@russianmind.com

РЕДАКТОР ОТДЕЛА ПОЛИТИКИ
Вячеслав Катамидзе

ДИРЕКТОР ПО РАЗВИТИЮ
Александр Машкин
am@russianmind.com

КРЕАТИВНЫЙ ПРОДЮСЕР
Василий Григорьев
cp@russianmind.com

ДИЗАЙН
Роман Малофеев
design@russianmind.com

ПЕРЕВОДЧИКИ
Лиляя Сергеева, Дмитрий Лапа

ПО ВОПРОСАМ
РАЗМЕЩЕНИЯ РЕКЛАМЫ:
sales@russianmind.com

РАСПРОСТРАНЕНИЕ:
distribution@russianmind.com

ПОДПИСКА:
subscription@russianmind.com

АДРЕС РЕДАКЦИИ:
47 avenue Hoche, 75008, Paris, France

ОБЛОЖКА:
Фрески собора Рождества Христова в Александрове
(Россия). 1696

ПРИ ПОДГОТОВКЕ НОМЕРА БЫЛИ
ИСПОЛЬЗОВАНЫ СЛЕДУЮЩИЕ
ИСТОЧНИКИ:

patriarchia.ru, foma.ru, pravoslavie.ru, historyrussia.org,
gctm.ru, arts-dnevnik.ru, wikimedia.org, wikireading.ru,
biography.wikireading.ru, wikimedia.org/wikipedia/commons, commons.wikimedia.org, medialibrary.patriarchia.ru, pixabay.com, unsplash.com

Редакция не несет ответственности за достоверность информации, опубликованной в сообщениях информационных агентств, рекламных материалах и объявлениях. Редакция не имеет возможности вступать в переписку и не возвращает рукописи и иллюстрации. Редакция не предоставляет справочной информации. Перепечатка материалов из журнала «Русская мысль» – только по согласованию с редакцией. О случаях отсутствия в продаже журнала «Русская мысль», нарушениях сроков доставки и других недостатках в нашей работе сообщайте по номеру +44 (0) 203 205 0041 или пишите на e-mail: rmoffice@russianmind.com
ТИРАЖ: 11 000 ЭКЗ.

ТЕМА НОМЕРА

6 ИСТОРИЯ КАК ПОЗНАНИЕ

История – это вовсе не поиск истины в ее конечной инстанции, а выражение желания найти ответы на злободневные вопросы современности.

9 ПАМЯТИ ВИКТОРА ЛУПАНА

Блестящий журналист, выдающийся деятель Русского зарубежья, Виктор Лупан возглавлял «Русскую мысль» на протяжении шестнадцати лет.

ПРАВОСЛАВНЫЙ ВЕСТНИК

10 РОЖДЕСТВЕНСКОЕ ПОСЛАНИЕ ПАТРИАРХА МОСКОВСКОГО И ВСЕЯ РУСИ КИРИЛЛА

Великая спасительная сила любви исцеляет равнодушие и злобу, врачует ненависть и обиды.

12 К 15-ЛЕТИЮ ПЕРВОСВЯТИТЕЛЬСКОГО СЛУЖЕНИЯ

Редакция «Русской мысли» поздравляет Его Святейшество Патриарха Кирилла с пятнадцатилетием нахождения на престоле Первосвященителей Московских.

13 ЦЕРКОВНОЕ НОВОЛЕНИЕ

Церковь по-прежнему отмечает Новоление 1 сентября (14 сентября по новому стилю).

14 ВСЕОБЩЕ МНОГООБРАЗИЕ РОЖДЕСТВА

Рождество – это праздник всех и праздник для всех, и в этом его драгоценная неповторимая уникальность.

ИСТОРИЯ

18 РОССИЙСКАЯ ИМПЕРИЯ И ВОЙНЫ В ЕВРОПЕ

Почти сразу после Парижского конгресса министерство иностранных дел в России перешло в руки князя Александра Михайловича Горчакова.

28 СПОДВИЖНИК ПЕТРА I САВВА ВЛАДИСЛАВИЧ-РАГУЗИНСКИЙ

Рагузский торговец, состоявший на русской дипломатической службе, сыграл видную роль в истории России.

СТРАНИЦЫ ПРОШЛОГО

30 ВЕЛИКОЕ СЛУЧАЙНОЕ ОТКРЫТИЕ

На юге Челябинской области расположен самый большой в России комплексный Музей-заповедник Аркаим.

НАШИМ СООТЕЧЕСТВЕННИКАМ

36 КНЯЗЬ ГРИГОРИЙ НИКОЛАЕВИЧ ТРУБЕЦКОЙ

Путь дипломата, политика и церковного деятеля в России и русском зарубежье.

42 ТРИ ЗВЕРИНЫХ ЦАРЯ

Как сегодня существует, чем жива русская анималистика?

КУЛЬТУРА

48 ТАЙНА «ЧЕРНОГО КВАДРАТА»

К 145-летию со дня рождения Казимира Малевича.

52 «РОМЕО И ДЖУЛЬЕТТА»: СУДЬБЫ СКРЕЩЕНИЯ

Великий русский композитор сочинил балет по трагедии великого английского драматурга.

58 ВСЕВОЛОД МЕЙЕРХОЛЬД: ЖИЗНЬ, ЛЮБОВЬ И СУДЬБА

150 лет назад родился выдающийся театральный режиссер В. Э. Мейерхольд.

НАУКА

62 ГАЛИЛЕО ГАЛИЛЕЙ

К 460-летию со дня рождения великого итальянского астронома, математика и философа

ЛИТЕРАТУРА

68 ВЕЛИКИЙ БАСНОПИСЕЦ

К 255-летию со дня рождения Ивана Андреевича Крылова.

72 ЕРЕТИК: ПИСЬМА В БУДУЩЕЕ

К 140-летию со дня рождения Евгения Замятина.

74 ПО КОМУ ЗВОНИТ «КОЛОКОЛ» В НИЦЦЕ

Глава из книги Алисы Даншох «Истории из пропавшего чемодана».

80 ЖУИР

Представляем вниманию читателей рассказ Владимира Мальшева из книги «Возвращение».

84 ФАМИЛИЯ

Рассказ Марины Соловьевой из книги «Разные двери», вышедшей в 2023 году в издательстве «Книги» в Нижнем Новгороде.

92 ПУТЕШЕСТВИЯ ПО ЛИСТАМ СНЕЖНОЙ БУМАГИ

Рассказ писателя, поэта и эссеиста, постоянного автора нашего журнала Александра Балтина.

94 ТАМ, НА ДРУГОМ НЕБОСКЛОНЕ...

Представляем вниманию читателей подборку стихотворений известного русского поэта Михаила Синельникова.

96 РЕЙС НА НЕБО

Представляем вниманию читателей подборку стихов русского советского писателя, поэта, сценариста и переводчика Генриха Сапгира.

КНИГИ

98 «Я НЕ ПОЖАЛЕЮ...»

К 145-летию со дня рождения Георгия Ивановича Чулкова.

ТОЛЬКО У НАС

102 ОДИНОКИЙ «ЮНКЕРС»

Продолжение публикации повести Валерия Поволяева «Одинокий “Юнкерс”» (начало в № 153/01–02, 154/03–04, 156/07–08, 157/09–10 и 158/11–12).

СОБЫТИЯ И ИНФОРМАЦИЯ

110 ЗНАМЕНАТЕЛЬНЫЕ ДАТЫ И НОВОСТИ КУЛЬТУРЫ

ЧИТАЙТЕ В НАШЕМ ЖУРНАЛЕ СТАТЬИ НА АНГЛИЙСКОМ ЯЗЫКЕ

ИСТОРИЯ КАК ПОЗНАНИЕ

История – это вовсе не поиск истины в ее конечной инстанции, а выражение желания найти ответы на злободневные вопросы современности

КИРИЛЛ ПРИВАЛОВ

«Без тайнописи не бывает истории», – утверждали древние. Они были правы лишь наполовину: в равной степени истории не бывает без открытий. Без познания нового. И тут возникает много вопросов. Что такое тайна в истории? Как достигаются открытия? И вообще, являются ли они залогом познания?.. Познания той самой сокровенной тайны. Тайны истории.

Этот номер «Русской мысли», как стало у нас традицией, богат на исторические материалы. И главный среди них – история Аркаима, комплекса из городища, могильника и селищ XX–XVI столетий до нашей эры (!), который был обнаружен в начале семидесятых годов прошлого века на Южном Урале, в долинах рек Большая Караганка и Утяганка в Челябинской области России. Вслед за Аркаимом археологи нашли в том же уральском ареале и другие городища. Все они объединены схожей организацией городской инфраструктуры, развитой, многообразной, и не случайно ученые назвали эту загадочную цивилизацию, как теперь выясняется одну из самых древних в мире, Страной городов.

«Опять Россия – родина слонов», – выразит свое недоверие к вышперечисленным фактам неисправимый скептик. Это его право, не отнять. Но и в самом деле Аркаим, самая северная из древних цивилизаций, – это, без сомнений, огромная сенсация. Однако стоит ли ей удивляться? Мир с его гигантскими оледенениями

и резкими потеплениями на протяжении далеких тысячелетий настолько богат на открытия, что приходится говорить не о его рациональном познании, а о постижении, сочетающем логическое осмысление с интуицией и даже порой с прозрением.

Можно, конечно, наподобие гуру философии истории англичанина Арнольда Тойнби, в частности, видевшем в русском казачестве нечто вроде подобия средневекового рыцарского ордена, тщательным образом пронумеровать все цивилизации и исходить из этой аккуратной классификации в логической оценке земного бытия. Но разве способно подобное умственное жонглирование народами и нациями приблизить нас к пониманию феномена цивилизаций – замкнутых обществ, характеризующихся набором определяющих признаков, каковые и позволяют давать характеристику цивилизациям? Разве можно сегодня историю стран и государств подгонять под уже готовые концепции, под сложившуюся в восприятии некоторых политических авторитетов условную систему распределения ролей народов в глобальном цивилизационном театре? Никакой народ не подгонишь под заранее выправленную для него извне матрицу. Возможно, конечно, перелицевать исторические факты, изменить их до неузнаваемости, но сути мирового исторического мейнстрима все равно не поколебать.

Тем более сейчас, когда на службе археологов поистине космические технологии. То, что порой

не разглядишь под ногами, в грязи и в прахе, отлично просматривается с околоземной, небесной орбиты. Поэт не зря утверждал: «Большое видится на расстоянии...» В разных концах планеты сегодня раз за разом открываются такие новые культурные и цивилизационные слои, что историкам впору не на шутку растеряться.

Не говоря уже о том, может ли вообще история считаться стопроцентно объективной наукой? Ведь предполагается самый широкий спектр мнений и выводов. Не секрет: каждый текст историка так или иначе связан с его автором, если не с исконным летописцем, труды которого в той или иной степени использовались как источник для понимания исторического процесса. Любые исторические события проходят через взгляд историка, который не просто перечисляет их, а препарировывает, ищет причины и связи этих явлений. Как тут не растеряться в таком сонме фактов и комментариев? В конце концов, как считают некоторые теоретики, достижение объективной истины есть процесс, а не результат.

Ну и что из того? Еще древние утверждали, что никто не застрахован от ошибки. Ценность истории как науки, которая помогает нам развивать свою коллективную память и национальную идентичность, сохранять наследие и традиции наших предков, от этого ничуть не уменьшается. Наоборот, усиливает то особое повседневное коллективное умонастроение, которое называется патриотизмом,

подтверждает дух государства, его онтологические основы.

Не зря писал русский философ и писатель Василий Розанов: «Счастливую и веселую родину любить невелика вещь. Мы ее должны любить именно когда она слаба, мала, унижена, наконец, глупа, наконец, даже порочна».

Еще более конкретным был Николай Гоголь: «Если только возлюбит русский Россию, возлюбит и все, что ни есть в России. К этой любви нас ведет теперь Сам Бог. Без болезней и страданий, которые в таком множестве накопились внутри ее и которых виной мы сами, не почувствовал бы никто из нас к ней сострадания. А сострадание есть уже начало любви». Той самой любви, которая не должна быть сокрыта суетой повседневности, гонимой за сиюминутными благами, потребительским мышлением, наконец. Если конкретнее: любви к родной стране, к отчизне. В том числе – и к ее истории, какой бы ни была она. Как тут не вспомнить строки из письма Александра Пушкина к Петру Чаадаеву: «...клянусь честью, что ни за что на свете я не хотел бы переменить отечество или иметь другую историю, кроме истории наших предков, такой, какой нам Бог ее дал».

Впрочем, время бежит, как известно, быстрее нас. Несется, летит, изменяется! И, может быть, за два столетия, минувшие с пушкинской поры, так много вещей поменялось на Земле, что постулаты идеалов прошлого уже не работают? Скажу по чести: искренне сомневаюсь в этом. Тем более что как тут не осваивать горизонты познания, когда в наши дни валом идет такой мощный поток информации? Как ставить фактам временные рамки, ведь история существует только там, где есть оно – время? Да и что оно из себя представляет, если не дать ему,

Пьер Миньяр. «Клио, муза истории». 1689

времени, время, как когда-то призывал харизматичный президент Франции Франсуа Миттеран?..

Софизм, игра словами? Нет, мне кажется. Просто-напросто наличие желание дать фактам возможность «отлежаться» и поставить в какие-то рамки человеческую историю в нашем привычном мировосприятии. Ведь, согласно христианским представлениям, она открывается не с момента сотворения человека, а с мгновения его грехопадения, неповиновения Божественной воле. Только после изгнания людей из райских кущ, где существование Адама и Евы

гладко и ласково протекало вне сущностных метаморфоз, началась история. Настоящая, подлинная, безжалостная история, вложенная в конкретные временные границы. Стыдливо зародилось и познание. Пусть ценой первородного греха, но все равно такое сладостное, такое заманчивое и, казалось бы, такое многообещающее.

«Красивая легенда, хрестоматийный миф», – скажет кто-то о вышесказанном. Впрочем, правдивые истории обычно быстро забываются, а мифы живут веками, если не тысячелетиями – это аксиома.

Гюстав Доре. «Изгнание Адама и Евы из Рая». 1865

«Мы рассматриваем миф как тип человеческого поведения, – писал в середине прошлого столетия румынский мыслитель Мирча Элиаде, – и в то же время как элемент цивилизации». И далее: «...Если миф не просто инфантильное или заблуждающееся творение “примитивного” человечества, а изображение формы бытия

в мире, то что же можно сказать о мифах нашего времени?» Тем более что история, интерес к которой в наши дни во всем мире остается великим, дает нам огромное количество тем для разного рода новых мифов. Не факты сегодня в журналистике в цене, а их комментарии, домыслы, а значит – мифы. Да и без них, вероятнее всего, не может

быть и речи об искреннем желании познать историю вместе с ее «легендами нашего времени». В конце концов, история – это вовсе не поиск истины в ее конечной инстанции, а выражение желания найти ответы на злободневные вопросы современности, даже если они нами по причинам, зависящим от нас либо нет, без разницы, еще и не сформулированы до конца.

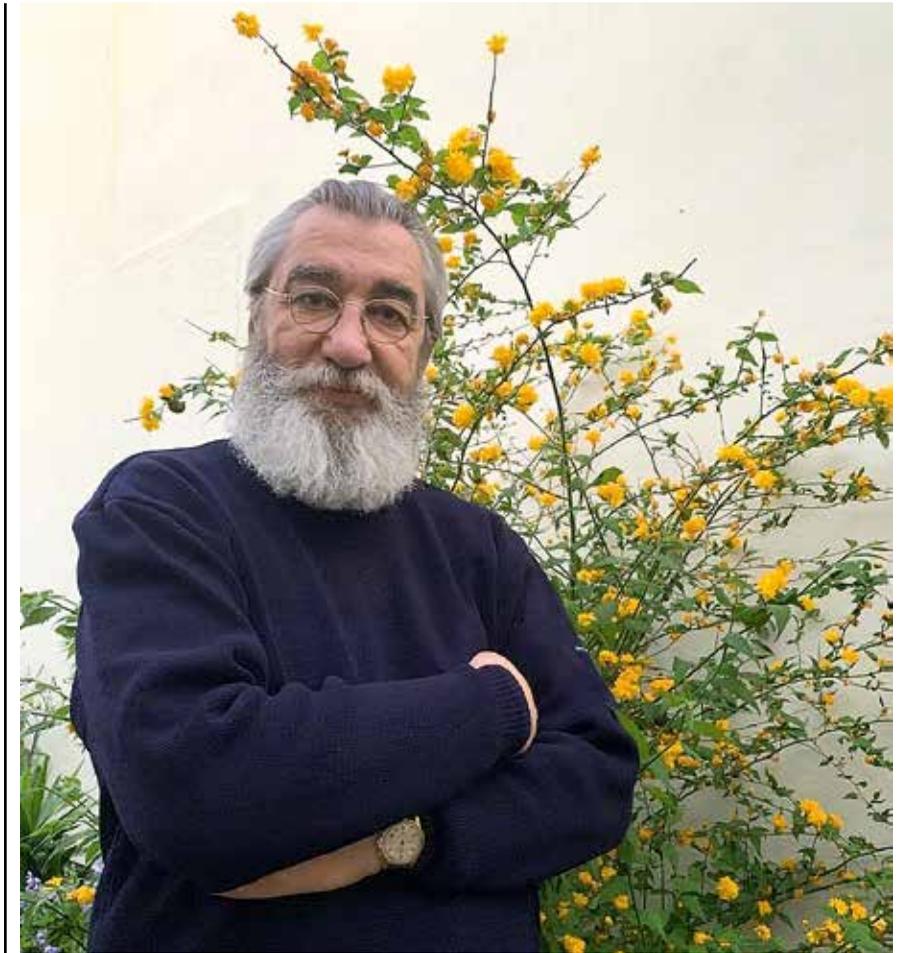
От одной моей американской коллеги я как-то услышал понравившуюся мне как профессиональному журналисту (а значит, прежде всего, как занимательному рассказчику) сентенцию: «Заблуждается тот, кто полагает, будто мир состоит из атомов; на самом деле он сотворен из историй». Это верно. Непрерывность потока истории, о которой говорят ученые, на самом деле – неисчерпаемость коллекции историй. Во множественном числе! И в каждой из них, если она занимательна и богата символами, заключается некая тайна, кроется сюжет, живет интрига. Открыв для себя одну историю (или представляя себе, что она, наконец, открыта), мы сталкиваемся с другой, еще более увлекательной, захватывающей, а порой и более загадочной, содержащей собственную тайну. Это ли не прекрасно: постоянно ощущать себя накануне открытия? Мы стремимся в «Русской мысли» подарить его читателям в каждом из наших материалов. А как иначе? Ведь история для нас – это акт познания. Порой даже несколько болезненный, но тем не менее чаще всего приятный.

Впрочем, существует и другая, совершенно противоположная, точка зрения. Так, прославленный немецкий философ Карл Ясперс был уверен, что «История имеет глубокий смысл, но он недоступен человеческому познанию». Ясперс считал: «Между безмерной до- историей и неизмеримостью будущего лежат 5000 лет известной

нам истории, ничтожный отрезок необозримого существования человека. Эта история открыта в прошлое и будущее... В этой истории находимся мы и наше время... По широте и глубине перемен во всей человеческой жизни нашей эпохе принадлежит решающее значение. Лишь история человечества в целом может дать масштаб для осмысления того, что происходит в настоящее время».

Что ж, попробуем иногда исходить из этого постулата и мы. У нас для правильного подхода к пониманию истории во всех ее ипостасях есть существенные основания. Окунаясь в прошлое, мы выныриваем в будущем и вовсе не желаем, чтобы наше прошедшее в ближней или даже дальней перспективе повторилось. В сим контексте невольно приходит на ум гениальный российский максим, преисполненный нашей специфической национальной самоиронии: «У нас все впереди – именно это и настораживает». Поэтому, проанализировав «дела давно минувших дней», мы стремимся быть максимально объективными и выдержанными при оценке событий сегодняшних. И пусть пионер эры информационных технологий американец Стив Джобс убеждал современников, что прошлого не было, а будущее, скорее всего, так и не наступит... Нам, грешным, остается довольствоваться настоящим, и это нас пока что устраивает.

Мы, русские люди, в каком бы уголке земного шара ни находились, живем по другому алгоритму: бережно изучаем прошлое, оптимистично рассчитываем на грядущее и стараемся достойно жить и трудиться в настоящем. Думается, для такой здоровой оценки нашего модус вивенди у нас есть некоторые убедительные основания. Ведь, познавая историю, мы познаем и самих себя. Разве не так?

ПАМЯТИ ВИКТОРА ЛУПАНА

Мы вспоминаем в эти дни Виктора Николаевича Лупана, чья жизнь безвременно оборвалась 22 января 2022 года.

Блестящий журналист, выдающийся деятель Русского зарубежья, внесший неоценимый вклад в сохранение культурного наследия русской эмиграции, талантливый писатель и кинорежиссер-документалист, многогранный и глубокий человек, Виктор Лупан возглавлял «Русскую мысль» на протяжении шестнадцати лет. Его яркие пере- довицы, полные мудрых мыслей, тонких размышлений и мастерского анализа происходящих событий, были образцом высокой

журналистики и визитной карточкой нашего издания.

Истинный сын Русской Православной Церкви, Виктор Николаевич был человеком редких душевных качеств. Общение с ним всегда доставляло большую радость, он излучал позитив, доброжелательность и особое спокойствие мудрого философа. Глубина знаний и богатство его духовного мира были неисчерпаемы!

Тяжело терять исключительных людей, которыми одаривает нас судьба, но велико счастье встретить их на своем жизненном пути.

Вечная память!

Редакция журнала
«Русская мысль»

РОЖДЕСТВЕНСКОЕ ПОСЛАНИЕ ПАТРИАРХА МОСКОВСКОГО И ВСЕЯ РУСИ КИРИЛЛА АРХИПАСТЫРЯМ, ПАСТЫРЯМ, ДИАКОНАМ, МОНАШЕСТВУЮЩИМ И ВСЕМ ВЕРНЫМ ЧАДАМ РУССКОЙ ПРАВОСЛАВНОЙ ЦЕРКВИ

Возлюбленные
о Господе архипастыри, все-
честные пресви-
теры и диаконы,
боголюбивые ино-
ки и инокини,
дорогие бра-
тья и сестры!

Неизреченная
любовь Божия со-
брала нас ныне,
чтобы в единстве
духа и союзе мира
(Еф. 4, 3) встре-
тить один из наи-
более торжествен-
ных и вместе с тем
таинственных
праздников Церк-
ви – Рождество
Господа нашего
Иисуса Христа.
Прославляя при-
шествие в мир Спа-
сителя, сердечно
поздравляю всех
вас, мои дорогие,
с этим радостным
событием, открыв-
шим новую эпоху
в отношениях меж-
ду Богом и людьми.

Каждый раз
вглядываясь в про-

Патриаршее служение в праздник Рождества Христова
в Храме Христа Спасителя

Фото: Олег Варов

изошедшее два ты-
сячелетия назад,
мы пытаемся по-
стичь величие чуда
Боговоплощения
и не перестаем
удивляться благо-
сти и милости на-
шего Создателя.
На протяжении
долгих веков чело-
вечество томилось
в напряженном
ожидании обе-
щанного Господом
Примирителя
(Быт. 49, 10): Царя
праведного и спаса-
ющего (Зах. 9, 9),
на имя Которого
будут уповать на-
роды (Ис. 42, 4).
И вот, когда, на-
конец, наступила
полнота времен,
Младенец родил-
ся нам (Ис. 9, 6),
дабы всякий веру-
ющий в Него не по-
гиб, но имел жизнь
вечную (Ин. 3, 16).
Любовь Божия,
превосходящая раз-
умение (Еф. 3, 19),
послала в мир

не ходатая, не ангела, не сильно-
го и могущественного правителя,
как думали люди, – Сам Бог вопло-
тился, чтобы освободить человека
от власти греха и зла.

Достоинно изумления, что вели-
чайшее в истории событие, о ко-
тором возвещали ветхозаветные
пророки и которое предчувство-
вали даже выдающиеся мыслите-
ли древности, свершилось столь
скромно и внешне неприметно.
Спал Вифлеем. Спал Иерусалим.
Спала вся Иудея. Господь Вседер-
житель – Царь царей и Владыка
Вселенной – явился миру не под
торжественные звуки трубного
гласа (Пс. 150, 3) и всеобщего
ликования, но смиренно и крот-
ко, в ночной тиши убогой пеще-
ры, воспеваемый сонмом ангелов
и немногими пастухами, пришед-
шими посмотреть, что случилось
(Лк. 2, 15).

В самом начале Своего зем-
ного пути Господь словно хочет
«в пределах унижения показать
образ добродетели», – размыш-
ляет святитель Иоанн Златоуст.
Так благородно поступает толь-
ко совершенная любовь, которая
не ищет своего (1 Кор. 13, 4–5),
не выставляет себя напоказ
и не требует почета и славы, но го-
това переносить ради пользы
ближних все лишения и скорби.
«Именно поэтому, – продолжает
вселенский учитель Церкви, – Гос-
подь принимает мое тело, чтобы
я вместил Его Слово, и, приняв мою
плоть, дает мне Своего Духа, что-
бы, и давая, и принимая, сообщить
мне сокровище жизни» (Слово
на Рождество Христово). В этом
и открылась нам преизобильная
любовь Божия, что мы получили
истинное сокровище жизни – Са-
мого Господа, из Которого все, Им
и к Нему (Рим. 11, 36).

Любовь – настоящая причина
и движущая сила Божественных
поступков. Он привел в бытие
мир и сотворил человека, щедро

наделив его дарами. По любви
пришел спасти его, когда тот от-
пал от общения со своим Твор-
цом. По предназначению Создате-
ля весь смысл человеческой жизни
заключается в том, чтобы и мы
любили друг друга (Ин. 14, 34).
Но как этого достичь в мире, где
столько зла и ненависти? Для это-
го прежде всего необходимо от-
крыть и отдать свое сердце Богу.
Только Он может изменить и рас-
ширить его, чтобы оно, ныне та-
кое немощное и ограниченное,
стало способным вместить в себя
и ближних, и дальних, и благо-
творящих, и обидящих нас – всех
тех, кого мы призваны любить
по заповеди Христовой, подражая
в совершенстве нашему Небесному
Отцу (Мф. 5, 48).

Склоняясь в молитве перед Но-
ворожденным Богомладенцем, по-
думаем, а какой же дар предложим
Владыке Вселенной? Может ли
быть вообще нечто достойное
и соразмерное величию Превечно-
го Творца? Да, есть такой ценный
дар, которого более всего желает
Господь: наше смиренное, любя-
щее и милующее сердце. Будем же
прославлять Воплотившегося
Христа не только прекрасными
песнопениями и поздравитель-
ными сообщениями, но прежде
всего – добрыми делами. Поде-
лимся светлой рождественской
радостью с нуждающимися, со-
греем нашей заботой ближних,
посетим больных и обремененных
скорбями. Утешим и поддержим
унывающих, покроем молитвой
всех в смятении и печали суищих.

Великая спасительная сила люб-
ви исцеляет равнодушие и злобу,
врачет ненависть и обиды. Она
смягчает нравы ожесточенных
и исправляет многие кривизны
общественных отношений! Если
будем поступать так, воистину
исполним свое высокое христиан-
ское призвание, ибо этим излиани-
ем любви, по слову преподобного

Исаака Сирина, мы уподобляемся
Богу (Слова подвижнические. 48).

Тайна Боговоплощения – это
тайна реального присутствия
Бога в мире. Апостол и еванге-
лист Иоанн, прозревая жизнь
будущего века, свидетельствует
о всецелом пребывании Господа
с людьми: «Он будет обитать
с ними; они будут Его народом,
и Сам Бог с ними будет Богом
их» (Откр. 21, 3). Однако эта
неизреченная тайна Божествен-
ного присутствия начинает осу-
ществляться уже здесь, на земле,
ибо с Рождеством Спасителя ис-
полнилось время и приблизилось
Царствие Небесное (Мк. 1, 15).
Мы зримо входим в эту реаль-
ность, образуя Единую Святую
Церковь Христову, чрез Которую
все мы, мои дорогие, являемся по-
сланниками и представителями
сего Вышнего Царствия любви.
Это удивительное и глубокое пе-
реживание «с нами Бог» состав-
ляет сущность таинственной, со-
кровенной жизни Церкви.

Будем помнить о том, что, если
Сам Вседержитель – Альфа и Омега,
начало и конец, первый и последний
(Откр. 22, 13) – заключил в Свои
объятия человеческую историю
и обещал пребывать с нами во все
дни до скончания века (Мф. 28, 20),
то нам нечего страшиться и боять-
ся тревожных обстоятельств ны-
нешнего времени. Откаиваясь
на великую любовь Спасителя, на-
учимся же полностью верить себя
Господу и уповать на Его благой
Промысл, дабы и до Второго слав-
ного пришествия Христова даже
до последних земли (Ис. 8, 9) с дерз-
новением и радостью свидетель-
ствовать, яко с нами Бог!

**+ КИРИЛЛ, ПАТРИАРХ
МОСКОВСКИЙ И ВСЕЯ РУСИ**

Рождество Христово
2023 / 2024
Москва

К 15-ЛЕТИЮ ПЕРВОСВЯТИТЕЛЬСКОГО СЛУЖЕНИЯ ПРЕДСТОЯТЕЛЯ РУССКОЙ ПРАВОСЛАВНОЙ ЦЕРКВИ СВЯТЕЙШЕГО ПАТРИАРХА МОСКОВСКОГО И ВСЕЯ РУСИ КИРИЛЛА

Вот уже пятнадцать лет, как на престоле Первосвятителей Московских пребываете Вы, Ваше Святейшество. Эти годы тесно связаны с Вашими Первосвятительскими трудами – и не только в пределах Отечества. Ибо это было время этапных, многотрудных, по истине судьбоносных решений для канонического пространства Русской Православной Церкви и для всего Русского мира. Итоги Вашего Патриаршего служения Богу и людям – это удвоение количества епархий Русской Православной Церкви и числа архиереев, строительство и восстановление многочисленных храмов, открытие новых приходов, совершенствование миссионерского, социального и молодежного служения, модернизация системы религиозного образования. Благодаря Вашим пастырским начинаниям воссоединились три части Русской Православной Церкви, которые образовались после революции 1917 года.

Шестнадцать государств составляют для Русской Православной Церкви ее каноническую территорию, а за ее пределами – еще более 60 стран, в которых действуют более 20 епархий, почти тысяча приходов, более 40 монастырей. Совсем недавно

к ним были добавлены патриаршие экзархаты в Западной Европе с центром в Париже и в Юго-Восточной Азии с центром в Сингапуре, а также патриарший экзархат в Африке. И в значительной степени это результат Вашего Пастырского служения и Вашего высокого международного авторитета – как у руководителей стран канонической ответственности Русской Церкви, так и у лидеров других государств.

Для дальнейшего продвижения в мире Слова Христова созданы такие органы совершенствования деятельности Русской Церкви, как Высший Церковный Совет и Межсоборное присутствие.

Пятнадцать лет Вашего Пастырского служения связаны с увеличением числа православных образовательных организаций, с активизацией изучения Основ Православной культуры, с ростом числа духовных академий и семинарий, с постоянным социальным служением Русской Церкви с ее группами самопомощи, приютами, сестричествами и автобусами милосердия, добровольческими объединениями разного профиля. Ваш личный пример, Ваше сердечное попечение о нуждах людей и Православия помогают всем нам по-новому взглянуть

на понятие христианского долга. Вы учите нас жить по заветам Христовым, это значит – по совести и вере.

Вы стали инициатором ежегодного совершения 30 октября на территории России заупокойных богослужений обо всех православных христианах, безвинно погибших в годы советских репрессий или находившихся в заключении без вины. Для Вас защита христиан – в каких бы странах они ни проживали и к каким бы народам ни принадлежали – является одной из главных прерогатив Вашей жизни.

«И мир Божий, который превышает всякого ума, соблюдает сердца ваши и помышления ваши во Христе Иисусе», – говорится в Послании к Филиппийцам (4:7). Эти прекрасные, возвышенные слова являются и знаком Вашего Первосвятительского служения.

Редакция «Русской мысли» сердечно поздравляет Вас, Ваше Святейшество, с пятнадцатой годовщиной интронизации и желает Вам крепкого здоровья и помощи Божией в высоком и ответственном Патриаршем служении.

От имени коллектива
«Русской мысли»
кн. Александр Трубецкой

ЦЕРКОВНОЕ НОВОЛЕТИЕ

Вопрос расхождения светской и церковной традиций не решен до сих пор, но неизменным осталось одно правило: Церковь по-прежнему отмечает Новолетие 1 сентября (14 сентября по н. ст.)

МАРИНА БОРИСОВА

Какова история дня новолетия в России? Павел Флоренский как-то подметил: «Русская вера сложилась из взаимодействия трех сил: греческой веры, принесенной нам монахами и священниками Византии, славянского язычества, которое встретило эту новую веру, и русского народного характера, который по-своему принял византийское православие». Эту мысль иллюстрирует и русская традиция встречи Нового года.

1 января 45 года до Р. Х. Римская империя по воле Юлия Цезаря перешла с лунного календаря на солнечный. А в 312 году византийский император-христианин Константин Великий постановил праздновать начало нового года с 1 сентября. В VI веке эта традиция вошла в жизнь Церкви.

Из Византии традиция отмечать церковное Новолетие перешла и на Русь, хотя даже после принятия христианства в народе долгое время не было единой даты встречи Нового года. Считается, что чаще всего новогодними признавались дни, близкие к весеннему равноденствию. Попыткой Церкви бороться с языческими датами, некоторые этнографы и фольклористы объясняют в том числе и традицию Масленицы: якобы это отголосок языческого праздника, суть которого переосмыслили и по времени переместили в канун поста. Одна из долго продержавшихся в сознании дат (наряду с 1 сентября) – 20-е числа марта.

Впрочем, прежние традиции не понравились реформатору и создателю империи Петру Великому. Он, ссылаясь на практику многих народов, но явно ориентируясь на Европу, отменил прежний обычай вести летоисчисление от Сотворения мира, повелев считать даты от Рождества Христова. И одновременно приказал праздновать Новый год через семь дней после Рождественского

праздника. Впервые Новый год праздновался по-новому с 1699-го на 1700 год от Р. Х. В итоге на Руси со времени принятия христианства установился некий компромисс календарных традиций. С конца XV века он начал вызывать все больше неудобств. Однако в ту пору многие твердо верили, что в 7000 году «от сотворения мира» (в 1492 году от Рождества Христова) наступит Судный День, и даже даты Пасхи определяли только до 1492 года. Соответственно и к вопросу о дате Нового года относились без особого внимания.

Но «роковой» срок миновал, а Судный День так и не наступил. И в сентябре 1492 года Московский церковный собор утвердил пасхалию на последующие годы, а заодно, следуя византийской традиции, окончательно определил дату Новолетия – 1 сентября (14 сентября по новому стилю). Эта дата выглядела разумной и из соображений государственных: в августе – сентябре собирали урожай, и казне легче было сразу же получать с поданных годовые платежи.

В 1918 году Россия перешла с юлианского на принятый в Европе григорианский календарь, и в декабре 1918 года оказалось на 13 дней меньше. Но в разгар Гражданской войны это мало кто заметил. Намного большее оказалось впоследствии то, что на Новогоднюю дату теперь приходились самые строгие дни Рождественского поста, причем непосредственно 1 января нового стиля в Церкви поминают священномученика Воинифатия, которому молятся об избавлении от недуга пьянства.

А праздник Рождества Христова сместился на 7 января по новому стилю. Вопрос расхождения светской и церковной традиций не решен до сих пор, но неизменным осталось одно правило: Церковь по-прежнему отмечает Новолетие 1 сентября (14 сентября по новому стилю).

Вопрос расхождения светской и церковной традиций не решен до сих пор, но неизменным осталось одно правило: Церковь по-прежнему отмечает Новолетие 1 сентября (14 сентября по новому стилю).

Вопрос расхождения светской и церковной традиций не решен до сих пор, но неизменным осталось одно правило: Церковь по-прежнему отмечает Новолетие 1 сентября (14 сентября по новому стилю).

ВСЕОБЩЕЕ МНОГООБРАЗИЕ РОЖДЕСТВА

*Рождество – это праздник всех и праздник для всех,
и в этом его драгоценная неповторимая уникальность*

АВГУСТИН СОКОЛОВСКИ,
доктор богословия, священник

«Рождество Христово». Икона из праздничного чина иконостаса Благовещенского собора Московского Кремля. 1410-е

«Слава в вышних Богу, и на земле мир, среди людей благоволение», – это краткое песнопение Рождества Христова встречается нам в самом начале Евангелия от Луки (2,14) в описании ангельского славословия Богу в рождении Иисуса Христа. Пожалуй, во всей Библии нет таких слов, которые бы повторялись людьми из года в год на всех языках мира независимо от континентов, стран и народов.

Воспоминание о Рождении в мир Иисуса Христа ежегодно привлекает к себе внимание огромного числа людей. Оно вбирает в себя множество смыслов и, в отличие от других библейских воспоминаний, которые остаются достоянием Церкви, по праву считается универсальным, вселенским, общечеловеческим торжеством.

В православном богослужебном календаре Рождество Христово является одним из двенадцати главных праздников, по традиции именуемых двенадцатыми. Однако по своему значению, исторической роли и масштабу празднования в Церкви и светском сообществе Рождество – это, несомненно, величайшее торжество.

Одновременная церковность и светскость рождественского празднования находят свое отражение и в подготовке к нему. Так, в западной христианской традиции Рождеству предшествует период Адвента, то есть Времени

Пришествия, как дословно переводится это слово с латинского языка. Состоящий из четырех предшествующих празднику воскресений и сопутствующих им недель, Адвент является временем внимательного ожидания праздника и подготовки к нему и уже поэтому содержит в себе моменты наступающего праздника.

В восточном христианстве способ ожидания Рождества исторически был более строгим и аскетическим и в настоящее время сохраняется в Церкви как сорокадневный Рождественский Пост. Тем не менее в самом этом посте есть немалое число послаблений, а богослужение содержит замечательные песнопения и целый ряд празднований в честь ветхозаветных праведников и многих великих святых.

Таким образом, верующие имеют возможность черпать в церковных службах вдохновение к ожиданию праздника, а люди доброй воли, не готовые зримым образом отождествлять себя с Церковью, приближаются к празднику в многочисленных явлениях общественной жизни и культуры, затрагивающих рождественскую тему или напрямую посвященных Рождеству.

Наряду с Римско-католической церковью и церквями и церковными сообществами протестантизма православие представляет собой одну из трех основных форм исторического существования христианства на земле. Для абсолютного большинства христиан дата празднования Рождества является общей. Начало рождественского торжества приходится в ночь с 24 на 25 декабря.

При этом среди православных людей всего мира Русская, Сербская, Грузинская, Иерусалимская, Польская Церкви, а также Святая Гора Афон в Греции в своей внутренней богослужебной жизни следуют юлианскому календарю.

Он отстает от современного светского григорианского календаря на 13 дней, а потому Рождество Христово в этих церквях и странах празднуется 7 января.

Интересно, что среди западных христиан бытует убеждение, что православные вместо Рождества празднуют Богоявление. Однако это не так, и об этом следует напоминать. Ведь некогда, более чем полтора тысячелетия назад, Рождество и Богоявление действительно представляли собой единое празднование, но начиная с IV–V веков стали отмечаться отдельно.

Единственное исключение здесь представляют так называемые Древние Восточные Церкви: Коптская, Армянская Апостольская и иные, которые празднуют Рождество и Богоявление как единое торжество в честь явления Бога в мир. Такое совместное празднование Богоявления, как единого события обязано своим происхождением древней восточной христианской традиции, в которой день рождения Иисуса Христа первоначально не отмечался самостоятельно. В свою очередь, на западе христианского мира тогда же возникла традиция праздновать именно Рождество.

Важно отметить, что первые три века существования христианства были временем преследований со стороны языческих властей. Палестина была частью Римской империи. Христианство первоначально воспринималось римлянами как часть древней иудейской религии и по причине этой древности было разрешено. Однако весьма скоро между иудеями и христианами возникло размежевание. Оно носило промыслительный характер, то есть было частью божественного замысла.

Ведь если бы христианство осталось частью иудейской религии, то благовестие веры во Единого Бога и посланного Им Иисуса Христа не смогло бы преодолеть

границы национального измерения, прежде свойственного библейской традиции в иудаизме, и не стало бы всемирным исповеданием.

Одновременно разделение между иудаизмом и христианством послужило причиной нового взгляда римских языческих властей на христианство: оно стало новой религией и перестало быть дозволенным. До самого момента принятия христианства Константином Великим (274–337) в качестве официальной религии Римской империи оно жестоко преследовалось. Хотя формально не все римские императоры начинали систематические гонения, христиане часто становились жертвами спонтанного гнева языческой толпы.

Постоянное преследование со стороны властей и населения в первые три века истории христианской Церкви способствовало формированию у христиан особенного парадоксального, во многом трагического мировоззрения. Важной составляющей этого взгляда на мир было ожидание скорого Второго Пришествия Христова. Оно заключалось в убеждении, что Господь Иисус вскоре вернется, чтобы завершить историю и преобразить этот мир. Новозаветные тексты свидетельствуют о том, что ожидание неминуемого скорого возвращения Господа было важной составляющей мировоззрения Святых Апостолов.

В этой связи представляется очевидным, что в первые времена своего существования христианство не знало многих и разнообразных литургических празднований, но праздновало исключительно Воскресение Христа. При этом в различных христианских церквях существовало два способа такого празднования.

Так, некоторые церкви отмечали Пасху единожды в году в первый воскресный день после первого полнолуния, следующего

«Поклонение волхвов». Фреска пещерной церкви. Каппадокия. XII век

за весенним равноденствием. Другие Церкви, преимущественно в Малой Азии, в соответствии с данными библейского текста совершали Пасху в 14 день первого весеннего лунного месяца нисана, в какой бы день недели такое празднование ни выпадало.

При этом все христиане совершали Пасху еженедельно, в первый день новой недели, каковым являлось и продолжает являться наш воскресный день. Такое постоянное празднование этого дня было напрямую связано с ожиданием скорого Второго Пришествия Господа. Христиане были наполнены убеждением, что возвращение Господа должно было совершиться вскоре, а потому следовало устремляться ему навстречу в евхаристическом служении.

Об этом, в частности, писал Апостол Павел в Послании к Коринфянам, когда объяснял смысл Христовых слов об установлении Евхаристии: «Ибо всякий раз, когда вы едите хлеб сей и пьете чашу сию, смерть Господню возвещаете, доколе Он придет» (1 Кор. 11:26). Такое регулярное еженедельное празднование Воскресения Христова сохранилось во всех христианских традициях. Со временем оно утратило свой эсхатологический характер ожидания Возвращения Господа, а в церковном языке получило название малой Пасхи.

Прекращение гонений и провозглашение христианства официальным исповеданием Римской империи при императоре Константине способствовало рождению в христианском богослужении новых

воспоминаний и празднований, одним из которых стало Рождество.

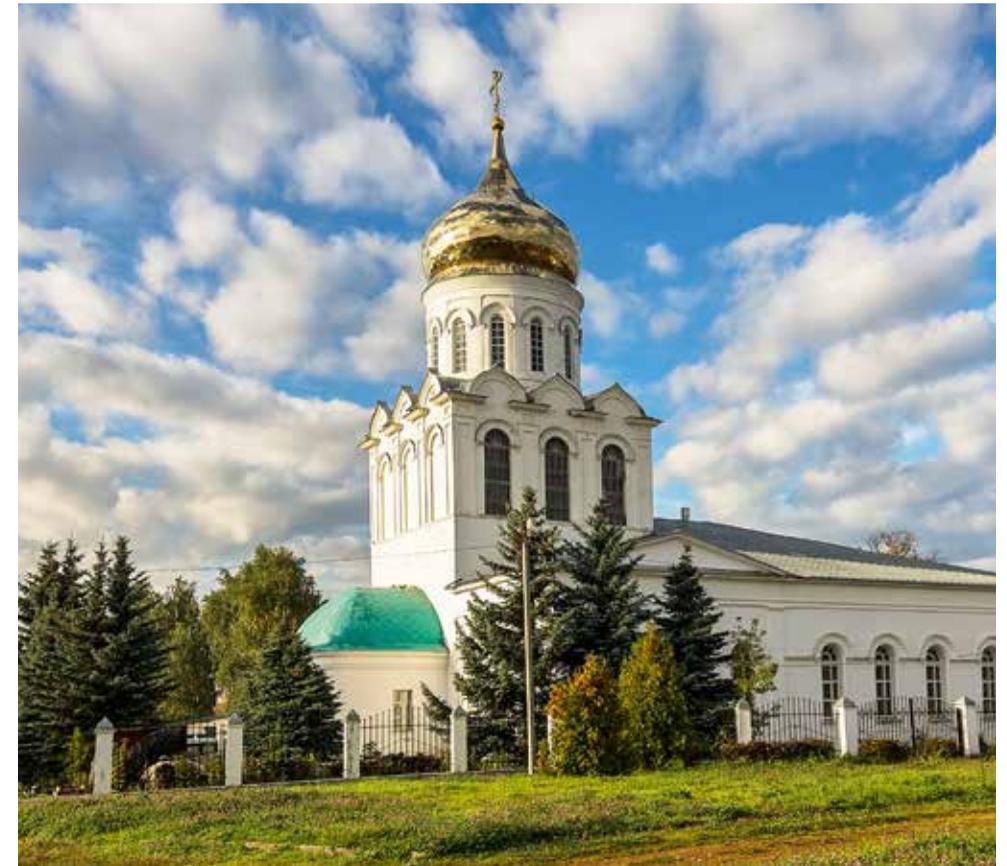
Знание об этом помогает правильно ответить на вопрос о том, какое из празднований – Рождество или Пасха – является самым главным в повседневной жизни христиан. Ведь история, богословие и устав богослужения говорят о главенстве Пасхи, тогда как восприятие вещей и спонтанное отношение часто свидетельствуют о том, что самым главным христианским праздником в жизни общества чаще всего становится Рождество. На самом деле в этом нет противоречия, ведь Рождество – это преображенное ожидание Пришествия Господа, родившееся из ощущения христианами продолжающейся истории мира, как торжества Христовой Пасхи, ставшее пожеланием друг

другу счастья и радости здесь и сейчас.

Подобно тому как в течение довольно долгого времени в христианстве сосуществовали две практики празднования Пасхи (одна из которых, 14 нисана, вдохновлялась ветхозаветной традицией воспоминания библейского исхода, а другая основывалась на новозаветном мировосприятии Воскресения Христова как нового неповторимого события, изменившего ход истории), в определении даты празднования Рождества Христова сформировались два различных объяснения.

Первое из них, которое на языке Церкви именуется богословским, говорит о том, что дата 25 декабря зависит от даты Благовещения, которое исторически праздновалось 25 марта. По библейскому убеждению, близкому по времени земной жизни Господа Иисуса, Мессия должен был умереть в день своего зачатия. Согласно Писанию и вере Церкви, Господь Иисус «воплотился от Духа Святого и Марии Девы». Он был зачат Марией Девой Духом Святым в событии Благовещения.

Очевидно, что конкретные дни земной жизни Иисуса Христа с трудом поддаются верификации. Пожалуй, единственной такой датой, остается день распятия, который, вероятно, приходился на 25 марта. Интересно, что именно астрономы, исходя из правил определения празднования иудейской Пасхи, предпринимали успешные попытки подтверждения именно этой даты. Отсюда происходит и объяснение празднования дня Рождества Христова, как девяти месяцев, присутствующих человеческой природе

Собор Рождества Христова в Александрове (Россия). 1696

и отсчитанных от дня Благовещения. Некоторые древние предания и толкователи также считали, что распятие Христово исторически совершилось в этот день.

Другое объяснение даты празднования Рождества Христова 25 декабря именуется историческим. Оно исходит из того, что именно в этот день в римском язычестве праздновалось рождение нового солнца. По мнению ряда исследователей, Римская Церковь, желая прекратить господство этой языческой традиции, намеренно стала праздновать событие Рождества именно в этот день. Таким образом, древней языческой практике, которая прежде могла казаться непреодолимой, придавался христианский характер. Со временем, по причине авторитета римского христианства эта практика распространилась и на Востоке, который

прежде знал только празднование Богоявления.

У обеих точек зрения есть свои сильные и слабые стороны. В определенном смысле они дополняют друг друга и одновременно указывают на принципиальную неисчерпаемость человеческого восприятия единого события Христова Рождества.

«Слава в вышних Богу, и на земле мир, среди людей благоволение». Подобно тому как вокруг самой даты этого празднования сложилось два обоснования, с течением веков Рождество Христово сделалось одновременно светским и религиозным воспоминанием. Рождество – это праздник всех и праздник для всех, и в этом его драгоценная неповторимая уникальность на все времена. В день Рождества безоговорочно сошлись благословение человека и радость Бога.

РОССИЙСКАЯ ИМПЕРИЯ И ВОЙНЫ В ЕВРОПЕ

Почти сразу после Парижского конгресса министерство иностранных дел в России перешло в руки князя Александра Михайловича Горчакова

ТЕО ГУРИЕЛИ

Князь Алексей Михайлович Горчаков. Портрет работы Н.Т. Богацкого. 1876

После Парижского мира Наполеон III некоторое время казался если не гегемоном Европы, то по крайней мере высшим

арбитром европейской политики. Так его, кстати говоря, и называли тогда не только придворные льстецы, но и многие авторитетные буржуазные публицисты.

В первые два-три года казалось, что и британский премьер-министр Генри Пальмерстон счел за благо не вспоминать о коварном поведении Наполеона на Парижском конгрессе и лишь пытался сделать все, чтобы император не продолжал идти по пути дальнейшего сближения с Россией. А это сближение было очевидным.

Почти сразу после Парижского конгресса министерство иностранных дел в России перешло из рук Карла Нессельроде в руки князя Александра Михайловича Горчакова. Это был человек умный, проницательный, с широким кругозором. Он блестяще знал ближайшую к современности дипломатическую историю Европы, что неудивительно, так как ранее Горчаков участвовал в работе конгрессов Священного союза, был первым секретарем при русских посольствах в Лондоне и Риме, служил в посольствах в Берлине, Флоренции и Вене. Одно время он являлся чрезвычайным посланником при Германском союзе, а позже – послом в Вене. Характера он был довольно независимого, за что его не любил канцлер Нессельроде. А посему долго не давал ему ходу.

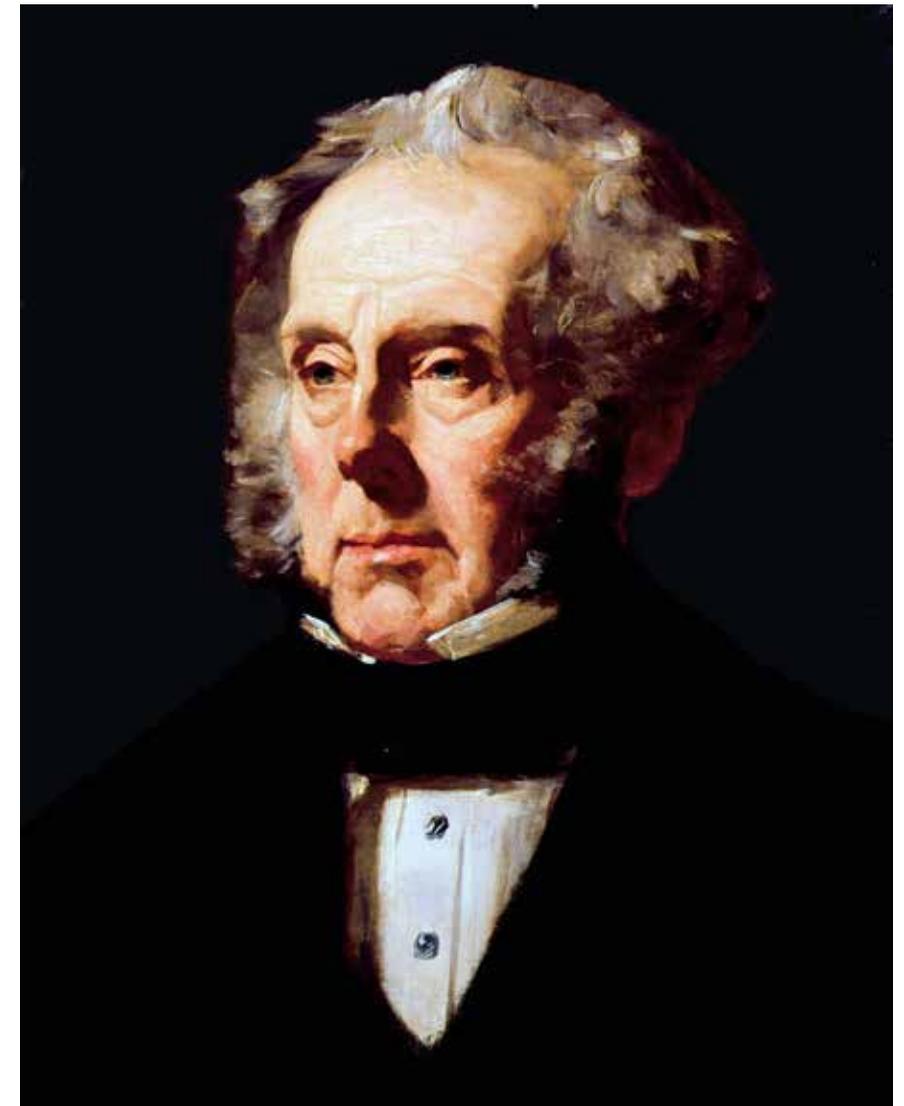
Говоря о его назначении, сотрудник герценовского «Колокола» князь Петр Владимирович

Долгоруков не преминул заметить: «В 1825 году князь Горчаков взял отпуск в Россию на несколько месяцев; проезжая через Псковскую губернию, он свернул с дороги, чтобы посетить опального товарища своей юности, знаменитого Пушкина, в то время сосланного в деревню отца своего, в село Михайловское, и жившего там под надзором местной полиции. Со стороны двадцативосьмилетнего дипломата, ехавшего в Петербург в аракчеевскую эпоху, поездка в деревню для посещения опального друга была весьма благородным поступком».

Пушкин так оценил поступок своего товарища по Царскосельскому лицу: «Хвала тебе – фортуны блеск холодный // Не изменил души твоей свободной: // Все тот же ты для чести и друзей».

Первое, что сделал Горчаков на новом посту, – изложил основы своей политики в докладе Александру II и в циркулярных нотах, которыми оповестил Европу о предстоящей дипломатической роли России. «*La Russie se recueille*» («Россия сосредоточивается»). Суть их была такова: Россия воздерживается от активного вмешательства в европейские дела; Россия оправляется от потерь и понесенных жертв; Россия идет по пути независимого развития. Это был один из краеугольных камней будущей политики. Другой же стал откровением для Европы. Он выглядел так: «Россия отныне не намерена жертвовать своими интересами для поддержания принципов Священного союза и считает себя совершенно свободной в выборе своих будущих друзей».

В общих чертах эти основы политики Горчакова как нельзя более соответствовали тенденциям дипломатической деятельности Наполеона III после Парижского конгресса. С одной стороны, Российская империя предоставляла

Лорд Генри Пальмерстон. Портрет работы Фрэнсиса Крукшенка. 1855

французскому императору полную свободу действий, а с другой – Горчаков явно намекал на Австрию, когда выражал разочарование по поводу прежних союзников России по Священному союзу.

Наполеон же в этот период все больше рассматривал Австрию в качестве мишени. Перед ним постепенно вырисовывалась новая задача, решение которой должно было принести ему не только новые лавры победителя, но, в отличие от результатов Крымской войны, также и немалые территориальные приобретения. Речь шла

об изгнании Австрии с Апеннинского полуострова.

Обстоятельства складывались в тот момент благоприятно для замыслов французского императора. Отношения с Россией после Парижского мира улучшались чуть ли не с каждым месяцем. В 1856 году Наполеон III послал на торжества по поводу коронации Александра II в Москве одного из самых доверенных своих лиц – графа де Морни, который еще во время Крымской войны говорил о необходимости поскорее мириться с Россией. Народу, окружавшему

Наполеон III. Около 1860

в день обряда коронования Успенский собор в Кремле, не могло не броситься в глаза, что Морни велел остановить кареты своей свиты очень далеко от собора, и все французское посольство с непокрытыми головами прошло пешком довольно длинный путь до собора. Другие посольства этого не сделали.

В дальнейшем Морни не переставал выказывать исключительное почтение к царю. Он всюду, по поводу и без повода, говорил о пользе франко-русского союза для обеих империй и о том, что этот союз может дипломатически господствовать в Европе и во всем

мире. Аристократия в Петербурге приняла графа Морни очень дружелюбно. Женившись на русской женщине (княжне Трубецкой), французский посол стал и в Москве, и в Петербурге «своим человеком». Царь к нему благоволил и принимал его в любое время. Морни удалось без особого труда добиться ценных экономических льгот для французских предпринимателей в России, и он, торжествуя, доносил Наполеону: «Я вижу в России рудник для французской эксплуатации».

Но несмотря на все усилия, построить франко-русский союз Морни не удалось. Причин тут было несколько. Во-первых, для создания франко-русского союза требовалось расторгнуть союзные отношения, продолжавшие соединять Англию и Францию после Крымской войны. А принять Россию в этот союз Англия ни за что не хотела, да и России подобный «тройственный союз» был не нужен. Ведь враждебные происки премьер-министра Великобритании Генри Пальмерстона против России продолжались и на Кавказе, и в Персии, и в Турции, и в других местах. Во-вторых, Наполеон III сам сильно повредил делу графа Морни,

объявив при личном свидании с Александром II, что он заинтересован в эмансипации Царства Польского.

Эта тема была крайне неприятна царю: ведь на протяжении десятилетий Царство Польское являлось своего рода «буфером безопасности» для центральной части России. «Со мной осмелились заговорить о Польше», – так с раздражением прокомментировал царь этот инцидент, когда проводил встречу со своими приближенными.

Но, хотя дело и не дошло до франко-русского союза, Наполеон, тем не менее, мог быть вполне уверен, что и Александр II, и Горчаков одобряют идею дипломатического сотрудничества России с Францией и что в случае нападения Франции на Австрию Россия не только не поможет австрийцам, но займет по отношению к Франции позицию так называемого «дружественного нейтралитета».

Более сложно обстояло дело с Англией. Пальмерстон с большим беспокойством присматривался и к дипломатическим успехам Морни в России, и к свиданию обоих императоров, и к согласованным действиям Франции и России в 1857–1858 годах в вопросе создания из Молдавии и Валахии нового государства Румынии. Пальмерстон, которого все это очень раздражало, сначала попробовал прибегнуть к методу угроз. Но это несколько не помогло. Наполеон III, встретив принца Альберта, мужа королевы Виктории, сообщил ему, что он, император, раз и навсегда приказал своим дипломатам не показывать ему никаких нот или меморандумов, исходящих от Пальмерстона, потому что Пальмерстон просто не умеет их прилично писать.

Впрочем, и без этого оскорбительного выпада со стороны императора английский премьер очень

Виттори Романо. «Попытка покушения Феличе Орсини и его единомышленников на Наполеона III». 1862

сильно сбавил тон со второй половины 1857 года: страшное восстание сипаев поставило под угрозу английское владычество в Индии, и английские власти опасались раздражать своего могущественного соседа. В 1858 году, когда началась подготовка нападения на Австрию, Наполеон III уже не ожидал большого противодействия со стороны Англии. А кроме того, в самом начале 1858 года произошло событие, пошатнувшее позиции Пальмерстона.

14 января 1858 года имела место попытка покушения итальянского революционера Феличе Орсини и его единомышленников Джузеппе Пьери, Антонио Гомеса и Карло Ди Рудио на французского императора. Заговорщики хотели убить Луи Наполеона, в котором видели главное препятствие к объединению Италии: император поддерживал своим римским гарнизоном

светскую власть папы Пия IX. Кроме того, в Италии в то время широко распространилось мнение, что Наполеон коварно обманул итальянцев. Несмотря на участие в Крымском походе 15 тысяч итальянских солдат, он нарушил свои обещания и решительно ничего не сделал, чтобы помочь делу объединения Италии.

Орсини и Пьери были гильотинированы, остальных приговорили к пожизненной каторге. Но во время следствия выяснилось, что Орсини и его сообщники готовили свой заговор в Англии и там же приобрели метательные снаряды. Во французской прессе поднялась яростная кампания против Англии: ее обвиняли в том, что она «дает убежище убийцам». Наконец, даже в официальном органе Французской империи «Монитор» была напечатана резкая и полная угроз в отношении Англии

филиппика полковников французской императорской гвардии. В Англии и аристократия, и буржуазия были равно смущены, замечалось даже нечто похожее на панику. Пальмерстон, испугавшись гнева Наполеона III, немедленно предложил законопроект, направленный против эмигрантов, проживающих в Англии и, по сути, отменявший право убежища. Но законопроект Пальмерстона провалился, и он подал в отставку. Больше всех этому были рады в России, так как видели в нем откровенного врага.

Пальмерстона заменил на посту премьера консерватор лорд Дерби, а министром иностранных дел стал граф Джеймс Харрис Малмсбери, старинный друг Наполеона III. Правда, Наполеон очень хорошо понимал, что английская политика руководствуется не личными отношениями и что в Англии уже знают, что французский император

Король Сардинии Виктор Эммануил

готовится к войне с Австрией. Но, наблюдая панику в Англии после покушения Орсини, император убедился, что опасность не грозит ни со стороны Англии, ни со стороны России. Вялой была и реакция на его военные приготовления в Германском союзе.

Теперь уже никто в Европе не сомневался, что война неизбежна. Но оставался один очень важный вопрос: нужно было добиться, чтобы Австрия объявила войну Сардинскому королевству по собственной инициативе. Дело в том,

что конституция Германского союза давала право Австрии требовать от этого союза военной помощи в случае только оборонительной войны. Следовательно, нужно было устроить так, чтобы эта война оказалась с дипломатической точки зрения наступательной с австрийской стороны.

Но австрийский император вел себя самым осторожным образом в этом опаснейшем положении, не отвечая на провокации и как будто не замечая оскорблений. Тогда его враги изменили тактику, начав

очень искусно распространять слухи о полнейшей дезорганизации и слабости сардинской армии, о растерянности при дворе короля Виктора Эммануила II, о том, что министры двора, включая первого министра, не сегодня-завтра будут отданы под суд как государственные изменники, продавшие Наполеону III Савойю и Ниццу. Со своей стороны французские послы в Вене и в мелких итальянских государствах начали мощную кампанию дезинформации: через многочисленных своих шпионов и продажных местных писак они распространяли в печати слухи, будто Наполеон III боится войны с Австрией и не осмелится на вооруженную акцию, а ограничится лишь дипломатической игрой. Эта новая тактика увенчалась полным успехом. В Австрии созрела решимость объявить войну Сардинскому королевству и быстро покончить с этой постоянной угрозой с юга.

Чтобы завершить интригу, Наполеон III послал своего двоюродного брата принца Наполеона Бонапарта в Варшаву, куда прибыл и Александр II. В ответ на зондаж принца по поводу надвигающейся войны русский царь выразил полную готовность дипломатически помогать Наполеону III в подготовке разгрома Австрии. Вот почему оба императора одновременно категорически отклонили предложение Малмсбери о посредничестве и предложили созвать «конгресс держав».

В то же время, сбивая Франца Иосифа и его министра Буоля с толку, французские агенты и их помощники внушали австрийским дипломатам, аккредитованным при европейских дворах, что не следует на этот конгресс допускать сардинского монарха Виктора Эммануила. Австрия последовала этим советам и столь нелепым своим требованием сама провалила

конгресс. Между тем Наполеон III и итальянцы придвинули армию к австрийской границе.

Тогда Буоль, кругом обманутый ложными сведениями, предъявил 23 апреля 1859 года Сардинии ультиматум. Только это и требовалось: Австрия лишилась права на поддержку со стороны Германского союза, и военные действия начались при самой выгодной для французов и сардинцев дипломатической обстановке.

В Европе не могли не обратить внимания на двойственную роль Александра II в деле итальянского объединения. Пока речь шла лишь о том, чтобы разгромить австрийскую армию и унизить Франца Иосифа, Александр II всецело сочувствовал и Наполеону III, и сардинцам. Но когда в том же 1859 году, а затем и в 1860-м, отдельные локальные революции покончили с владетельными князьями в Тоскане, Парме и Модене, а Гарибальди разделаался с неаполитанскими Бурбонами, император стал относиться к делу объединения Италии прохладно, а потом и отрицательно.

Впрочем, к отношениям, схожим с теми, что были в Священном союзе, Россия возвращаться не собиралась: предательство Австрии царь не простил. И когда во второй половине 1860 года Франц Иосиф стал продвигать свои войска к ломбардо-венцианской границе, Горчаков организовал 22 октября 1860 года встречу в Варшаве трех монархов: русского, австрийского и прусского, во время которой Александр II решительно отсоветовал Францу Иосифу что-либо предпринимать.

Что касается Наполеона III, то в 1860–1862 годах он проводил политику, которая могла сблизить его с Александром II, то есть решительно противился любым попыткам сардинского правительства (уже официально ставшего

в 1861 году правительством «Королевства Италии»), завершить объединение Италии.

Французский император прямыми угрозами заставил короля Виктора Эммануила II отразить попытку Гарибальди захватить Рим в 1862 году. Откровенно своекорыстные мотивы, которые заставили Наполеона в 1859 году поддерживать Сардинское королевство, были уже достаточно ясно разоблачены обстоятельствами и условиями внезапного Виллафранкского перемирия. Теперь недоверие и затаенная вражда к Наполеону стали господствующими чувствами и правительства, и народных масс Италии.

Между тем на политической сцене Европы во весь рост поднялась фигура, которой предстоит в недалеком будущем изменить не только политический климат в Европе, но и ее географическую конфигурацию. Это был прусский политик Отто фон Бисмарк.

«Самим провидением мне суждено было быть дипломатом: ведь я даже родился в день первого апреля», – шутил Бисмарк, когда бывал в хорошем настроении. Острый ум подсказывал ему нужные, наиболее целесообразные решения, а конечные его цели были всегда выверены и вполне реальны. Темперамент у него от природы был неукротимый; порывы его страстей в молодости были таковы, что его называли «бешеным Бисмарком», но железной силой воли он умел их смирять и со временем полностью изменил себя. Даже в том переломе (иначе это не назвать), который произошел в его основных воззрениях на задачи прусской политики в 1850-е годы, сказалось умение подчинять свои бурные страсти холодному расчету. Монархист, феодал, типичный бранденбургский юнкер, реакционный, озлобленный революционными движениями восточно-прусский

помещик, Бисмарк восклицал, что виселица должна быть «в порядке дня»; он яростно ненавидел Франкфуртский парламент, самочинно собравшийся в 1848 году, и бурно одобрял разгон этого парламента прусскими шттыками. Однако тот же Бисмарк начинает понемногу понимать, что воссоединение Германии, которое неудачно пытался провести этот самый Франкфуртский парламент, все равно произойдет и что бороться против этого бессмысленно.

Бисмарк часто говорил, что у всякого человека, следовательно, и у всякого дипломата бывает так, что ему везет и счастье пролетает совсем близко от него; разница между дипломатом искусным и бездарным заключается именно в том, что первый успеваеет вовремя ухватиться за край туники пролетающей мимо него фортуны, а бездарный непременно прозевает и упустит этот момент. Для самого Бисмарка таким неожиданным счастьем явилось восстание 1863 года в Польше.

В самом начале восстания Бисмарк думал некоторое время, что в конце концов Россия должна будет отказаться от Польши. «Тогда мы начнем действовать, – говорил он, – займем Польшу, и через три года там все будет германизировано». Когда слушавший эти предположения вице-президент прусской палаты депутатов Берендт поинтересовался, серьезно ли говорит Бисмарк или шутит, то его собеседник заявил: «Ничуть не шучу, а говорю серьезно о серьезном деле».

Но слабость повстанцев и безнадёжность их военной победы с каждым месяцем становились все более очевидными. Тогда Бисмарк решил, что пользу из польского дела можно извлечь иным способом. Бисмарк и король прусский Вильгельм взяли решительный курс на «великодушную помощь» царскому правительству.

Австрийский император Франц Иосиф I

«Великодушие» заключалось в том, что 8 февраля (27 января) 1863 года Горчаков и присланный из Берлина генерал Густав фон Альвенслебен подписали в Петербурге конвенцию, по которой русским войскам позволялось преследовать польских повстанцев даже на прусской территории.

Далеко не все в России были довольны этой добрососедской предупредительностью. Например, великий князь Константин, наместник Царства Польского и брат Александра II, не скрывал, что ему

все это не по душе. Чувствовалось, что Бисмарк преследует какие-то свои цели. И действительно: Бисмарк, к неприятному удивлению Горчакова, с большой торжественностью, с нарочитыми таинственными умолчаниями и намеками обнародовал основное содержание конвенции. При этом Пруссия изобразила дело так, будто за конвенцией скрываются еще какие-то другие секретные пункты уже не частного, а более общего значения. Наполеон III, а за ним и Англия сейчас же ухватились за то, что

Польша стала, в силу самого факта Петербургской конвенции, предметом международно-правовых соглашений и дипломатических переговоров двух держав: России и Пруссии.

На этом основании Наполеон III и Пальмерстон заявили, что и они желают начать переговоры с Александром II по поводу Польши. Наполеон III тотчас же повел оживленные переговоры с Австрией по польскому вопросу. Хотя, заявляя в этом случае какие бы то ни было протесты, Австрия, участвовавшая во всех трех разделах Польши, ставила себя в весьма щекотливое положение. Франц Иосиф в конце концов уступил Наполеону III. Правда, австрийское министерство иностранных дел выговорило себе право выступить не одновременно с двумя западными державами, а чуть позже и составить свою ноту в более сдержанных выражениях.

17 апреля английский и французский послы представили Горчакову свои ноты; два дня спустя, 19 апреля, Горчакову была вручена и австрийская нота.

Резче всех выступила Англия. С 1 июля 1859 года пост английского министра иностранных дел занимал лорд Джон Рассел. Он принадлежал к тем английским государственным деятелям, которые, уже начиная с русско-турецкой войны 1828–1829 годов, считали, что как государство Россия сильно ослаблена акциями западных держав и даже ощущает силу их довольно часто складывающегося единого фронта. Но британское правительство столь же часто принимало желаемое за действительное.

Полагая, что Россия в 1863 году не в состоянии вести новую войну против Англии и Франции, Рассел решил действовать на нее прямым устрашением. Исходя из ложного тезиса, будто Александр в 1815 году обязался перед

Венским конгрессом дать Польше конституцию, Рассел развил в своей ноте ту мысль, что «Россия, не давая Польше политической самостоятельности, исключает себя из общения с цивилизованным миром». Заметим, что это заявление исходило от внешнеполитического ведомства страны, которая славилась жестоким угнетением колонизированных народов.

Французская нота в более вежливых тонах, чем английская, указывала на всеевропейское значение польского вопроса и предлагала вынести его на новый европейский конгресс. Австрийская нота ограничилась вялыми рассуждениями о беспокойстве, которое вносит неразрешенный польский вопрос в жизнь Габсбургской монархии, а также самой России и Пруссии.

Начались совещания у Александра II. С одной стороны, возникали опасения, не составляет ли вновь против России «крымская комбинация», т.е. не грозит ли России война с Англией, Францией и, может быть, также и с Австрией; к такой войне Россия была абсолютно не готова ни в военном, ни в финансовом отношении. С другой стороны, уступить требованиям трех держав, да еще при почти нескрываемой угрозе со стороны двух из них, значило подвергать риску целостность Российской империи. Согласиться на конгресс было равносильно тому, чтобы заранее примириться не только с отделением Царства Польского, но и с неизбежной постановкой вопроса о Литве, Белоруссии и Правобережной Украине. Александр II, который часто принимал решения с оглядкой, стараясь всеми средствами избежать кровопролития, в данном случае решил не сдаваться. Ноты были вежливо отклонены, но, по совету Горчакова, император торжественно обещал амнистию польским повстанцам,

Канцлер Отто фон Бисмарк. Портрет работы Франца фон Ленбаха. 1871

если они к условленному сроку сложат оружие.

Однако восстание в Польше и Литве ширилось. В России нарастало общественное недовольство. В Петербург летели послания и заявления, которые требовали прекратить вмешательство иностранных держав в российские дела. В среде дворянства и купечества разгорались шовинистические страсти. Но и в белорусском и украинском крестьянстве польские притязания вызывали лишь ожесточение. У жителей

этих районов были свои счеты с поляками.

Французский посол в Петербурге герцог Монтебелло, потомок знаменитого наполеоновского маршала Ланна, и английский посол лорд Напир внимательно наблюдали за всем, что происходит в России. Они настойчиво доносили в Париж и Лондон о том, что Россия ни в коем случае не уступит без вооруженной борьбы. Если Англия и Франция, писали они, не собираются воевать, тогда лучше всего сразу бросить опасную затею.

Лорд Джон Рассел

Оба посла прибавляли от себя совет: прекратить игру с огнем.

Европу на энергичное противодействие России подбивали в Англии Пальмерстон и Рассел. Оба лорда еще меньше, чем Наполеон III, были расположены в тот момент воевать с Россией, но, натравливая французского императора на Александра II, они на время выводили из игры двух своих опасных соперников. При этом Англия решительно ничем не рисковала: русский флот как боевая сила в тот момент практически не существовал.

Решено было представить русскому правительству новые ноты. Эти новые ноты 1863 года были еще более угрожающими, чем апрельские. От России требовали согласиться на созыв конгресса великих держав для решения польского

вопроса; в виде предварительных мер царю рекомендовалось, во-первых, провозгласить в Польше общую амнистию, не ставя ее в зависимость от окончания вооруженного восстания; во-вторых, созвать представительное собрание в Польше; в-третьих, даровать Польше местную автономию; в-четвертых, обеспечить права католической церкви; в-пятых, ввести польский язык в правительственные учреждения и учебные заведения в Царстве Польском; в-шестых, издать

удовлетворяющие поляков новые правила о рекрутских наборах.

На этот раз колебаний ни у Горчакова, ни у Александра II не было. Согласиться на все это, да еще вдобавок на конгресс, означало признать полное политическое поражение России. Горчаков принял ноты и объявил, что державы получают от него письменный ответ. В июне 1863 года, то есть примерно через месяц после вручения нот, последовали три ответные депеши Горчакова русским представителям: барону Бруннову в Лондон для передачи английскому правительству, барону Будбергу в Париж для передачи французскому императорскому правительству и Балабину в Вену для передачи королю Францу Иосифу. Ответ был резко отрицательным. Польский вопрос

объявлялся делом, касающимся исключительно России, и никак не Европы. Все требования отклонялись решительно и безусловно.

Англия и Наполеон III попали в трудное положение. Сначала лорду Расселу и французскому императору показалось целесообразным, чтобы их представители попробовали еще раз устно припугнуть Горчакова. Дело в том, что английское и французское правительства, спровоцировав своими выступлениями поляков на отказ от амнистии и на продолжение безнадежного восстания, тем самым взяли на себя тяжкую ответственность за акции усмирения, которые были предприняты российскими властями летом 1863 года и в ходе которых были большие жертвы с обеих сторон. Принять поэтому дипломатическую пощечину от Горчакова и никак на нее не отреагировать Англии и Франции казалось невыносимым.

И вот лорду Нэпиру и герцогу Монтебелло, которые с самого начала считали польскую авантюру Англии и Франции делом безнадежным, а вмешательство западных держав бессмысленным и рискованным, пришлось направлять по адресу Горчакова угрозы, в которые они сами не верили, и проявлять возмущение, которого они не ощущали. Горчаков, на этот раз уже окончательно удостоверившись, что никакой военной интервенции в пользу поляков не будет, снова отвечал послам самым категорическим отказом.

Смысл его элегантных французских фраз сводился к одному: никакого вмешательства Россия не потерпела в апреле, когда восстание было в самом разгаре, и тем более не потерпит теперь, в июле, когда оно, как всем ясно, уже догорает.

Англия и Франция решили сделать новую попытку спастись от грозившего им полного политического поражения. В нотах,

переданных ими русскому правительству 3 августа, они заявили, что считают русское правительство единственным виновником польского восстания. Напрасно Россия не желает следовать советам западных держав, говорилось в нотах; пусть она винит самое себя за серьезные последствия, которыми восстание грозит в дальнейшем.

Вслед за этой нотой лорд Рассел написал еще одну ноту, в которой прямо заявлял, что Россия, нарушившая свои обязательства в отношении Польши, никаких прав на дальнейшее обладание ею не имеет. Другими словами, пребывание русских войск в Царстве Польском является отныне в глазах английского правительства незаконным актом, а он уже сам по себе оправдывал бы вооруженное вмешательство европейских держав в любой момент, который они сочли бы для этого удобным. Такая нота была почти равносильна объявлению войны. Во всяком случае она делала неизбежным разрыв дипломатических отношений между Англией и Россией.

Надо понимать, однако, что нота Рассела писалась не для того императора, который обитал в Зимнем дворце, в Петербурге, а для другого, который проживал в Париже во дворце Тюильри. Наполеон узнал о содержании грозной ноты немедленно; но до Александра II ей дойти не пришлось. Она была, правда, отправлена в Петербург британскому послу лорду Нэпиру, но тот, очевидно сообразив, в чем дело, и не подумал передавать ее Горчакову, а возвратил ее лорду Расселу, порекомендовав пересмотреть ее содержание. Лорд Рассел несколько не удивился этому поступку своего посла, которого вообще очень ценил за сообразительность. Он стал ждать, что сделает Наполеон III. Однако Наполеон, несмотря на видимую

решимость Англии идти на разрыв с Россией, все-таки от войны отказался. Прodelка лорда Рассела не удалась.

Лорд Рассел и Пальмерстон, стоявший за его спиной, снова оказались в затруднительном положении. Из него был найден простой выход, ярко характеризующий беспринципность английской внешней политики. 26 сентября 1863 года лорд Рассел в своей публичной речи вдруг заявил; «Ни обязательства, ни честь Англии, ни ее интересы – ничто не заставит нас начать из-за Польши войну с Россией».

Спустя месяц и восемь дней после этого катастрофического по своей сути заявления Рассела, Наполеон III сделал еще одну попытку дипломатического вмешательства в польский вопрос. У него появилась мысль соблазнить Александра II возможностью пересмотра той статьи Парижского мира 1856 года, которая воспрещала России держать военный флот на Черном море. Так как подобный пересмотр можно было осуществить только на новом всеевропейском конгрессе, то Александр II в принципе мог согласиться поучаствовать в таком конгрессе. А уж когда конгресс соберется, на нем можно будет поставить общий вопрос о пересмотре ненавистных для династии Бонапартов условий Венского трактата 1815 года, а заодно рассмотреть и польский вопрос. Если даже для Польши ничего не выйдет хорошего, поляки не смогут отныне утверждать, что Франция ничего для них не пыталась сделать.

4 ноября 1863 года Наполеон III обратился к европейским государям с приглашением созвать конгресс. Он рассчитывал на успех. Но его игра натолкнулась на противодействие англичан. Она была сразу разгадана и Пальмерстоном, и лордом Расселом. Они быстро

сообразили, чем результаты конгресса грозят Англии. Во-первых, в Черном море сразу же появится новый русский флот, угрожающий Константинополю. Во-вторых (что гораздо важнее и опаснее), начнется новое сближение Франции с Россией. В Англии решили немедленно отказаться от участия в затеваемом Наполеоном III конгрессе.

Конгресс, конечно, не состоялся бы все равно – уже потому, что Горчаков, невзирая ни на какие соблазнительные перспективы относительно отмены оскорбительной статьи Парижского трактата 1856 года, ни в коем случае не желал, чтобы на конгрессе поднимался польский вопрос, да еще тогда, когда восстание уже фактически закончилось.

Но Горчаков, со свойственной ему выдержкой, узнав, как забеспокоился Пальмерстон, предпочел несколько повременить со своим отказом. Его расчет оказался совершенно правильным: первый по времени отказ на свое предложение Наполеон III получил не из Петербурга, а из Лондона, что и требовалось Горчакову. Расчет Горчакова на несдержанность и нетерпеливость Пальмерстона оправдался блистательно. Англо-французские отношения становились все холоднее.

Когда польское восстание стало уже историей, Пальмерстон громко заявил 26 мая 1864 года в палате общин, что сама мысль о войне Англии с Россией из-за Польши была бы «сумасшествием», и настойчиво утверждал в той же речи, что только «польская близорукость» повинна в том, что кто-либо из поляков поверил в возможность подобной войны.

Так дело окончилось полной политической победой России – без войны, благодаря твердости Александра II и выдающемуся дипломатическому таланту Горчакова.

СПОДВИЖНИК ПЕТРА I САВВА ВЛАДИСЛАВИЧ- РАГУЗИНСКИЙ

Рагузский торговец, состоявший на русской дипломатической службе, сыграл видную роль в истории России

КАРИНА ЭНФЕНДЖЯН

Памятник графу С. А. Владиславичу-Рагузинскому. Староладожский канал. Шлиссельбург. Россия. Скульптор Г. Лазич-Чапша. 2011

Усиление позиций Российского государства на международной арене, развитие экономики страны, укрепление ее торговых и дипломатических связей с Европой, налаживание отношений со славянскими народами Балкан – всему этому во многом способствовал граф Савва Лукич Владиславич-Рагузинский, успешный торговец, талантливый дипломат, действительный тайный советник и сподвижник Петра I.

Серб по национальности, он родился 16 января 1669 года в городе Херцег-Нови близ Рагузы (ныне – Дубровник в Хорватии), в семье потомка боснийских князей Владиславичей. Торговля, которой он начал заниматься в молодости, привела его однажды в Константинополь, где он смог проявить удивительные дипломатические способности, выполняя неофициальные поручения князя Василия Голицына и посла в Турции Емельяна Украинцева. На протяжении нескольких лет Рагузинский был также тайным агентом гетмана И. Мазепы в Турции.

В 1703 году Рагузинский впервые посетил Москву, и Петр I, наслышанный о его коммерческих и дипломатических успехах, предоставил ему большие привилегии для свободной торговли в России с уплатой пошлины наравне с русскими купцами.

Рагузинский добился очень многого за время, отведенное ему судьбой.

Умный и деятельный серб, владевший европейскими и восточными языками, обладавший большими связями на Балканах и в Турции и особым даром располагать к себе людей, пришлось как нельзя лучше ко двору русского царя в сложнейший период русско-турецких отношений. Благодаря сведениям, которые Рагузинский получал от «своих людей» в Турции, он смог предсказать неизбежность русско-турецкой войны, о чем 31 декабря 1708 года сообщил в письме канцлеру Российской империи Гавриилу Головкину.

За верную и усердную службу Петр I в 1708 году даровал Рагузинскому «двор» на Покровке (принадлежавший ранее боярину В. Ф. Нарышкину), произвел его в чин надворного советника, пожаловал российское дворянство и титул графа Илирийского.

Поселившись в Москве, Рагузинский не забывал о своих корнях, мечтал видеть народы Балкан свободными. В 1711 году, будучи представителем России в Черногории и Молдавии, он принял активное участие в Прутской кампании, целью которой было освобождение славян Балканского полуострова от турецкого ига. Именно Рагузинский посоветовал Петру I обратиться к христианским народам Балкан с призывом поддержать Россию в войне с Турцией. И даже перевел на русский язык труд далматинского аббата Мавро Орбини «Славянское царство», обосновавшего идею этнического и языкового родства славянских народов.

В последующие годы граф продолжил успешно сочетать коммерческую и дипломатическую деятельность. В 1716–1722 годах совершил поездки в Италию. В качестве представителя Петра I вел

переговоры в Венеции и Риме. По поручению царя заказал и организовал доставку в Россию целого ряда великолепных произведений искусства, в том числе и мраморных скульптур для Летнего сада в Санкт-Петербурге; нанял для службы в России итальянских живописцев, камнерезов, мастеров корабельного дела; помогал организовать обучение русских художников и скульпторов у итальянских мастеров. Ему даже удалось получить разрешение папы Климента XI на вывоз из Италии статуи Венеры

Таврической, купленной агентом Петра I Ю. И. Кологривовым для Кунсткамеры (ныне уникальная статуя хранится в Эрмитаже).

Нельзя оставить без внимания и тот факт из жизни этого удивительного человека, что именно он привез в подарок Петру I эфиопа Ибрагима Ганнибала, которому суждено было стать прадедом Александра Пушкина.

Выдающиеся дипломатические способности графа Рагузинского проявились во время ответственной миссии в Цинской империи: возглавив в 1725 году русское посольство в Китае, граф заключил в августе 1727 года Буринский трактат, по которому обе стороны признавали существующие русско-китайские границы. В октябре того же года эти границы были закреплены Кяхтинским договором, который помимо этого юридически

Памятная доска на стене Благовещенской церкви Александро-Невской лавры

оформил и присутствие в Пекине Русской духовной миссии.

Основанный Рагузинским город Троицкосавск (ныне – Кяхта в Бурятии) вплоть до второй половины XIX века был главным пунктом торговли между Россией и Китаем.

По возвращении в Санкт-Петербург Рагузинский составил для правительства обстоятельные записки о Китае, а в 1731 году написал книгу «Секретная информация о силе и состоянии Китайского государства».

За заслуги перед Российским государством граф был награжден орденами Святого апостола Андрея Первозванного и Святого Александра Невского.

Свой жизненный путь Савва Владиславич-Рагузинский завершил 17 июня 1738 года. Похоронен в Благовещенской церкви Александро-Невской лавры.

СТРАНИЦЫ ПРОШЛОГО

ВЕЛИКОЕ СЛУЧАЙНОЕ ОТКРЫТИЕ

На юге Челябинской области расположен самый большой в России комплексный Музей-заповедник Аркаим, сохраняющий и исследующий одновременно природные системы и исторические памятники

АНДРЕЙ БУРОВСКИЙ

Аркаим с птичьего полета

Синташтинскую культуру бронзового века открыли еще в 1970-е. Это одна из культур андроновской культурной общности, внутри которой выделяют от 8 до 20 отдельных культур. «Андроновцы» – первые люди на Земле, придумавшие тележное колесо около 40 веков назад. В 1970-е

годы в могильнике Синташта было раскопано сложное по конструкции погребение с фрагментами колесницы, конской упряжи, ритуальными и бытовыми предметами. Колесница – танк бронзового века – почти мгновенно по тем временам «докатилась» до Кореи и Китая, хлынула на Передний

Восток, в Северную Африку и в Индию.

С 1969 по 1986 год с перерывами археологи Урало-казахстанской экспедиции Челябинского университета проработали в Челябинской области в общей сложности девять сезонов. 20 июня 1987 года работы уже сворачивались,

Как очень часто бывает с памятниками археологии, раскопанное жилище не производит сильного впечатления; стена Аркаима, конечно, не сохранилась, но ее реконструкция выглядит, наверное, очень похоже на то, что было 3700 лет назад

материал и снаряжение складывали в грузовики, так как на месте слияния рек Большой Караганки и Утяганки строилась плотина для затопления Караганской долины. В этом водохранилище остро нуждались несколько местных совхозов.

И тут прибежали двое местных мальчиков: «Там, выше по течению реки, тоже есть какие-то сооружения... что же вы их не осмотрели?!»

Времени на разведку уже не было. Скорее всего, открытие состоялось бы только на следующий год, если бы не случай: рядом с лагерем археологов сел самолет

Ан-2 – неисправность маслопровода. Полумку быстро исправили, а летчики, естественно, зашли в археологический лагерь. Археологи попросили сделать круг над участком, где мальчики видели валы городища. Сведения подтвердились: к северу от слияния рек тоже есть древние городища и близ них – могильники. От Синташты до ставшего знаменитым Аркаима – всего 44 км.

Всего за три года сплошных разведок обнаружили 19 таких комплексов. Оказалось: городища Южного Урала образуют прямоугольник со сторонами 100 и 150 км. Этот исполинский

прямоугольник археологи назвали поэтично: Страна Городов.

Загадочные городища

Построенные по единому плану, всегда – круговой планировки, диаметром от 50 до 75 метров, городища располагались на равном отдалении друг от друга (60–70 км) и никогда не воевали между собой.

В плане Аркаим, как и все поселения Страны Городов, напоминает улитку: два круга, вписанных один в другой с площадью посередине. От площади расходятся лучи-перегородки, создающие

Реконструкция Аркаима, представленная в местном музее

ячейки – 66 «домов». В каждом доме площадью около 200 кв. м были хозяйственные ямы, стоковая канализация, колодец и даже металлургическая печь!

В них нет очагов, печей, никаких признаков постоянного обитания. Скорее, это не жилища в обычном смысле слова, а некие «помещения», обитаемые не весь год...

Вдоль улицы был устроен канализационный ровик с колодцами-отстойниками. В город вели четверо ворот, ориентированных строго по сторонам света. Все стены и рвы «крепостей» были тщательно облицованы деревом. Деревом облицовывали и рвы. Рвы при этом оставались сухими, их не наполняли водой. Тогда зачем нужно дерево во рвах? В случае осады, боя, пожара сухое дерево вспыхнет, как порох... Смысла в такой работе нет ни малейшего, а ведь ее проделали, и очень тщательно.

В некоторых помещениях – ремесленные комплексы. Здесь работали металлурги, кузнецы,

горшечники, плотники, столяры. Но, судя по всему, в этих помещениях не жили. Где жили работавшие здесь ремесленники? Все неясно, неопределенно.

В общем, городища Страны Городов – это и ремесленные центры. Но сооружены они никак не для металлургии и не для ремесленного производства. Скорее, ремесленное производство в них служило каким-то не очень понятным для нас целям.

«Крепость» бронзового века из грунта и дерева? Очень странная крепость. Общественный и религиозный центр? Построенный по единому «генплану», он четко ориентирован на точки восхода и захода Солнца и Луны.

Вообще для индоевропейцев-ариев очень характерен высокий уровень духовной культуры при равнодушном отношении к материальному. Может, совершавшиеся здесь культы как раз не требовали материального воплощения в виде статуй, храмов и алтарей?

Но все это – лишь смутные догадки, общие соображения, которые никого ни к чему не обязывают. Факты говорят только о том, что эти городища если и были административными и религиозными центрами, то какого-то совершенно особого типа.

Всего на 150–200 лет вспыхнула и погасла целая Страна Городов, возведенных в XVI веке до Р.Х. с непонятной целью, с избыточной, необъяснимой тщательностью и затем по непонятным причинам постепенного упадка, медленного угасания. Из этих городов ушли – и все. Ушли, а перед отходом подожгли. Огонь и помог сохраниться на века обугленному дереву, которым облицованы городища.

Зачем строили? Не знаем. Почему ушли? Тоже не знаем. Зачем перед уходом сожгли? Можно придумать десятки самых увлекательных объяснений, но ни одно не подтверждается археологическими находками. Никаких следов

вражеского нашествия, боя, голода, мора, переселения. Древние арии действовали очень в своем духе – ушли из своих городищ, не давая потомкам никаких зацепок, не сообщая о себе решительно никаких сведений. Подожгли и покинули свои города – ремесленные и религиозные центры. Куда ушли? В Сибирь? В Индию? В Причерноморье, чтобы сесть на корабли и уплыть в Средиземное море?

Секрет расположения

Аркаим лежит там, где кончаются плоские, как стол, степи и появляются холмы. Сами эти холмы довольно странные... Человек, стоящий на вершине Кузнечной горы, кажется огромным, как дерево. Спускается – и словно исчезает в пространстве.

С точки зрения некоторых ученых, само расположение Аркаима неслучайно. Оно соответствует

познаниям древних о структуре Земли и определяется некой сеткой мистических координат.

К тому же Аркаим был сориентирован по звездному небу и являлся гигантским календарем и обсерваторией одновременно. Он представлял собой копию Зодиака, и жрецы-астрономы точно определяли все события, связанные с движением Солнца и Луны, дни равноденствия и солнцестояния.

Разобраться в этих предположениях непросто, они требуют множества сложных расчетов и даже после этих расчетов не всегда убедительны.

Ребус планировки

Городища аккуратно разделены на множество секторов... Эдакий круг, похожий в сечении на колесо со спицами... Именно что со спицами, и пойдешь гадай, что первично: город ли сооружен по аналогии с колесом, или наоборот.

Поклоняясь солнцу, люди построили город по аналогии с катящимся по небу солнечным кругом.

Такая же планировка у раннескифского кургана Аржан в Туве, у знаменитой крепости (или тоже никакой не крепости?) Кой-Крылган-Кала в Хорезме.

Еще аналогии – сложная планировка столиц Мидии и Персии – Экбатан, Пасаргад, Сузы. Еще интереснее ассоциации с городом царя Йимы, который описан в «Авесте», собрании священных текстов зороастрийцев. Город этот был моделью Вселенной – как представляли ее древние иранцы.

Вероятно, и городища Страны Городов были чем-то подобным...

Как спасали Аркаим

Аркаим – не единственный в Стране Городов и даже не самый большой. Ольгинское городище и крупнее, и с каменной архитектурой...

Кузнечная гора

Излучина реки Караганки близ центра Музея-заповедника и туристской базы

Но Аркаим раскопали первым, о нем первым начали писать в газетах и журналах. К тому же Аркаим стал символом, своего рода знаменем удивительного открытия. Знаменем того, как надо спасать памятники истории и культуры.

В защиту Аркаима выступили и директор Эрмитажа Б. Б. Piotровский, и директор Института археологии АН СССР, академик Б. А. Рыбаков. Во все властные структуры пошли письма от отдельных ученых и от организаций, от деятелей культуры и писателей, которые доказывали уникальность памятника и необходимость его сохранить. При АН СССР сформировали специальную комиссию для спасения Аркаима от затопления. Президиум Уральского отделения АН СССР создал специальную научную лабораторию для изучения протгородской цивилизации в Челябинской области.

Летом 1989 года на базе Аркаима провели Всесоюзный

симпозиум с участием более 50 специалистов разного профиля. Все они единодушно высказались за создание заповедника в долине Синташты.

Сначала речь шла только том, чтобы отсрочить затопление Караганской долины и спасти, докопать памятники. Но вскоре поставили вопрос и о создании охранной зоны... Даже музея-заповедника...

В апреле 1991 года самые смелые мечты стали реальностью: был учрежден историко-ландшафтный Музей-заповедник «Аркаим». Победа? Еще какая! Но получилось – сами ученые заложили мину под научное мировоззрение.

Опять наука и политика

В пылу «битвы за Аркаим» ученые волей-неволей преувеличивали его значение. Аркаим называли не городищем,

а «городом» и говорили, что это один из древнейших городов СССР. Что это центр государства. Что это древняя обсерватория, сравнимая со Стоунхенджем в Англии. Не мистики, а ученые писали о «магических кругах» Аркаима, воспроизводящих Вселенную. Аркаим даже называли «городом Заратустры». Приезжавших на городище встречал плакат с надписью: «Здесь родился Заратустра».

Аркаим устно и письменно причисляли к числу «национальных и духовных святынь». Некоторые ученые позволяли себе утверждать, что Аркаим построен не индоариями, а «просто арийцами» без уточнения, кто именно имеется в виду. Кое-кто объявлял индийских ариев ближайшими родственниками славян и приписывал им особую духовность.

В борьбе за Аркаим годились любые союзники. Астролог Тамара Глоба побывала в Аркаиме в 1991 году, и тут началось!

Выступая перед жителями Челябинска, Глоба рассказала, что Парацельс предсказал открытие Аркаима, что индийские жрецы пронесли память о нем сквозь века, и что казаки (тоже индийцы?) искали Аркаим при Петре I и при Екатерине II.

После Глобы в Аркаим хлынул поток экстрасенсов, астрологов, «истинно русских шаманов», неоязычников, ведунов, колдунов, и других не вполне нормальных личностей. Они «ловили энергии» на вершинах гор и выкладывали солнечные знаки в самых неожиданных местах. Некоторые женщины рожали в водах реки Караганки – ведь Караганка еще священнее, чем Ганг.

Сами же археологи если не прямо говорили, то эдак загадочно намекали, что Южный Урал в целом

и Аркаим особенно – места исключительные, мистические...

Закономерные последствия

Обнаружение вековой загадки само по себе привлекает. В результате Аркаим стал городом-символом. Даже те, кто не имеют понятия, что же там нашли и чем славен Аркаим, хоть что-то слышали о нем.

Об Аркаиме написано чуть ли не 1000 разных книг и статей – от вполне корректных до бредовых. Вот только бредовых-то побольше.

Об Аркаиме рассказывают, что именно здесь проповедовал Заратустра. Что именно на гору Каштанка его поставили мистические силы. Что внутри горы Шаманки находится космический корабль

инопланетян. Что к строительству городищ причастны летающие люди «кангипоны».

Сюда едут «раздвинуть духовные горизонты», «раскрыть чакры», улучшить карму, «ввихнуть на место астрал», «починить ауру». Некоторые уверяют, что у них получается.

Лучше всего приехать в Аркаим в сентябре-октябре – еще тепло, туристов уже мало и почти нет «ловцов чакр» и «чинителей астрала». Вы вряд ли встретите кангипонов и древних ариев... Не уверен, что в Аркаиме у вас откроется «третий глаз» или вам явится Заратустра. Но вы сможете увидеть, как человек, стоящий на Кузнечной горе становится огромным, как столб. Под свист ветра в траве, под пронзительно-синими небесами вы сможете прикоснуться к Великой Тайне. Реальной, а не придуманной.

Имитация древнего алтаря. Камень в центре сооружения регулярно похищают туристы, веря, что это древний раритет, обладающий целительной силой

КНЯЗЬ ГРИГОРИЙ НИКОЛАЕВИЧ ТРУБЕЦКОЙ

Путь дипломата, политика и церковного деятеля в России и русском зарубежье

ЕВГЕНИЙ ЕФРЕМОВ

Кн. Г. Н. Трубецкой принадлежал к редкому у нас типу высококультурных либеральных консерваторов.
Бердяев Н. А.¹

Князь Григорий Николаевич Трубецкой. Около 1925

Григорий Николаевич Трубецкой родился 17 сентября 1873 года в имении Ахтырка Дмитровского уезда Московской губернии, принадлежавшем представителю одного из старейших российских дворянских родов, который ведет свое происхождение от великого князя литовского Гедимина, правившего в XIV веке. Его внук, Дмитрий Ольгердович, носил титул князя брянского, стародубского и трубчевского, участвовал в Куликовской битве. Вскоре его потомки стали именоваться Трубецкими. В начале XVI века они перешли на службу к Ивану III.

Отец Трубецкого, Николай Петрович, дослужился до чина тайного советника, был известен как председатель (1863–1876) Московского отделения Русского музыкального общества, самый действенный его содиректор (1862–1876), главнейший помощник Н. Г. Рубинштейна по учреждению консерватории в Москве,

а также один из двух главных меценатов при начале работы Московского отделения. Мать, Софья Алексеевна Лопухина, также принадлежала к старинному дворянскому роду (который сумел возвыситься благодаря браку

Евдокии Лопухиной с царем Петром I).

У них родилось девять детей, младше Григория была только одна из сестер.

Из-за материальных затруднений глава семейства был вынужден в 1876 году перебраться из Москвы в Калугу, чтобы занять там видный пост вице-губернатора.

В части своих мемуаров под названием «Облики прошлого» Григорий Николаевич написал: «*Мои первые более ясные воспоминания связаны с Калугой. Мне было четыре года, когда мы туда переехали*».

Он так описывает отца, отмечая качества, которые впоследствии оказались присущи и ему: «*Мой отец был необыкновенной доброты и незлобивости.*

Он вечно за кого-нибудь хлопотал <...> При этом никогда никакое мелкое чувство и мелкая мысль не имели доступа в его чистое сердце. Ему органически чужды были тщеславие и зависть. Ему дана была простота от Бога»².

Больше места в своих воспоминаниях князь уделяет образу матери, а также ее роли в личном становлении: «*... я чувствую, что каждым добрым своим движением, всем духовным содержанием обязан ей и наследственно своему отцу. Но Мама развивала в нас не только религиозные и нравственные стороны души, но и отзывчивость на все вопросы духа*»³.

Родители Григория Николаевича вообще достойны особого упоминания, они смогли воспитать сыновей, получивших всероссийское признание: объединившего все дворянство страны П. Н. Трубецкого; выборного ректора Императорского Московского университета и философа С. Н. Трубецкого; богослова, политика и общественного деятеля Е. Н. Трубецкого.

Прожив немного в большом доме Квасникова, расположенном в переулке недалеко от Воскресенской улицы, а затем в доме Сперанских, они переехали на улицу Загородную и поселились там уже окончательно, полностью заняв дом Кологривова (теперь это ул. Академика Королева, 25) со всеми флигелями и садом. Обычно с мая они переезжали в губернаторскую дачу, в здание постройки еще екатерининского времени, которое стояло в Загородном саду (теперь – парк им. К. Э. Циолковского, а дача, по свидетельству одного мемуариста, сгорела в раннесоветское время, возможно, из-за поджога, скрывшего следы разграбления чужой собственности). Для субботних и воскресных служб семья посещала Георгиевскую церковь «за верхом», т.е. за оврагом. В мемуарах князь подробно описывает губернский центр

и калужское общество, выделяя в нем фигуру Н. С. Кашкина, бывшего петрашевца, а тогда товарища председателя окружного суда, отмечая, что этот «человек более высокой культуры и склада»⁴.

«*Большим событием в моей жизни было поступление в третий класс Гимназии осенью 1885 года. Странно вспомнить, какой дореформенной стариной была в то время Калужская Гимназия. Директор Овсянников, как я потом только узнал, приезжал спрашивать моего отца, как он желает, чтобы меня звали: Ваше Сиятельство или только по фамилии. Сам он преподавал у нас в классе историю и числился нашим классным наставником*»⁵.

По прошествии одиннадцати лет служба отца в Калуге закончилась, он был назначен Почетным Опекуном по ведомству императрицы Марии Федоровны, и семья возвратилась летом 1887 года в Москву. Они поселились в доме Николая Сергеевича Оболенского на Большой Кудринской улице, на втором этаже⁶. В старой столице подрастающая отдали в одну из лучших классических гимназий – Пятую в здании на углу Б. Молчановки и Поварской⁷.

Университетская пора наступила осенью 1892 года. Под влиянием директора гимназии Александра Николаевича Шварца, преподававшего греческий язык, он выбрал историко-филологический факультет Московского университета. К его окончанию в 1896 году защитил кандидатскую диссертацию о российской внутривосточной ситуации накануне освобождения крестьян в 1861 году.

По совету друга родителей, графа Дмитрия Алексеевича Капниста, директора Азиатского департамента, подал прошение о поступлении на службу в Министерство иностранных дел. Состоявшийся дипломат так вспоминал свои мотивы: «*Вступление в Азиатский Департамент связывалось для меня с перспективой службы в Константинополе и за границей. Я имел об этом скорее смутное представление, но сама неизвестность казалась заманчивой, интересной*»⁸.

Константинополь, конечно, на самом деле назывался Стамбулом, но тогда у нас (в России. – Прим. ред.) и в правительстве, и в обществе было принято такое именование. Вот в этом они были едины.

В октябре Трубецкой был принят на службу и переехал в Санкт-Петербург. Возможно, окружавшие его дипломаты знали, что он приходится троюродным братом дипломату и тогдашнему германскому канцлеру Хлодвигу цу Гогенлоэ. В марте следующего года в стамбульском посольстве произошло служебное движение и открылась должность секретаря консульства (но с размещением в столице), на которую был назначен Трубецкой. Он получал 3000 руб. в год, служебную квартиру и, по установившемуся обычаю, обедал у посла. По тогдашним ценам это было прекрасное жалование, вполне обеспечивающее существование, особенно в Стамбуле. Проведя Страстную и Пасху в Москве, собрав вещи, он отправился к новому месту дипломатической службы.

¹ Бердяев Н. А. Памяти кн. Г. Н. Трубецкого. // Путь. № 21. Апрель 1930 г. С. 94–96.

² Там же. С. 74.

³ Там же. С. 88.

⁴ Трубецкой. Облики прошлого. С. 137.

⁵ Там же. С. 131.

⁶ В 1900 году дом принадлежал С. Н. Эйлер (урожд. Оболенской). – Княжна Трубецкая О. Н. Князь С. Н. Трубецкой (Воспоминания сестры). Нью-Йорк: Изд. им. Чехова. 1953. С. 61. Ныне улица Баррикадная, дом сгорел при пожаре.

⁷ Трубецкой. Облики прошлого. С. 159. Здание гимназии было уничтожено при прокладке проспекта Калинина.

⁸ Там же. С. 240.

Мария Константиновна Трубецкая, урож. Бутенева. 1900-е годы

«Всего лучше, по мне, расположено наше посольство в [набережной] Буюк-Дере. Изящный дом с флигелями и двором, в который въезжают воротами с набережной. Сзади – роскошный сад с дорожками без конца, террасами и нагорными прогулками под тению каштанов и дубов исполинов. По соседству роскошный лес, служащий любимой прогулкой <...> Там открывается широкий, привольный вид, и мы долго, пользуясь радушием гостеприимством уважаемого посла нашего И. А. Зиновьева, гуляли в чудном саду»⁹.

Так началась его служба российским дипломатом под руководством нашего посла И. А. Зиновьева в Османской империи, где князю довелось провести

более пяти лет. Вскорости в душу Григорию Трубецкому запала мысль о том, «что Проливы должны быть наши»¹⁰. Там к знаниям трех основных европейских языков он добавил владение новогреческим и турецким, которые позже дополнил изучением сербского и болгарского. Помимо службы он занимался к тому же поиском древностей Ближнего Востока. Его статьи по истории Константинопольской патриархии стали появляться на страницах журнала «Вестник Европы»¹¹.

Замечательными эпизодами оказались визиты к нему философа В. С. Соловьева во время путешествия того в Каир весной 1898 года. К 1900 году в посольстве в Стамбуле

князь в чине титулярного советника занимал должность одного из двух помощников секретаря, а на следующий год был выдвинут на пост первого секретаря посольства.

В 1901 году, 28 апреля, состоялась его женитьба на Марии Константиновне Бутеневой. Венчание происходило в храме Московского Кремля – соборе Спаса Преображения на Бору, построенном в 1330 году <...> У них родились дети: Константин (1902), Николай (1903), Михаил (1905), Сергей (1906), Петр (1910), Григорий (1912, умер в младенчестве).

В январе 1903 года Григорий Трубецкой уже занимал пост в нашем (российском – Прим. ред.)

посольстве в Берлине, находясь в подчинении еще более старого посла Н. Д. Остен-Сакена. <...>

Возможно, он осенью ко 2 октября 1905 года успел прибыть на похороны брата Сергея Николаевича, как говорят об этом опубликованные в советское время мемуары А. Белого¹².

В декабре того же года Григорий Николаевич оставил свою карьеру, чтобы присоединиться к усилиям Е. Н. Трубецкого по организации издания либерального общественно-политического журнала «Московский еженедельник», заменив горячо любимого ими старшего брата С. Н. Трубецкого. Так началась история неофициального органа «Партии мирного обновления».

Шагом к ее созданию в Москве явился «Клуб независимых». Собрание учредителей составило 200 человек, а уже на первом общем собрании, прошедшем 5 февраля в Политехническом музее, присутствовало около 400. Председателем президиума клуба избрали В. М. Голицына, в президиум вошли либераль-центристы: Е. Н. и Г. Н. Трубецкие, А. С. Вишняков, Н. И. Астров, Н. В. Давыдов, Н. Н. Баженов, Л. М. Лопатин, В. К. Рот, позднее присоединились С. А. Котляревский, Н. Н. Львов, И. Ф. Огнев. В декабре 1905 года в журнале «Полярная звезда», которую издавал П. Б. Струве, появилась заметка князя о московском восстании. С ним он начал сотрудничать еще в октябре, после возвращения в конце этого месяца Струве из эмиграции, и очень похоже на то, что Трубецкой познакомился с ним в Германии как с редактором журнала «Освобождение»

и был его сторонником уже тогда. Сама же новая партия продолжала формироваться во время совещаний в Москве в сентябре и октябре 1906 года между бывшей фракцией мирнообновленцев в Первой Думе – П. А. Гейденом, Н. Н. Львовым, М. А. Стаховичем – и некоторыми московскими общественными деятелями, среди которых были Д. Н. Шипов, Е. Н. и Г. Н. Трубецкие, П. П. Рябушинский, С. И. Четвериков, А. И. Коновалов и другие. Князь вступил в эту партию и выступал с разъяснениями ее платформы, в том числе в Иваново-Вознесенске и Костроме.

На страницах совместного с братом еженедельника было опубликовано 53 статьи бывшего дипломата. С этой трибуны он выступал с публицистическими статьями, особенно широко комментируя правительственную внешнюю политику. Близко касался он и внутренней политики: так, в мае 1908 года их с братом еженедельник привлекли к суду за использование Григорием Николаевичем в статье оборота «зло самодержавия»¹³. Но состава преступления власти, видно, не нашли.

Представляя «Московский еженедельник», с 1909 года князь участвовал в совещаниях журналистов, специализировавшихся на вопросах внешней политики. В 1910 году Е. Н. Трубецкой по личным причинам прекратил выпуск еженедельника.

Отметим, что в 1907 году (с № 8 журнала) в качестве второго редактора выступает Г. Н. Трубецкой – и так весь 1908 год. Но на самом деле он в том году

оторвался от своих редакторских забот: «В 1908 г., частным человеком я объезжал Балканы. <...> я пересмотрел почти всех монархов и выдающихся деятелей на Балканском полуострове»¹⁴.

Он побывал также в Италии и Турции. Причина предпринятого вояжа – переход внимания общества от утомительной политической борьбы к событиям внешней политики, а также к славянскому вопросу. Григорий Николаевич выехал 20 марта от двух газет – петербургского «Слова» и московского «Русского слова» (самой распространенной российской газеты) – с условием присылки корреспонденций из посещаемых стран. Готовясь к поездке, он просил начальника отдела печати МИД А. А. Гирса: «... окажите мне хорошую циркулярную протекцию по местам моего приблизительного маршрута: Константинополь, Афины, Крит, Смирна, Салоники, Ужскюб, Белград, София, Бухарест и др.»

Просьба была удовлетворена, и Трубецкой получил рекомендательное письмо за подписью товарища министра Н. В. Чарыкова. Посланник в Софии Д. К. Сементовский-Курило докладывал ему о миссии нового корреспондента: «Кн. Трубецкой прибыл в Софию 7-го текущего мая и в течение десяти дней подробно изучал существующую здесь обстановку. Благодаря принятым мною мерам он имел возможность войти в ближайшие отношения со всеми наиболее выдающимися политическими деятелями страны и с большинством

дипломатического корпуса, помимо того, в распоряжении его были предоставлены сведения, коими располагает вверенное мне дипломатическое агентство по некоторым существенным вопросам»¹⁵.

В свою очередь журналист общал Гирсу: «Мое путешествие протекает в самых благоприятных условиях благодаря исключительной любезности, которую я встречаю со стороны всех наших представителей, делающих действительно все возможное, чтобы облегчить мою задачу»¹⁶.

Он получил аудиенции у царя Болгарии Фердинанда I и сербского короля Петра I. Об этих беседах, не предназначавшихся для печати, он докладывал лично министру А. П. Извольскому: «Мне приходится быть очень осторожным и далеко не все писать в корреспонденциях, чтобы не выдавать слишком большой осведомленности, – делился он с А. А. Гирсом. – Осторожность диктуется также тем громадным интересом и подозрительностью, с которыми относятся к моей поездке во всех кругах, местных и иностранных»¹⁷.

Дипломатический опыт и отличное знание балканских проблем позволили Трубецкому оправдать оказанное ему МИДОМ доверие. По мнению посланника в Софии, корреспонденции князя вполне верно описывали политическую обстановку: «Широкое и беспристрастное осведомление общественного мнения в России о всем происходящем на Славянском Востоке имеет при существующих обстоятельствах первостепенное значение»¹⁸.

⁹ Шереметев С. Д. Константинополь. М., 1900, С. 20–21.

¹⁰ Константинополь и проливы. По секретным документам б. Министерства иностранных дел. Т. I. М.: Издание Литиздата НКВД. 1925. С. 203.

¹¹ Трубецкой Г. Н. Россия и вселенская патриархия после Крымской войны. 1856–1860 гг. // «Вестник Европы». 1902, № 4, 5, 6.

¹² Андрей Белый. Между двух революций. Книга 3. М.: Художественная литература. 1990.

¹³ Савин А. Н. Университетские дела. Дневник 1908–1917. М.-СПб: Центр гуманитарных инициатив. 2015. С. 86.

¹⁴ Трубецкой Г. Н. Русская дипломатия 1914–1917 гг. и война на Балканах. Монреаль: Русь. 1983. С. 66.

¹⁵ Кострикова Е. Г. Российское общество и внешняя политика накануне Первой мировой войны. М., 2007, С. 21–22.

¹⁶ Там же. С. 22.

¹⁷ Там же.

¹⁸ Там же. С. 22–23.

Князь Николай Петрович Трубецкой и княгиня София Алексеевна (урожд. Лопухина)

В тот год на Балканы совершили поездки политики П. Н. Милюков, А. А. Стахович и В. А. Макаков.

Группа общественности 31 октября в зале Литературно-художественного кружка собралась для обсуждения реферата «Основы русской политики на Ближнем Востоке и славянский вопрос», явившегося результатом поездки Г. Н. Трубецкого. В дискуссии приняли участие Е. Н. Трубецкой, С. А. Котляревский, Л. А. Камаровский и Ф. Е. Корш. Было признано, что австрийской аннексией Боснии и Герцеговины Берлинский трактат был нарушен и требует полного пересмотра; истинная задача России – постановка славянского вопроса в полном объеме. Камаровский предложил провести плебисцит среди населения аннексированных провинций.

Действия русской дипломатии были подвергнуты критике. Когда же Е. Н. Трубецкой связал проблему освобождения балканских славян с судьбой поляков

в Российской империи, собрание было закрыто полицией.

17 января 1909 года рассказ В. А. Макакова о посещении им Балкан слушали в Обществе славянской культуры. Собрание было представительным, с участием известных общественных деятелей и ученых: И. Х. Озерова, Д. Н. Шипова, С. А. Котляревского, Г. Н. Трубецкого и др. Председательствовал академик Ф. Е. Корш. К этому времени отделения общества возникли во многих провинциальных городах.

Председатель Славянского вспомогательного общества А. И. Череп-Спиридович, также принимавший участие в заседании, попытался поднять вопрос о подготовке добровольцев на случай войны, но не встретил поддержки. Ему было сказано, что военные вопросы вне компетенции Общества славянской культуры. Зато оно на одном из ближайших своих заседаний поставило вопрос об обеспечении достоверной информацией о собы-

тиях, происходящих в славянском мире.

Было предложено начать работу по созданию Славянского телеграфного агентства.

В период 1908–1910 гг. А. И. Коновалов и П. П. Рябушинский стали инициаторами проведения так называемых «экономических бесед». Они и их соратники понимали, что

для обеспечения намеченных ими политических целей они нуждаются в содействии интеллектуалов, в первую очередь специалистов по экономике. В беседах принимал участие и опытный дипломат Г. Н. Трубецкой. Кстати, московские промышленники поддержали в свое время не только «Партию мирного обновления», но и курс «Московского еженедельника».

Собрания начались в апартаментах Коновалова на Поварской улице, а затем переместились в дом Рябушинского на Пречистенском бульваре. Среди ученых, регулярно принимавших участие в подобных мероприятиях, можно отметить экономиста и ректора Императорского Московского университета А. А. Мануйлова, экономиста П. Б. Струве, историка экономики М. М. Ковалевского, юристов П. И. Новгородцева и С. А. Котляревского, историка П. Г. Виноградова и богослова С. Н. Булгакова (получившего экономическое образование).

На этих совещаниях нередко ставились вопросы программного значения. В октябре 1910 года в ходе одной из «экономических бесед» на квартире П. П. Рябушинского в качестве приоритетных тем будущих дискуссий были обозначены: рабочее законодательство, размеры земского налогообложения, формы государственного вмешательства в экономическую жизнь, организация мелкого кредита. По сведениям Трубецкого «резюми» этих собраний были чрезвычайно авторитетны даже в Министерстве иностранных дел.

Важным итогом сотрудничества академиков и бизнесменов стал изданный в 1910 году В. П. Рябушинским (при тесном содействии Трубецкого) двухтомник «Великая Россия: сборник статей по военным и общественным вопросам». Его авторы анализировали проблемы страны в политической и экономической перспективе.

Милитаристский, имперский пафос «Великой России» произвел сильное впечатление на деловое сообщество, не привыкшее к тому, чтобы его воспринимали как фактор российской военной мощи. В том же году отдельным изданием вышла статья князя из этого сборника, и даже появился ее перевод в Германии в 1913 году, а затем, в 1915 году, в Италии и Болгарии.

После закрытия еженедельника Трубецкой продолжал жить в Москве на Поварской, 18, в доходном доме своего тестя графа К. А. Хрептович-Бутенева, и публиковался на страницах журнала «Русская мысль», самого живого российского ежесеместника, который издавался под редакцией П. Б. Струве. В редакционный кружок тогда входили: С. Л. Франк, А. П. Татаринова, А. С. Изгоев,

А. М. Рыкачев, Н. Н. Львов, Е. Н. Трубецкой, Г. Н. Трубецкой, С. А. Котляревский, Г. Н. Штильман. Отметим, что в свое время связь «Московского еженедельника» и «Русской мысли» была настолько тесной, что читателям, оформлявшим подписку на оба издания, предоставлялась скидка.

В этот период Григорий Николаевич был одним из руководителей очень важной политической ориентации среди либерал-консерваторов, которые начали выражать свое несогласие с царем не только по вопросам политической свободы и реформ его власти, но и выступали на националистической почве с критикой внешней политики правительства. У Трубецкого она была удачным сочетанием его влечения к славянской идее и реалистических мнений о лучших способах по сохранению баланса между государствами, чтобы в конечном итоге избежать войн. Его контакты с товарищем министра иностранных дел С. Д. Сазоновым можно проследить с 1909 года (с периода скандала в Бухлау), когда Трубецкой был близок последнему со своей критикой подхода российских представителей на местах к этой проблеме. Впрочем, он не терял связей с МИДом с самого начала своей работы публициста, поддерживая отношения с А. П. Извольским, занявшим кресло министра в 1906 году.

Еще в свою бытность на дипломатическом поприще Трубецкой заинтересовался историей российской политики на Востоке. Одним из итогов этих изысканий стала большая статья «Россия и вселенская патриархия после Крымской войны. 1856–1860 гг.», опубликованная в нескольких

номерах журнала «Вестник Европы» в 1902 году. Внимание к этой теме продолжилось и позднее, результатом чего стала книга «*La politique Russe en orient le schisme Bulgare*» (Paris: Typ. Plon-Nourrit et Cie, 1907). Спустя три года ее перевод вышел в Болгарии¹⁹.

Интерес к православию привел Трубецкого в «Кружок ищущих христианского просвещения», десять лет просуществовавший в Москве (примерно с 1907 по 1917 год). Он возник вокруг М. А. Новоселова и издававшейся им с 1902 года «Религиозно-философской библиотеки». К 19 января 1907 года был разработан его устав, в первом параграфе которого значилось: «Кружок имеет целью помогать своим членам, а также и посторонним лицам, которые будут к нему обращаться, в усвоении начал христианского просвещения. Кружок никаких политических целей не преследует и в обсуждение политических вопросов не входит».

Членами-учредителями были Ф. Д. Самарин (председатель), М. А. Новоселов, В. А. Кожевников, П. Б. Мансуров, Н. Н. Мамонов; в кружок входили А. А. Корнилов, А. И. Новгородцев, кн. Е. Н. Трубецкой, П. А. Флоренский, С. Н. Булгаков, В. Ф. Эрн, прот. И. И. Фудель, Л. А. Тихомиров, С. Н. Дурылин, Н. Д. Кузнецов, Н. С. Арсеньев и др.

Последний вспоминал много лет спустя об этих встречах, что часто проходили в особняке доктора Корнилова на Нижней Кисловке: «В небольшой зале вечером приблизительно раз в две недели собиралось человек 60–70, из них 15–20 члены кружка, а остальные слушатели, публика: дамы, молодежь»²⁰.

Продолжение следует

¹⁹ Ее русский перевод вышел там же: Трубецкой Г. Русская политика на Востоке (Болгарская схизма). София. 1950.

²⁰ Арсеньев Н. С. Из русской культурной и творческой традиции. London: Overseas Publications Interchange Ltd. 1992. С. 105.

НАШИМ СООТЕЧЕСТВЕННИКАМ

ТРИ ЗВЕРИНЫХ ЦАРЯ

Как сегодня существует, чем жива русская анималистика?

АЛЕКСЕЙ ШУЛЬГИН

Вадим Горбатов

Фото: Екатерина Софронова

Пока живы три патриарха, жива и анималистика: на них она держится, как Земля у древних – на трех слонах.

Вадим Горбатов

С Вадимом Алексеевичем я познакомился в ноябре 2018 года в Северном Чертанове, заявившись к нему в мастерскую на чердаке жилого дома. В прежние времена все мы, жители Чертанова, буквально знали друг друга, если не по имени, то хотя бы встречались в магазине, на почте или на улице. Оказалось, что жена Горбатова, Наталья Михайловна, преподавала историю в школе на улице Красного Маяка,

где я учился. Нам оставалось только подивиться тому, как тесен мир. Главное – нас связывала любовь к битцевскому лесу, где и художник, и я ходили по одним тропинкам.

Какие это были красивые места! Участок с дубами сменялся липами, потом показывалась березовая роща, за которой чернел еловый лес. Сердце замирало, когда зимой входил я под тень нестарых еще елок и, привыкнув к сумраку, начинал озираться. Вот перелетает с куста на куст, с ветки на ветку синица; над головой противно кричит цветастая, похожая на цыганку сойка; с едва слышимым шорохом спускается по стволу головой вниз поползень; где-то перекликаются снегири и слышен грай ворона.

А на снегу можно разглядывать следы. Лес живет своей жизнью.

Как рад я был, поговорить обо всем этом с Вадимом Алексеевичем, не боясь, что тебя не так поймут. И сам Горбатов в мастерской находится среди чудесных предметов, вещей и вещичек. На стенах висят длинные перья разных птиц: хищных, вальдшнепов, кроншнепов. Гипсовый отпечаток звериного следа. Два огромных рога

(находка самого хозяина). Книги, книги, книги. Две работы мастера на стенах. Одна картина всегда будет жить в моем сердце: вечерет, на снегу загухают угли догоревшего костра, на горизонте темнеет лес, к лесу тянутся следы недавно ушедшего человека...

Горбатов известен в мире в первую очередь как виртуозный рисовальщик хищных птиц. Я учился в первом классе, когда мне подарили набор открыток «Красная книга СССР», которые нарисовал Горбатов. Они до сих пор стоят у меня на полке.

Кажется мне, что в то время, когда художник делал свои зарисовки, я встречал его в лесу. Но застенчивость не позволяла подойти,

встать за спиной и смотреть: невозможно было помешать взрослому человеку.

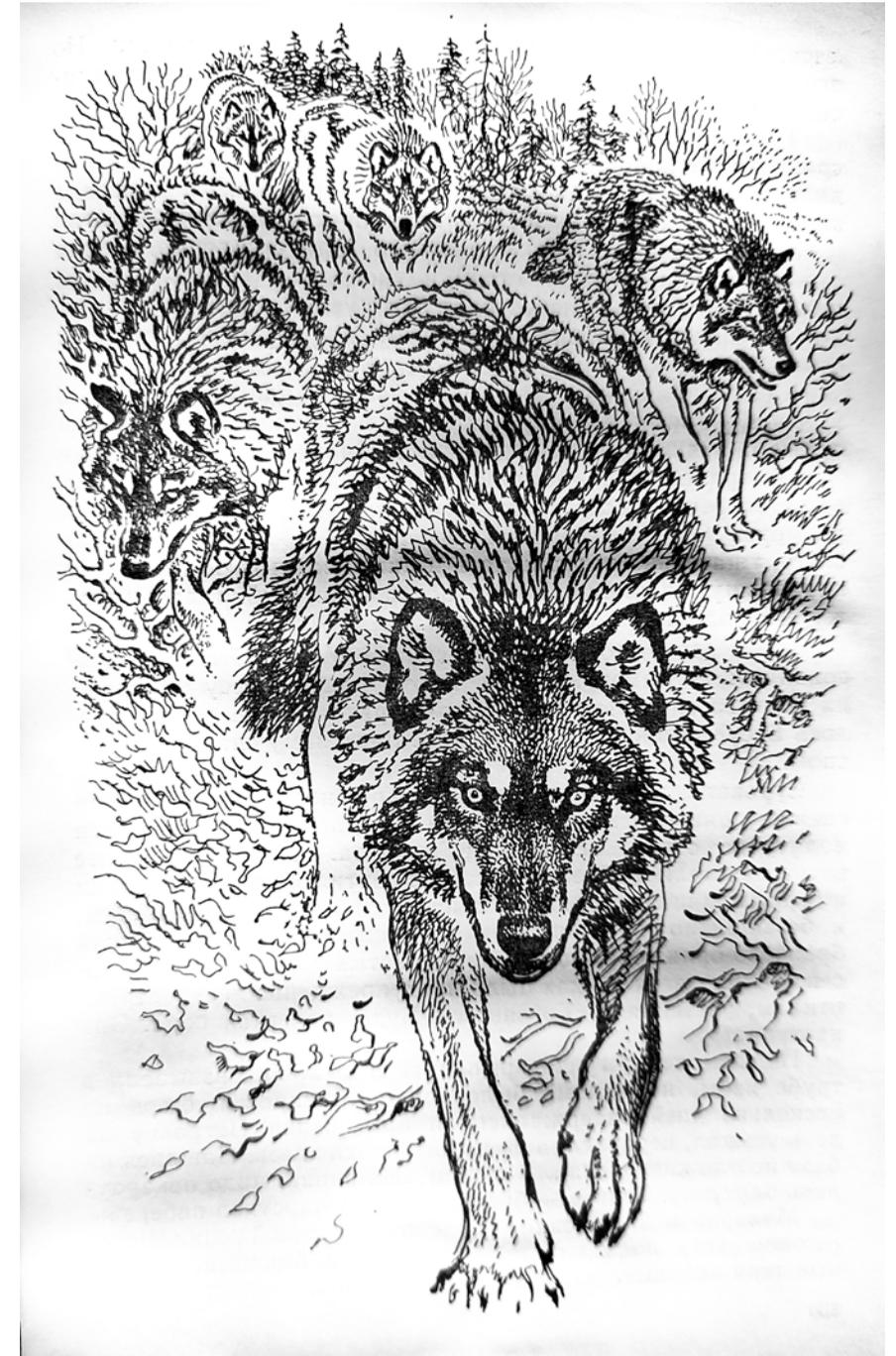
Родился будущий художник в 1940 году в селе Качалово, на юге Москвы (современный район Северное Бутово). Это была настоящая деревня, где крыши крыли соломой и где к небу тянулась церковь. Церковь эта – великомученицы Параскевы Пятницы – и сейчас стоит около метро «Бульвар Дмитрия Донского» в Москве.

Жили Горбатовы в собственном деревянном доме. Родители работали в институте пчеловодства. Отца звали Алексеем Лукичом, а маму – Фаиной Моисеевной.

Вадим Алексеевич рассказывал мне: «Рисовал зверей с детства. С тех пор как помню себя – рисовал. А время было военное, рисовать особо было нечем. Мы с братом дрались за огрызок карандаша, мать отбирала, потом давала по очереди. Карандаш был химический, потому что писали им на ладони номер, когда стояли в очереди за мукой. Цветных карандашей не было вообще. Я помню: смял, потер кусочек травы – зеленое будет. Одуванчиком потер – будет желтый цвет. Рисунки мои сохранились. Года три-четыре мне тогда было».

Во время войны отец ушел на фронт, а семья уехала в эвакуацию в Мичуринск, а потом на Алтай. Как война кончилась, трудные времена продолжились. Голодно, но в селе у всех свои сарайчики, у всех своя скотинка. У Горбатовых тоже водились куры, поросенок, коза. Мальчик работал на огороде: картошку окучить, прополоть. А еще нужно дров напилить, наколоть, козу с поросенком покормить, козу каждый день отвести в стадо, а вечером встретить.

Но Вадима влек к себе лес, а там лоси, тетерева, рябчики, вальдшнепы, «все наземно-гнездящееся». Вспоминал Вадим Алексеевич, что

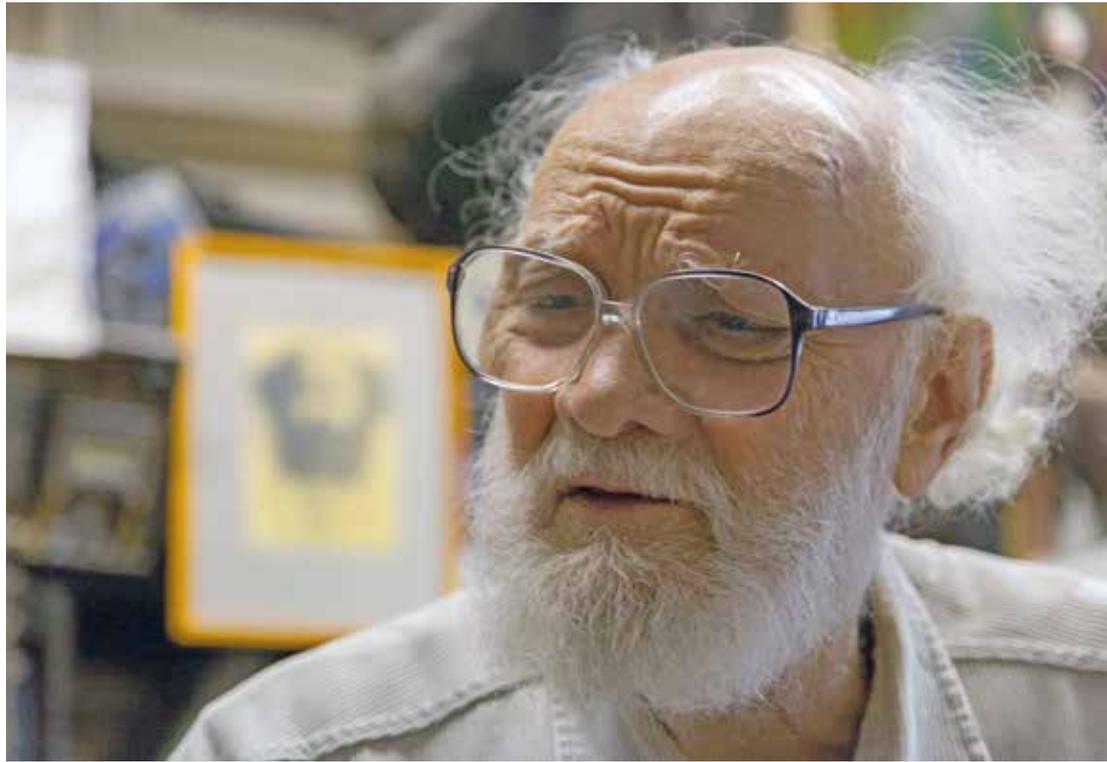

В.А.Горбатов. Иллюстрация к книге В.А.Потиевского «Мага уводит стаю». 1990

уже тогда ходил в лес рисовать. Знал птичьи гнезда в окрестностях, барсучьи и лисьи норы.

Из наших разговоров: «Я очень трепетно относился к Никольскому и Комарову, к Ватагину отношусь довольно равнодушно. Еще Вадим Трофимов...

(Г. Е. Никольский, А. Н. Комаров, В. А. Ватагин, В. В. Трофимов – мастера анималистического жанра, творившие в XX веке. – А. Ш.). Почему я с ними познакомился? Почему я вообще стал художником? Пришлось пойти в межсессионную

Олег Отрошко

Фото: Екатерина Софронова

комиссию художников-анималистов, чтобы участвовать в выставке. Возглавляя комиссию Вадим Трофимов. Я с ним связался по телефону. Принес ему работы домой. Он был мужик доброжелательный. Посмотрел мои работы с удивлением. И сказал приносить на выставку. На вторую выставку Трофимов попросил принести наброски с натуры. Я ему принес. Он посмотрел и говорит: «Фу! Замечательно. Вадим, когда мы на первой выставке смотрели ваши работы с Вадимом Фроловым, решили, что не может быть, что вы дерете по фотографии. Теперь ясно, что вы настоящий живой художник».

Очень точно написал о Горбатове один из доброжелателей: «Он появился среди московских анималистов внезапно. Настолько, что ошарашенная анималистическая общественность приняла его с большой недоверчивостью: «Где же он раньше-то скрывался?» А он и не скрывался вовсе. Просто,

рисую зверей с детства, не видел для себя возможности пробиться в издательства, да и не очень, видимо, доверял себе».

Я храню все его электронные письма, аккуратно копируя и распечатывая на бумаге.

«Недавно вернулся из Питера, – писал мне Вадим Алексеевич. – Был в Эрмитаже. Там проходит выставка рельефов из дворца Ашшурбанипала в Ниневии. Ассирия V–VII век до нашей эры. Я помню эти рельефы еще со студенческих лет. Охоты на львов. Замечательная анималистика. Выставка отличная. Но оказалось, что как раз именно эти рельефы не привезли. Жалко. Надеюсь увидеть».

Но все же съездил не зря. Побродил по Русскому музею. И ездил на охоту. Три русских пегих. По зайцу и лисе. Целый день в лесу, по оврагам и болотам. Два молодых азартных кобеля увязались залосем. Ушли за 11 км. Смогли забрать их только к ночи».

Спросил как-то, где лучше искать лосиные рога и когда лось их скидывает. Вадим Алексеевич объяснил: «Рога лось сбрасывает в начале зимы, но период растянут. Рога чаще можно найти в густом молодняке. Потеряв один рог, лось начинает бодать кусты и деревья, чтобы освободиться от второго рога. Ему неудобно, башка перевешивает в одну сторону.

Так что, если нашел один рог, имеет смысл поискать в этих местах и второй. Так я и нашел в молодом осиннике у болота оба огромных рога, которые стоят в мастерской».

А вот из другого письма: «В деревне у нас летом рай. К дому приходила косуля. Из окна видели лису. Куропатки с цыплятами кормятся около дома. За грибами не ходил, а земляника и малина дикая рядом».

Дед Отрошко

В декабре 2018 года ночным поездом мы поехали в Ярославль, чтобы повидаться с Олегом Павловичем Отрошко (родился он в 1939 году).

Короток зимний день. Тихо идет снег, кружатся снежинки. Замерли без движения деревья. Затихла река Лунка. Вдруг пролетели глухари над Раями. Сидит в избе дед Отрошко – художник, охотник,

бывалый человек. Надо бы сходить за дровами, затопить печь, но мочи нет. В Раи пришла зима. Пора уезжать.

– Мое золото, – распевно говорит Отрошко, – мое тело вчера перевезли в Ярославль. – Сидел там (в Раях – А. Ш.) голодный. Хлеб кончился, сыро, холодно, на печи уши мерзли. Слава Богу, еще одно лето в деревне пережил дед.

Раи – это деревня в Ярославской области, неподалеку от старинного города Данилова. В 1990-е годы купил здесь Отрошко избу. И стали Раи на Лунке для Олега Павловича «вотчиной» и «охотничьи угодьями». Сколько он там охотился! А сколько писал картин! Он называет раевские этюды ЖГДР-ами, что расшифровывается так: живописные графическо-декоративные работы. Великий труженик, он сделал сотни этюдов. В папках лежат тысячи зарисовок. Все папки тематические: тут волки, там глухари...

Аю и Бой – две таксы спасли его от секача, отвлекли на короткое время, которого хватило, чтобы перезарядить ружье и разрядить в кабана. Чучело, как память, висит в мастерской у Отрошко в Ярославле. Дед ухмыляется, кивая на мертвую башку: «Вот, он у меня на стене висит. А могло быть по-другому».

В Ярославле живет Отрошко неподалеку от проспекта Машиностроителей, на 13-м этаже кирпичного дома. Чего только нет в его жилище? Вот, висит старинный охотничий рог, на подоконнике лежит церковная книга в черном кожаном переплете с затейливым тиснением. Множество шкур: волчьей, кабанья, медвежья. Чучела кабана, глухаря, куропатки, бекаса, вальдшнепа, ворона...

Художников-охотников очень мало (Алексей Комаров, Федор Глебов, Евгений Чарушин), анималисты были в основном мирными

О. П. Отрошко. «Ложащий глухарь». Линогравюра. 1986

наблюдателями. А Отрошко, любитель псовой охоты, часто спорил с братьями по искусству.

Патриарх жанра Д. В. Горлов в одном из писем высказывал своему молодому товарищу: «Зверь – это шедевр красоты живого существа, выражающего гармонию и гармоническую слитность его с природой. Украшение природы. Художник обязан не только знать, но быть влюбленным в него. Вот почему убийство (охота) – сегодня преступление. Охота – это страсть, а не любовь».

Отрошко не комментирует Горлова, он любит патриарха, благодарен ему за доброе отношение.

– Я сейчас хочу написать новую картину. Смотри: я сижу голый в бочке, как Диоген, а вокруг собрались все мои охотничьи собаки за всю жизнь. А?

Мне идея кажется превосходной. В один из приездов в Ярославль я видел на холсте нанесенный углем набросок этой картины.

– Але, мое золото, – еле шелестит Отрошко. – Я заживо погребен. Ты сейчас говоришь с трупом...

Валерий Симонов

Фото: Екатерина Софронова

золото...» Ведь нас на этом свете так мало любят.

Валерий Симонов

Валерий Васильевич Симонов... Пишу это имя и чувствую, как волна тепла захлестывает сердце.

В 1962 году молодой художник Валерий Симонов перехватил инициативу, взявшись организовать вторую анималистическую выставку. В одном из разговоров я спросил его: «Валерий Васильевич,

Это обычное начало почти каждого нашего разговора, но постепенно он воодушевляется:

– Через год хочу провести юбилейную выставку и сделать ее такой, какой никогда не было. И тебе будет не стыдно говорить, что ты знал этого полоумного художника.

Олег Павлович балагур каких поискать. И потрясающий художник. Как определить, что художник выдающийся? Очень просто: вспомнить его картины. У меня перед глазами его «День примирения и согласия» (зеркало современной русской жизни), «Поющий глухарь», «Сон в Раях. Сам и Пушкин при свече», «Глухари над Раями». Это мой золотой фонд, вещи, с которыми иду по жизни, как с Пушкиным, Блоком, Рублевым, Довлатовым...

Каждый год Отрошко рвется в свои Раи. В деревне редко выходит на связь, бережет зарядку телефона, жалуется на одиночество, холод. Теперь Раи – это лишь один дом Отрошко, оставшийся от всей деревни. К нему в сад заходит

медведь полакомиться яблоками. В пруду развелось много карася. Летают без боязни глухари. За домом богато растут грибы. Лесное царство. И сам Олег Павлович похож на Пана, лешего. Еле ползая, с посошком, ходит по знакомым тропкам, собирая грибы, ягоды, травы. Но чаще – стоит за этюдником, пишет картины, работает.

С горечью рассказывал мне он, что некоторые высокопоставленные коллеги по ремеслу злословили: «У-у, развел курятник!» Не хотели они видеть за зверями и птицами Отрошко России, любви к природе, которая человека приближает к Богу.

Сдержанный на похвалы художник Д. В. Горлов писал: «Олег Отрошко обладает большими данными и техникой. Искренне, честно, без фокусов, с открытым сердцем и любовью работать непросто».

И я все чаще думаю: пора собираться в Ярославль к деду, поглядеть, забрать травы, отвезти ему журналы, наконец, поговорить по-человечески, услышать: «Мое

зачем вам нужно было браться за это дело? Ведь выставка – это всегда суета, нервы, много сил потеряешь обязательно». Он ответил: «Ну, как же. Потому что я был уже зрелый художник, мне это (искусство – А. Ш.) интересно, а сравнить мне не с кем, как я работаю, что я делаю. Станковую графику к тому же показывать в тот момент было некому и негде. А главное, понимаешь, все еще были живы – и Горлов, и Трофимов, Ватагин, Комаров. Все были живы. И почему было не сделать выставку?»

Валерий Симонов родился в 1940 году и прошел через все мытарства, положенные людям, узнавшим войну.

«Отец был военный, работал на аэродроме во Ржеве, рассказывал Валерий Васильевич. – Когда началась война, нас эвакуировали. Ржев бомбили сперва немцы, потом наши. Отец занимался эвакуацией заводов. Семью отправил в Алатырь, потом мы переехали во Владимир, Судогду, а эвакуация закончилась для нас в Москве. Как

В. В. Симонов. «Лоси». Гуашь. 1970-е

только немцев отбросили от Волоколамского шоссе, началось возвращение людей. В Москве жили в Студенческом проезде – район ВДНХ, на месте нынешней гостиницы «Космос». А тогда там была глухая окраина: Ростокинский проезд, Центральная станция юннатов. Студенческий проезд был застроен двухэтажными бараками. Мы жили в 8-м проезде. Коридорную систему я там и узнал: по левой и по правой стороне комнаты, где жили семьи. Потом в Москве мы жили и у Киевского вокзала. Следующим адресом стал дом на Красноказарменной улице. Были и еще квартиры, где мы жили».

В памяти всплывает полуподвальная мастерская художника в Студенечком переулке, в доме, где жил и погиб поэт Маяковский.

В дни тягостных сомнений я еду на Улицу 1905 года, чтобы попасть в гости к своему другу в иной мир. Бог щедро наделил талантом Валеру Симонова: молодой человек мог все – писал маслом, рисовал гуашью, акварелью, фломастерами, карандашами, углем, сангиной, соусом. Ваял скульптуры в глине, резал по дереву, возился с пластиком, делал формы и отливал гипсовые скульптуры. Не брезговал изготавливать магниты, свистульки, бижутерию. Он напоминает Моцарта легкостью и убедительностью своих творений. Я бегу к Симонову, чтобы получить поддержку, услышать его мудро-ироничное воркование.

Валерий Васильевич мой консультант. Всегда он вспомнит и расскажет о любом художнике-анималисте, потому что знает

всех. С его помощью я написал о Г. Е. Никольском.

А еще Симонов пишет ироничные рассказы. «А волк спал тяжело и тревожно. Во сне продолжалась жизнь. Во сне вместе со своими друзьями он гнал и гнал свою жертву, напрягая свою волю, силу и умение, чтобы в этот раз не прийти домой пустым. Поэтому надо бежать, бежать, бежать. Он очень любил свою серую подругу. Ему так хочется принести добычу домой, встретить ее на пороге и лизнуть в нос. Волка кормят ноги. В охоте заключен весь смысл его жизни ради любимой подруги и щенков...»

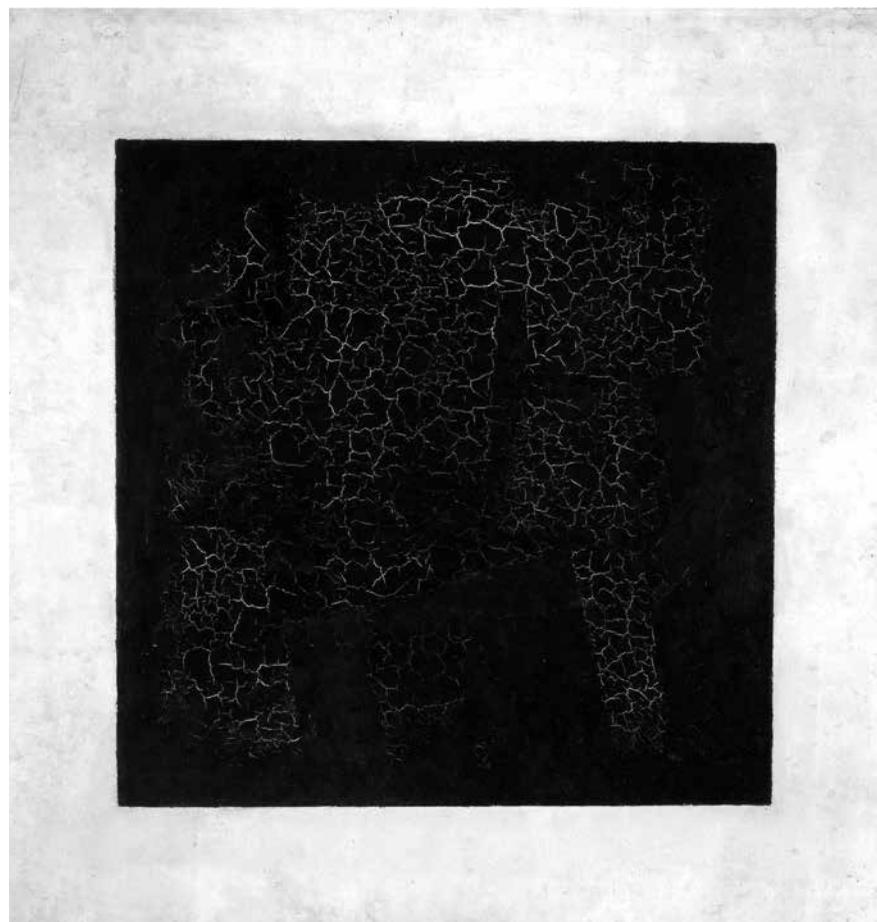
Мне хотелось написать оду моим знакомым трем звериным царям, чье присутствие на этом свете делает жизнь чуть добрее, лучше, осмысленнее!

ПАРАДОКС «ЧЕРНОГО КВАДРАТА»

К 145-летию основоположника супрематизма К. С. Малевича

ОКСАНА КОПЕНКИНА,

арт-аналитик, основатель сайта «Дневник живописи»

Казимир Малевич. «Черный квадрат». 1915.
Государственная Третьяковская галерея. Москва

О парадоксе «Черного квадрата» Малевича задумывался каждый. Нельзя придумать ничего проще, чем черный квадрат. Нет ничего легче, чем нарисовать черный квадрат... Тем не менее он признан шедевром. Если сегодня он попадет на открытые торги, ее готовы будут купить за 140 миллионов долларов!

Очевидно, что в «Черном квадрате» есть что-то особенное. Невидимое обычному зрителю. Это только на первый взгляд кажется, что такой шедевр мог бы создать каждый – и ребенок, и взрослый без художественного образования. Но не все в этой картине так просто.

«Черный квадрат» на самом деле квадратом не является. Его стороны не равны друг другу. И противоположные стороны не параллельны друг другу. Кроме того, «Черный квадрат» на самом деле не совсем черный.

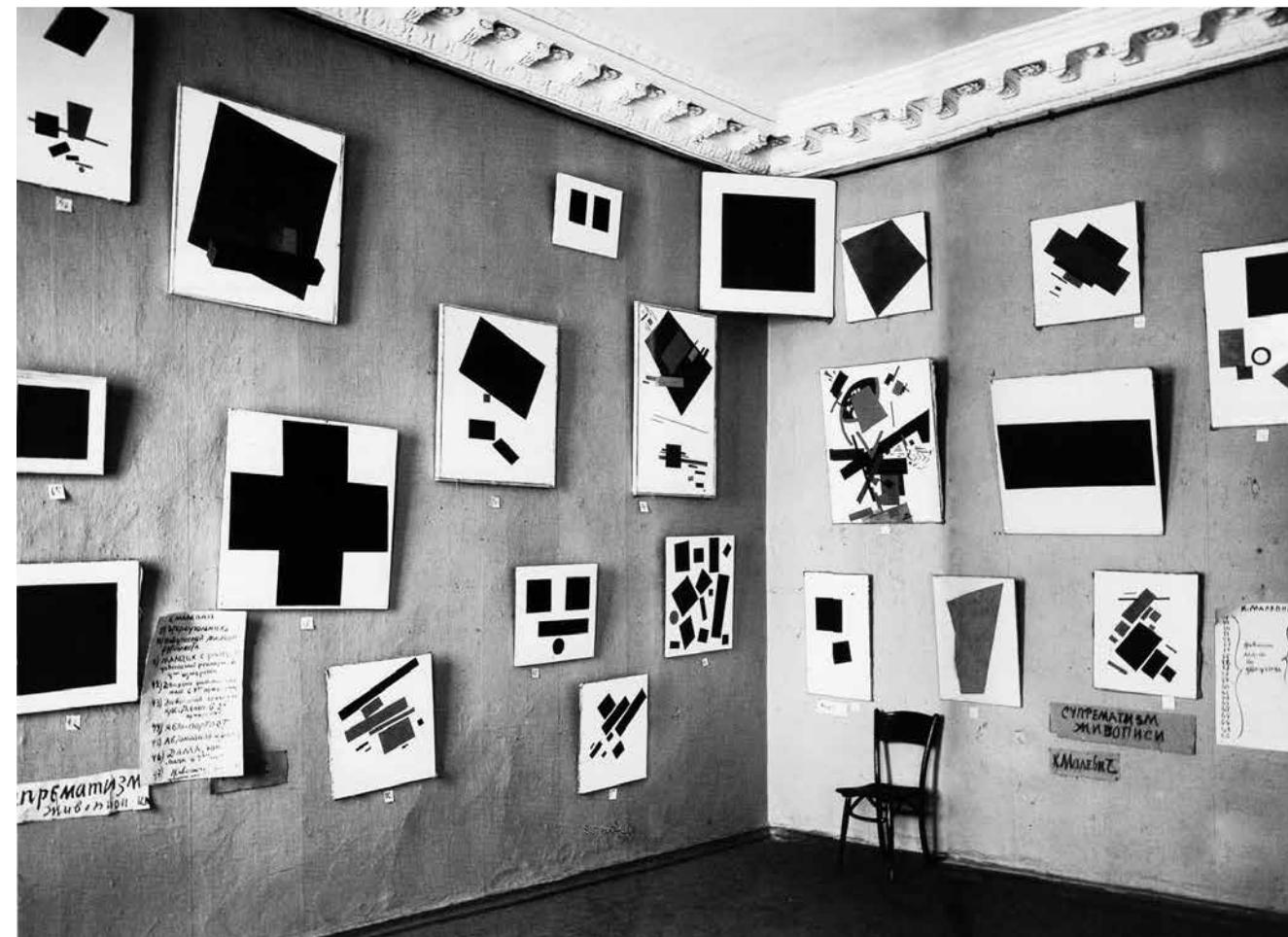
Химический анализ показал, что Малевич использовал три самодельные краски. Первая – жезная кость, вторая – черная охра, третья – природный компонент темно-зеленого оттенка. А еще Малевич примешал мед, чтобы убрать эффект глянца, присущий масляным краскам.

То есть художник не просто взял первую попавшуюся черную краску и закрасил начерченный квадрат. Как минимум он день потратил на подготовку материалов.

Если бы это была случайно написанная картина, художник не стал бы ее копировать. В течение последующих пятнадцати лет он создал еще три «Черных квадрата». Если вы видели все четыре (два хранятся в Третьяковке, один в Русском музее и еще один – в Эрмитаже), тогда наверняка обратили внимание на то, насколько они разные: они не похожи ни размером, ни интенсивностью цвета.

На «Квадрате» 1915 года заметны трещины (кракелюры). Сквозь них виден нижний слой краски. Это цвета другой картины. Она была написана в протосупрематическом стиле.

Это еще не все. Под ней – другое изображение. Уже третье

Черный квадрат в «красном углу» выставки «0,10», проходившей в Петрограде в 1915 году

по счету. Написанное в стиле кубофутуризма. Поэтому кракелюры и появились. Слишком толстый слой краски.

Зачем же такие сложности? Целых три изображения на одной поверхности! Возможно, это случайность. Так бывает. Художника осеняет идея. Он хочет ее выразить сразу. Но под рукой может не оказаться холста. Но даже если холст есть, его нужно готовить, грунтовать. Тогда в ход идут малозначимые картины. Или те, которые художник считает неудачными.

Получилась этакая живописная матрешка. Эволюция. От кубофутуризма к кубосупрематизму и к чистому супрематизму в «Черном квадрате».

Супрематизм

«Черный квадрат» был создан в рамках придуманного Малевичем нового направления в живописи – супрематизма.

Supreme означает «превосходный», так как художник считал его наивысшей точкой развития живописи. Это целая школа. Только создана она одним человеком: Казимиром Малевичем. Он привлек на свою сторону немало сторонников и последователей.

Малевич умел ясно и вдохновенно рассказывать о своем детище. Он рьяно агитировал полностью отказаться от фигуративности, то есть от изображения объектов и предметов. «Супрематизм – это искусство, которое

творит, а не повторяет», – говорил художник.

Если же убрать пафос и посмотреть на его теорию со стороны, то мы не можем не признать ее величия. Малевич, как подобает гению, почувствовал, в какую сторону дует ветер. Время индивидуального восприятия подходило к концу. Наступал век массовой культуры, когда были важны упрощенные формы и чистые цвета. Малевич понимал, что искусство не должно отставать и, возможно, даже в состоянии возглавить это движение.

Он придумал, по сути, новый живописный язык. Соразмерный грядущему времени, которое вот-вот наступит. А у языка есть своя азбука. «Черный квадрат» и есть

Автопортрет К. М. Малевича. 1933

главный знак этой азбуки. «Нуль форм», – говорил Малевич.

До Малевича существовала другая азбука, придуманная еще Джотто в начале XIV века. Эта азбука и была основой всего искусства. Это перспектива, объем, эмоциональная выразительность.

У Малевича язык совсем другой. Простые цветоформы, в которых цвет наделяется другой ролью. Он не для того, чтобы передать натуру. И не для того, чтобы создать иллюзию объема. Он сам по себе выразителен.

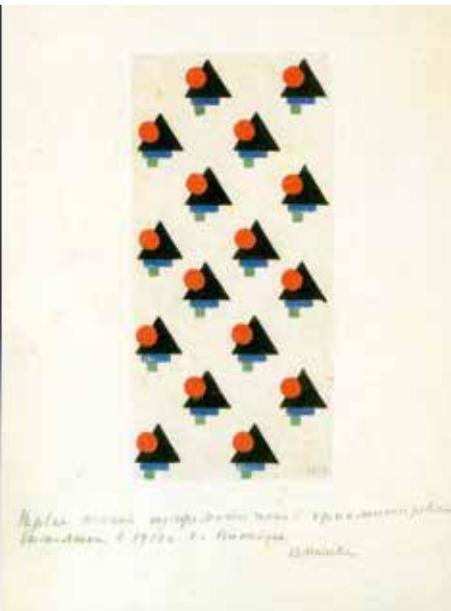
«Черный квадрат» – главная «буква» в новом алфавите. Квадрат, потому что это первоформа. Черный цвет, потому что он поглощает все цвета.

Вместе с «Черным квадратом» Малевич создает «Черный крест» и «Черный круг». Простые элементы. Но они тоже производные черного квадрата. Круг появляется, если квадрат вращать на плоскости. Крест состоит из нескольких квадратов.

Дальше Малевич из своей азбуки складывает новые «слова». Он комбинирует цветоформы в простых, сложных и очень сложных сочетаниях.

Слева: сервиз Ленинградского фарфорового завода, созданный по эскизам Малевича (1922).
Справа: образец ткани с рисунком Малевича (1919)

В стиле супрематизма Малевич писал несколько лет. А затем произошло невероятное: он вдруг вернулся к фигуративности, которую так долго отрицал... Можно было бы расценить это как непоследовательность. Мол, «поиграл» в красивую теорию и хватит. На самом деле созданный им язык жаждал применения. Применения в мире форм и натуры. И Малевич послушно вернулся в этот мир. Но изображал его уже с помощью нового языка супрематизма.

Так что «Черный квадрат» – это не конец искусства, как иногда его обозначают. Это начало современной живописи.

Потом настал новый этап. Язык хотел служить людям. И он перешел в нашу жизнь.

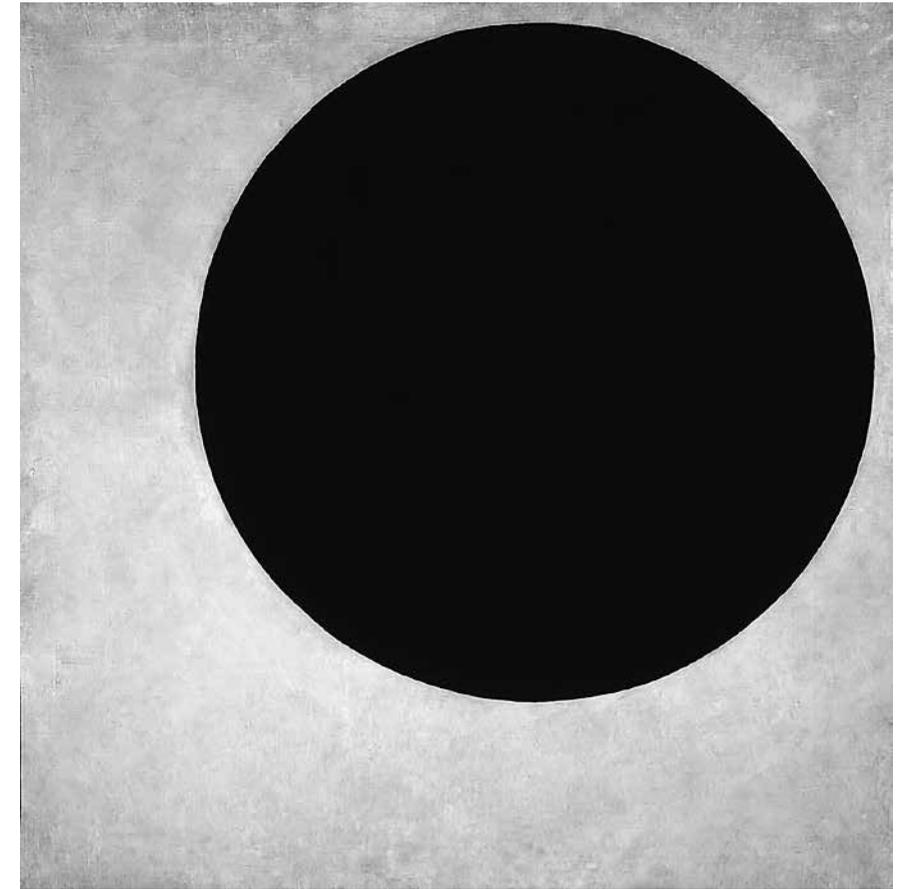
Создав супрематизм, Малевич делал все, чтобы тот не пылился в музеях, а шел в массы. Он расписывал фарфор, создавал рисунки для тканей, рисовал эскизы платьев. Правда, при жизни смог «надеть» их лишь на героев своих картин.

На языке «Черного квадрата» заговорили сторонники Малевича. Самый известный из них – Эль Лисицкий, который изобрел печатные шрифты, а также новый дизайн книг. Вдохновлялся он теорией супрематизма и «Черным квадратом» Малевича.

Подобное оформление книг нам кажется естественным. Но лишь потому, что стиль Малевича прочно вошел в нашу жизнь. Наши современники – дизайнеры, архитекторы и модельеры – не скрывают, что всю жизнь черпали вдохновение в работах Малевича.

«Черный квадрат» как буква алфавита

Почти каждый зритель пытается понять Малевича с помощью привычного языка натурального изображения. Того самого, который

«Черный круг». 1923. Государственный Русский музей, Санкт-Петербург

придумал Джотто и который развили художники эпохи Возрождения.

Многие пытаются оценить «Черный квадрат» по неподходящим критериям. Нравится – не нравится. Красиво – не красиво. Реалистично – не реалистично.

Появляется неловкость, обескураженность. Потому что «Черный квадрат» глух к подобным оценкам. Что же остается? Только осудить или высмеять? Мазня. Ерунда. «Ребенок лучше нарисует». Или: «Я так тоже могу» и прочее.

А теперь оцените «Черный квадрат» как букву алфавита. Как атом молекулы. Как электрон магнитного поля. Вот тогда станет понятно, почему это шедевр. Невозможно оценить «Черный квадрат» сам по себе. А только вместе с тем пространством, которому он служит.

Малевич был знаменит при жизни. Но материальной выгоды он от этого не получил. Отправляясь в 1929 году на выставку в Париж, он просил власти отпустить его туда... пешком. Потому что денег на дорогу у него не было. Власти поняли, что пришедший на своих двоих в Европу товарищ Малевич подорвет их авторитет, поэтому 40 рублей на поездку выделили.

Правда, через две недели он был срочно вызван телеграммой обратно. И по приезде сразу арестован. По доносу. Как немецкий шпион...

Больше никаких выставок. Никакого супрематизма. В СССР возможен только соцреализм.

Художник умер в 1935 году.

«РОМЕО И ДЖУЛЬЕТТА»: СУДЬБЫ СКРЕЩЕНИЯ

Великий русский композитор сочинил балет по трагедии великого английского драматурга

СЕРГЕЙ МАКИН

«Что вижу я! В руке Ромео склянка! Так яд принес безвременную смерть...» Джульетта — Галина Уланова, Ромео — Михаил Габович. Хореография Леонида Лавровского / Фото из книги-альбома «Большой театр СССР» (М.: Государственное музыкальное издательство, 1958)

Поначалу Сергей Прокофьев хотел переписать Уильяма Шекспира, оставив Ромео и Джульетту в живых: «Нам нужен финал, а мертвые, лежа, не танцуют». Но классической стала постановка балета с трагическим концом.

В 1956 году Большой театр привез балет Прокофьева в Англию. Галина Уланова, первая исполнительница партии Джульетты, позже писала: «Я плохо помню премьеру “Ромео»

в Лондоне. Помню, что было очень страшно. Позже мы узнали, что в зале присутствовали Лоренс Оливье, Вивьен Ли, Тамара Карсавина, Марго Фонтейн. Когда окончился первый акт, в зале стояла гробовая тишина. Какое-то мгновение, секунды, которые показались вечностью. Неизвестно, чем эта тишина обернется... И что будет дальше?! Будто перед грозой... Потом зал встал, грянули аплодисменты, крики...»

Эта роль стала одной из любимейших у великой балерины. А ведь после первого представления «Ромео и Джульетты» в Ленинграде она произнесла: «Нет ничего печальнее на свете, чем музыка Прокофьева в балете»

Сергей Сергеевич спросил у Улановой: «А кого бы вы хотели станцевать?» Та ответила: «Снегурочку». Композитор возразил: «“Снегурочка” уже есть, я напишу

для вас “Золушку”». После лучезарной «Золушки» эпитафию переименовали: «Нет ничего печальнее на свете, чем музыка Прокофьева в “Джульетте”».

А ведь верно: за исключением светлой «Джульетты-девочки» и народных танцев на площади, остальная музыка, даже дуэт главных героев, звучит невесело. Мрачным величием наполнен «Танец рыцарей», иначе говоря – «Монтекки и Капулетти». Сначала живо (как-никак фехтование), затем злое (тема обязывает) выглядит «Гибель Тибальта». Даже в игривых «Масках» слышится что-то лукаво-демоническое...

Уланова писала: «Свежими и нынешними глазами» смотрим мы на Шекспира сегодня, и этот взгляд отличается от вчерашнего, а завтра он, наверно, опять изменится. Спустя несколько лет, уже работая в Государственном академическом Большом театре, где возобновлялся лучший балет Прокофьева, я как бы заново задумывала свою героиню: она казалась озаренной всем опытом моей жизни, годами только что победно завершившейся войны. В Джульетте увидела я волю необыкновенной силы, способность и готовность бороться и умереть за свое счастье. Отсюда новый, обостренный драматизм сцены с отцом – отказ стать женой нелюбимого Париса – и та решимость, отчаяние и мужество, которые я стремилась выразить в танце...»

Война в самом деле наложила отпечаток на советскую трактовку этого балета, вложив в него идею жертвенности: сколько юношей и девушек положили свои жизни на алтарь победы над злом!

Воля небес

У Голсуорси в «Саге о Форсайтах» любви Джона и Флер предшествует эпитафия из «Ромео

Галина Уланова — Джульетта. Рисунок Николая Соколова, входившего в группу советских художников «Кукрыниксы»

и Джульетты»: «От чресел враждебных родилась чета, любившая наперекор звездам» (перевод Н. Вольпин). В оригинале у Шекспира – *From forth the fatal loins of these two foes // A pair of star-cross'd lovers take their life*. В современном английском пишется *star crossed*. Дословный перевод: «Роковые чресла этих двух врагов лишают

жизни пару крестозвездных влюбленных». Что значит “*star crossed*”? Скращение звезд, их пересечение? Звезды крестят пару или ставят на ней крест? Не будем гадать, обратимся к словарю *Noam's Words & Phrases Repository*: “*Star crossed*” means *unlucky, i.e. not favoured by the stars. The phrase is astrological in origin*. Перевод: «“*Star crossed*”

«Ступай: уж все светлее и светлее». Джульетта — Анна Никулина, Ромео — Александр Волчков. Большой театр. Хореография Юрия Григоровича / Фото: Дамир Юсупов

означает “несчастливо”, то есть то, чему звезды не благоволят. Фраза по происхождению астрологическая». Итак, звезды неблагоприятны к любви Ромео и Джульетты.

Интересно, как шекспировская фраза выглядит в классических литературных переводах. У Щепкиной-Куперник: «Из чресл враждебных, под звездой злосчастной, // Любowników чета произошла». В популярном переводе Пастернака о звездах ни слова: «Друг друга любят дети главарей, // Но им судьба подстраивает козни». Зато в финале все единодушны. Герцог у Щепкиной-Куперник: «Вас бич небес за ненависть карает». Князь у Пастернака: «Какой для ненавистников урок, // Что небо убивает вас любовью». Наконец, Принц в оригинале у Шекспира: *See what a scourge is laid upon your hate, // That heaven finds*

means to kill your joys with love! Снова дословный перевод: «Взгляните, какое зло является результатом вашей ненависти, небеса находят способ убить ваши радости любовью!» Значит, мстит *heaven* – небо (в сакральном, не атмосферном смысле). Важный вывод: Ромео и Джульетта идут против воли небес – и небеса их карают.

Думается, что пьеса Шекспира именно астральная, в духе пантеистических идей эпохи Возрождения (Бог – Природа). Не зря действие разыгрывается под итальянским небом, в котором витают тени Юпитера, Меркурия, Венеры, Марса и других античных богов, свергнутых христианством, но продолжающих скрыто управлять миром. Символично, что планеты Солнечной системы сохранили древнеримские имена. «Небо»

здесь – космический закон, который юноша и девушка преступили.

В Средние века верили в астрологию (сегодня она снова в моде...). Получается, что звезды не советовали Ромео и Джульетте любить друг друга, поскольку это грозило им (и не только) страшными бедами.

Вроде бы романтично действовать «рассудку вопреки, наперекор стихиям». Однако против рока в античной мифологии были бессильны даже боги, что же говорить о простых смертных? И Джульетту с Ромео постигает скорая смерть. Хотя в трагедии Шекспира гибель наследников двух родов приводит к примирению враждующих семей, кто остается в живых? Ромео был единственным сыном у четы Монтеки, Джульетта – единственной дочерью

у супругов Капулетти. Погиб и племянник Тибальт. Конечно, найдутся родственники: племянница Розалина или внучатые племянники. Только это будут уже не Монтеки и Капулетти.

«Нет повести печальнее на свете...» Да, «Ромео и Джульетта» – трагедия, способная вызывать катарсис – очищение души.

Шекспир потому и гений, что глубок. После прочтения пьесы или просмотра драмы у мыслящего человека шекспировских времен должна была возникнуть мысль о жестокости мироздания, мстительности небесного закона.

Браки совершаются на небесах

В 1933 году Карел Чапек создал свой вариант истории веронских любовников. В начале XVII века, путешествуя по Италии, молодой англичанин сэр Оливер знакомится с монахом-францисканцем Ипполито. Романтически настроенный сын Альбиона спрашивает священника о Ромео и Джульетте. Тот не сразу, но вспоминает:

«– Послушайте, не тот ли это молодой *sciocco* (сумасброд. – К. Ч.), этот франт, этот бездельник Монтеки, который ранил графа Париса? И говорили – будто бы из-за Джульетты... На самом деле Ромео бежал в Мантую, а бедняжка Джульетта от горя чуть не отравилась... Но между ними ничего не было, *cavaliere*, просто детская привязанность... После этого Джульетту отвезли к тетке в Безенцию, на поправку. И туда к ней приехал граф Парис – рука его еще была на перевязи, а вы знаете, как оно получается в таких случаях: вспыхнула тут между ними самая горячая любовь. Через три месяца они обвенчались...»

Сэр Оливер сидел совершенно потерянный.

– Не сердитесь, отче, – сказал он наконец, – но в той английской пьесе все в тысячу раз прекрасней.

Падре Ипполито фыркнул.

– Прекраснее! Не понимаю, что тут прекрасного, когда двое молодых людей расстаются с жизнью. Жалко было бы их, молодой синьор! А я вам скажу – гораздо прекраснее, что Джульетта вышла замуж и родила восьмерых детей, да каких детишек, Боже мой – словно картинки!

Сэр Оливер покачал головой.

– Это уже не то, дорогой падре; вы не знаете, что такое великая любовь.

Маленький патер задумчиво моргал глазками.

– Великая любовь? Я думаю, это – когда двое умеют всю свою жизнь... прожить вместе – преданно и верно...»

Кто-то посчитает версию Чапека прозаичной, если не пошлой. А как же Пушкин, признававшийся: «Над вымыслом слезами обольюсь»? Альтернативный, русский вариант – в повести «Метель». В поэме «Цыганы» Александр Сергеевич – печальный фаталист: «И всюду страсти роковые, // И от судеб защиты нет». В «Метели» у него другая позиция: судьба – это мудрая воля небес. Марья Гавриловна (аналог Джульетты) против воли родителей хочет выйти замуж за Владимира, страстного «Ромео по-русски». Их должен тайно обвенчать священник (параллель с патером Лоренцо). Но случайность (на самом деле судьба, рок) в образе метели расставляет все на свои места, и девушка оказывается повенчанной с тем, кому она предназначена свыше – с Бурминым, аналогом графа Париса.

Французы говорят: «Браки совершаются на небесах». Выходит, брак Джульетты с Ромео не был «запланирован» на небесах, иначе высшие силы сделали бы все, чтобы

записка патера Лоренцо к Ромео (о том, что Джульетта на самом деле жива) благополучно дошла по назначению.

У Евгения Шварца в «Обыкновенном чуде» Эмилия говорит Хозяину пространства и времени пьесы, создателю и вершителю судеб ее персонажей: «Стыдно убивать героев, чтобы растрогать холодных и расшевелить равнодушных». Устами своей героини Шварц выражает свое кредо доброго сказочника. Действительно, душа жаждет счастливого конца.

Смиряться под ударами судьбы, Иль надо оказать сопротивление?

23 мая 1878 года Петр Ильич Чайковский делился планами с Надеждой Фиалетовной фон Мекк: «Знаете, что теперь занимает меня, и о чем я часто думаю? В тот вечер в Киеве, когда сестра и Модест (брат. – С. М.) были на представлении Росси (Эрнесто Росси – итальянский драматический актер. – С. М.), а я оставался стеречь детей, я прочел ту самую “Ромео и Юлию”, которую они смотрели в театре. Тотчас же у меня засела в голову мысль написать оперу на этот сюжет... Оперы Беллини и Гуно не пугают меня. В них Шекспир искверкан и искажен до безобразия. Не находите ли Вы, что эта великая, архигениальная драма способна привлечь музыканта?»

Оперу на шекспировскую тему Чайковский так и не сочинил, оставшись автором увертюры-фантазии «Ромео и Джульетта». Ее тоже не сразу приняли на ура, как и балет Прокофьева. 19 (31) марта 1878 года композитор писал фон Мекк из Швейцарии: «Что касается крайне редкого исполнения моих симфонических вещей за границей, то этому много

Джульетта – Алисия Аматириан. Парис – Эван МакКи. Синьора Капулетти – Марсия Хайде. Хореография Джона Крэнко. Гастроли Штутгартского балета в Большом театре / Фото: Дамир Юсупов

причин. Во-первых, я русский и в качестве русского внушаю всякому западному человеку предубеждение. Во-вторых, опять-таки в качестве русского человека, у меня имеется чуждый для Западной Европы элемент, который иностранцам не по душе. Моя увертюра “Ромео и Юлия” игралась во всех столицах и нигде не имела успеха. В Вене и Париже ее ошикали. Недавно в Дрездене случилось то же самое. В некоторых других городах – в Лондоне, Мюнхене, в Гамбурге – она имела более счастливую судьбу, но все же я через это не вошел прочно в симфонический репертуар Германии и других музыкальных стран».

В 1968 году балетмейстеры Наталья Рыженко и Виктор

Смирнов-Голованов поставили телефильм-балет «Ромео и Джульетта» на музыку симфонической фантазии Чайковского. Главные партии исполнили Наталия Бессмертнова и Михаил Лавровский, сын балетмейстера Леонида Лавровского. Кроме них, танцуют только артисты мужского кордебалета Большого театра. Одетые в красные рыцарские плащи, в шлемах с ниспадающими кольчужными сетками, они безлики, как средневековые воины, скрывающие лица под забралами. Кордебалет олицетворяет не только вражду, но и тему мрачного, неумолимого, враждебного человеку рока – идею, столь близкую композитору. Вспоминается монолог Гамлета:

*Достойно ль
Смиряться под ударами судьбы,
Иль надо оказать сопротивление
И в смертной схватке
с целым морем бед
Покончить с ними?*

(Перевод Бориса Пастернака)

В 1976 году издательство «Искусство» опубликовало сборник «Откровения телевидения», в который вошла статья Н. Гавриловой «Ромео и Джульетта. Прикосновение к вечности» об этом фильме-балете: «В фильме два действующих лица (нет ни Меркуцио, ни Тибальта, ни Монтекки, ни Капулетти), и это правильное решение, ибо в музыке Чайковского действительно лишь двое – он и она... Встреча – первый дуэт. Бала, как у Шекспира,

на котором Ромео и Джульетта встретились, мы в фильме не видим, но постановщики этот бал подразумевают. Затем сцена у балкона... Далее в фильме происходит свадьба, далее Ромео сражается на дуэли. Дерется он с безликой массой мужского кордебалета. По замыслу постановщиков, это обобщенный образ судьбы, рока, вражды – и Монтекки и Капулетти сразу. После дуэли – дуэт любви, как в пьесе и как у Шекспира, – разлука. И наконец, все последние сцены балета – довольно точное воспроизведение смерти шекспировских героев... Правда, ни склянка с ядом, ни кинжал в финале не фигурируют в своем конкретном виде, но исполнители с живостью и артистизмом, свойственным их таланту, дают нам о них представление. В финале фильма, а вернее, это один из последних его кадров – мы видим группу мужского кордебалета, склонившего свои головы перед трупами погибшей юной четы. Вражда окончилась...

Но в финале увертюры-фантазии Чайковского “Ромео и Джульетта” вражда не прекращается – никто ни с кем не мирится. По этому поводу, кстати, с композитором долго спорил Балакирев, который полагал, что в симфонии должен быть сохранен сюжетный ход трагедии. Чайковский с ним не согласился – он закончил свою симфонию не просветленной темой, но резкими и сухими аккордами. Герои в смерти обрели гармонию (просветленный мотив после трагической кульминации), но с их гибелью не становится иным мир. Придут другие герои, и им тоже предстоит столкнуться с теми же силами зла, что обрушились на Ромео и Джульетту».

У Чайковского Ромео и Джульетта – герои нарождающегося мира любви, которые противостоят миру ненависти, торжествующему до сих пор. Хочется верить, что не навсегда.

Джульетта – Екатерина Крысанова, Ромео – Владислав Лантратов
Фото: Дамир Юсупов

ВСЕВОЛОД МЕЙЕРХОЛЬД: ЖИЗНЬ, ЛЮБОВЬ И СУДЬБА

150 лет назад родился выдающийся театральный режиссер В. Э. Мейерхольд

ВЯЧЕСЛАВ МИЛЯЕВ

«Двойной», портрет режиссера В. Э. Мейерхольда (в роли Денди и Лучника) кисти Бориса Головина. 1916

Мейерхольд Всеволод Эмильевич (при рождении Карл Казимир Теодор Майерхольд) – русский и советский театральный режиссер, актер и педагог, создатель актерской системы под названием «биомеханика».

Он родился 22 января (9 февраля) 1874 года в красивом провинциальном городе Пенза на берегу реки Сура, в лютеранской семье винозаводчика Эмилия Федоровича Мейерхольда.

В 1895 году юноша окончил Пензенскую 2-ю мужскую гимназию (позже в ней будет учиться выдающийся актер немого кино Иван Мозжухин). Здание гимназии на ул. Володарского, д. 5 является сегодня памятником истории и культуры федерального значения.

По достижении совершеннолетия Мейерхольд принял православие и свое имя изменил на Всеволод – в честь любимого писателя Всеволода Гаршина. Учеба на юридическом факультете Московского университета не сложилась, и в 1896 году он перешел на 2-й курс театрально-музыкального училища Московского филармонического общества в класс Владимира Немировича-Данченко.

После окончания училища в 1898 году вместе с другими выпускниками, в том числе Ольгой Книппер, Иваном Москвиным, Мейерхольд вошел в труппу создаваемого Художественно-общедоступного театра.

Театр открылся премьерой спектакля «Царь Федор Иоаннович»,

в котором роль Василия Шуйского исполнил молодой актер Всеволод Мейерхольд.

В постановке чеховской «Чайки» Мейерхольд играл Треплева, а в 1901-м исполнил роль Тузенбаха в «Трех сестрах». На сцене Художественного театра им были также сыграны роли принца Арагонского в «Венецианском купце» Шекспира, Иоанна Грозного в трагедии А. К. Толстого «Смерть Иоанна Грозного», Иоганнеса в «Одиноких» Гауптмана и другие.

В 1902 году Мейерхольд с группой актеров покидает Художественный театр и начинает самостоятельную режиссерскую деятельность в Херсоне. За четыре года в студии было поставлено около 200 спектаклей, гастролы проходили в городах Тбилиси, Севастополе, Николаеве.

Вместе с тем, надо заметить, что студия существовала недолго, Станиславский и Мейерхольд по-разному понимали ее назначение. В своей книге «Моя жизнь в искусстве» Станиславский по поводу опытов режиссера писал: «Талантливый режиссер пытался закрыть собою артистов, которые в его руках являлись простой глиной для лепки красивых групп, мизансцен, с помощью которых он осуществлял свои интересные идеи. Но при отсутствии артистической техники у актеров он смог только продемонстрировать свои идеи, принципы, искания, осуществлять же их было нечем, не с кем, и потому интересные замыслы студии превратились в отвлаченную теорию, в научную формулу».

Мейерхольд критиковал предложенный Станиславским метод переживания, когда актер идет к роли изнутри, и настаивал на обратном пути: от внешнего идти к внутреннему содержанию роли.

Выразительность телодвижения (область исследования итальянского народного театра), позы и жеста

играют важную роль в создании спектакля. Но студию закрыли.

В 1906 году Вера Комиссаржевская пригласила Мейерхольда в свой театр в Петербурге. За сезон режиссер поставил 13 спектаклей, в том числе: «Гедду Габлер», Генрика Ибсена, «Сестру Беатрису» Мориса Метерлинка, «Жизнь человека» Леонида Андреева. Но сотрудничество с Комиссаржевской оказалось недолгим. Петербургские театральные зрители перестали ходить на спектакли, труппа оказалась на грани разорения, и Комиссаржевская уволила Мейерхольда. Он дважды подавал на нее в суд, но безрезультатно.

Свои интересные идеи и подходы к постановкам русской и зарубежной классики талантливый режиссер осуществил в Императорских театрах. В Александринском театре поставил пьесы «Дон Жуан» Мольера (1910), «Зеленое кольцо» Зинаиды Гиппиус, «Гроза» Островского (1916), «Маскарад» Лермонтова (1917). В Мариинском театре в 1911 году осуществил постановку оперы Глюка «Орфей и Эвридика».

Революцию 1917 года Мейерхольд принял с радостью и волнением и в 1918-м вступил в РКП(б). По приглашению наркома просвещения Анатолия Луначарского с сентября 1920 года по февраль 1921-го заведовал Театральным отделом Наркомпроса.

В это же время он начал активно вводить в театр программу «Театральный Октябрь», а на Курсах мастерства сценических постановок – преподавание «биомеханики» как теории движений. В 1921 году поставил в Москве вторую редакцию пьесы Владимира Маяковского «Мистерия-Буфф».

В 1920 году в Москве был создан Театр РСФСР-1, который несколько раз менял свое название: с 1922-го – Театр актера и Театр ГИТИСа,

с 1923-года – Театр им. Мейерхольда, которому в 1926 году присвоили статус государственного. В 1922–1924 гг. Мейерхольд также руководил Театром Революции.

В 1896 году Мейерхольд женился на Ольге Мунт. Супруга во всем поддерживала его – даже тогда, когда он своим странным скоропалительным решением привел в дом молодую слушательницу его Высших театральных курсов Зинаиду Николаевну Райх, которая была на 20 лет моложе его. Она родилась 3 июля 1894 года в Одессе в семье железнодорожного машиниста, обрусевшего немца Николая Андреевича Райха и бедной дворянки Анны Ивановны.

Райх получила среднее образование, в Киеве окончила Высшие женские курсы, в Петрограде работала в Наркомпросе секретарем-машинисткой, а также в эсеровской газете «Дело народа», где и познакомилась со своим будущим первым мужем Сергеем Есениным. Музой поэта она была недолго – они поженились в 1917 году, а спустя четыре года брак был расторгнут. В 1924 году «разбойник кудрявых полей» Есенин посвятил Зинаиде пронзительные строки стихотворения «Письмо к женщине»:

*Простите мне...
Я знаю: вы не та –
Живете вы
С серьезным, умным мужем;
Что не нужна вам наша маета,
И сам я вам
Ни капельки не нужен...*

Жизнь шла своим чередом, и однажды на работе она познакомилась с Мейерхольдом. Знакомство переросло в дружбу, и вскоре Зинаида стала посещать его занятия по актерскому мастерству. Два года она гостевала в доме Мейерхольда, мило улыбалась и пила чай с Ольгой Мунт, но летом 1922 года, когда законная супруга уехала

Памятник Всеволоду Мейерхольду в Пензе. 1999

с детьми на отдых, Райх совершила вероломный поступок: взяв дочь Татьяну и сына Константина от Есенина, она перебралась в дом к Мейерхольду.

Влюбленный режиссер бросил большую семью (три дочери – Мария, Татьяна, Ирина), женился

(с разрешения Есенина) на Зинаиду Райх, сделал ее ведущей актрисой театра, исполнял любое ее желание, усыновил детей от первого брака, любил и заботился о них как родной отец.

Однако вскоре начались тайные свидания актрисы с бывшим

супругом. Мейерхольд знал об этих встречах, но терпел. Смерть великого поэта 28 декабря 1925 года стала для актрисы настоящим ударом. На похоронах Есенина Райх причитала «Ушло мое солнце...»

19 января 1924 года Райх дебютировала в театре в пьесе Александра Островского «Лес» и в скором времени стала одной из самых известных актрис Москвы, а в тридцатые годы уже была ведущей актрисой театра Мейерхольда. Все было для нее и во имя ее. Искусный режиссер мечтал сделать из нее единственную звезду. Однако в труппе ее не любили, а критики называли властолюбивой и бездарной.

В скором времени из-за ссоры с Зинаидой из театра ушли великие мастера сцены: Мария Бабанова (у которой забирали главные роли), Эраст Гарин, Игорь Ильинский.

В 1930 году ГосТиМ успешно гастролировал за рубежом: в Германии, Франции, Италии. Руководитель театра МХАТ-2 Михаил Чехов, который в 1928 году не вернулся на родину с гастролей за границей, встречался с Мейерхольдом в Берлине и вспоминал: «Я старался передать ему мои предчувствия, если он вернется в Советский Союз. Он слушал молча, спокойно и грустно ответил мне так (точных слов я не помню): с гимназических лет в душе моей я носил Революцию и всегда в крайних, максималистских ее формах. Я знаю, вы правы – мой конец будет таким, как вы говорите. Но в Советский Союз я вернусь. На вопрос мой – зачем? – он ответил: из честности».

19 марта 1934 года на сцене ГосТиМа состоялась премьера спектакля по роману Дюма-сына «Дама с камелиями». Выбор пьесы вызвал бурю негодования у многих литературных и театральных критиков, которые считали, что заигранной мелодраме не место в репертуаре советского театра.

Но мелодраму Мейерхольд поставил как трагедию – сухо и сдержанно, мизансцены были выстроены лаконично с отсутствием идеологии. Зрители приходили посочувствовать личной трагедии человека, женщины, увидеть то, что быстро исчезало с театральных сцен. Свой последний спектакль Мейерхольд поставил исключительно для жены Зинаиды

24 февраля 1984 года в Пензе был открыт «Дом Мейерхольда», через 19 лет реорганизованный в Центр театрального искусства, в котором с 2003 года работает «Театр Доктора Дапертутто». Приоритетом стали постановки и прокат театральных спектаклей и вместе с этим показ интересной и содержательной музейной экспозиции «Жизнь и творчество Всеволода Мейерхольда».

В 1999 году здесь был открыт памятник Мейерхольду: бронзовая фигура великого театрального режиссера поднимается по ступенькам к полуоткрытой двери Центра театрального искусства, спеша на репетицию нового спектакля.

Райх, где она играла главную роль парижской куртизанки Маргариты Готье.

В это время Сталин повел на просторах советской культуры борьбу с авангардным искусством, премьера спектакля ему не понравилась, режиссер один из самых первых попал под удар, он оказался не угоден власти, началась война с режиссером-реформатором.

В ответ на критику Зинаида Райх обратилась к Сталину с письмом, в котором откровенно и смело говорила о слабом его понимании театрального искусства, рекомендовала ему расширить и углубить свои знания. Она также намекнула, что ей известны обстоятельства гибели ее первого мужа Сергея Есенина.

Сталин не ответил на письмо актрисы (иначе и быть не могло), но неуважительный тон запомнил. Нападки на Мейерхольда усилились, руководство страны объявило его работу антагонистической и чуждой советскому народу.

Но спектакль «Дама с камелиями» шел в театре до самого его закрытия 8 января 1938 года. В последний раз Райх вышла на сцену в роли Маргариты Готье 7 января 1938 года.

В тот период времени в советской прессе режиссера обвиняли в создании «антиобщественной атмосферы». Через три дня после закрытия театра деятели творче-

ской сцены в коллективном единстве опубликовали статью на тему: «Мейерхольдовщине не место в советском искусстве».

Руководители ведущих московских театров статью и травлю неугодного режиссера поддержали, не стеснялись в выражениях, обвиняли в пустых идейных замыслах, чудовищных постановках. В приказе Комитета по делам искусств при Совнарком СССР «О ликвидации Театра имени Вс. Мейерхольда» утверждалось, что театр «оказался полным банкротом в постановке пьес советской драматургии».

В мае 1938 года Константин Станиславский предложил безработному Мейерхольду должность режиссера в руководимом им оперном театре. В скором времени после смерти Станиславского Мейерхольд стал главным режиссером театра, но продолжалось это совсем недолго. 20 июня 1939 года Мейерхольда арестовали в Ленинграде; в его московской квартире

в Брюсовом переулке был произведен обыск. В протоколе зафиксирована жалоба его жены, протестовавшей против методов работы сотрудников НКВД.

Режиссеру предъявили обвинение, как агенту английской и японской разведок, активному вредителю СССР, кадровому троцкисту, активному участнику троцкистской организации, действовавшей среди работников искусства.

После трех недель адских допросов, сопровождавшихся пытками, Мейерхольд подписал нужные следствию показания: его обвиняли по статье 58 Уголовного кодекса РСФСР. Письмо к Молотову о нечеловеческих зверствах и издевательствах, видимо, не дошло до адресата.

В ночь на 15 июля 1939 года Зинаида Райх была зверски убита в своей квартире – месть чекистов за учиненный актрисой скандал при обыске в Брюсовом переулке и «наглое письмо» Сталину.

2 февраля 1940 года великого режиссера расстреляли в подвале здания военной коллегии Верховного суда СССР (здание на Лубянке напротив нынешнего «Детского мира») вместе с группой других заключенных, среди которых был известный журналист Михаил Кольцов. Тело Мейерхольда было сожжено в Донском крематории, а пепел выброшен на Новом Донском кладбище. На этом месте теперь установлена мемориальная плита.

Реабилитировали Мейерхольда 26 ноября 1955 года. Родственникам выдали фальшивую справку, где сообщалось, что он скончался от болезни 17 марта 1942 года.

Зинаиду Райх похоронили на Ваганьковском кладбище недалеко от могилы Сергея Есенина. Через некоторое время на памятнике актрисы появилась еще одна надпись – Всеволод Эмильевич Мейерхольд.

ГАЛИЛЕО ГАЛИЛЕЙ

К 460-летию со дня рождения великого итальянского астронома, математика и философа

ВЯЧЕСЛАВ КАТАМИДЗЕ

Утром 22 июня 1633 года в Риме, в малом зале монастыря Минервы, состоялось важное заседание Святого собрания инквизиции, перед которым предстал старик с бледным лицом и дрожащими руками. Он со страхом смотрел на суровые лица собравшихся кардиналов, как бы пытаясь прочесть в них свой будущий приговор. Наконец в гнетущей тишине один из кардиналов поднялся со своего места и произнес: «От всех последствий он может быть освобожден только при условии, что с искренним сердцем и непритворной верой отречется от всей той ереси, которую он взлелеял, и проклянет эту ересь, а также любую другую ересь против Церкви, за которую будет осужден на пребывание в тюрьме инквизиции, пока она не сочтет его заключение достаточным».

Монотонный голос умолк. Кающийся пал на колени перед собранием и воззвал к Божественной помощи, поклявшись никогда больше не возглашать свои еретические учения. Он перечислил их, но главным, как подчеркнул суд, была его смехотворная идея, что Земля вращается вокруг Солнца. Затем дрожащей рукой кающийся подписал бумагу, в которой изложил все свои прегрешения. Но когда его выводили из комнаты, он пробормотал: «И все-таки она вертится!»

Этим человеком был Галилео Галилей – один из величайших мировых светил в области научных открытий.

Будущий ученый родился в феврале 1564 года в Италии, в городе Пиза. Он был сыном человека

знатного происхождения. Уже с детства Галилео проявлял признаки острого ума. Получив начальное образование в монастыре, он в 17 лет продолжил учебу в Пизанском университете.

Юноша намеревался посвятить себя медицине, но изучение трудов Евклида направило его мысли в другое русло. В восхищении от того, что он познает необычайные истины, Галилей отказался от медицины, а затем от элементарных работ по геометрии перешел к сочинениям Архимеда. Его мозг быстро усвоил их; его наблюдательность также была поразительной. Он заинтересовался господствующей тогда философией Аристотеля и с восторженностью восемнадцатилетнего юноши отмечал в ней ошибки и нелепости, уже тогда очевидные для него, и при этом считал, что распознавание ошибок великого философа – это его интеллектуальная победа. Он атаковал последователей теорий Аристотеля со рвением, граничащим с неосмотрительностью, а когда обнаружил, что они не внимают его рассуждениям, противоречащим устоявшимся аксиомам, обратился к прямому эксперименту.

В 1583 году, наблюдая за колебаниями лампы, подвешенной к крыше собора, он обнаружил ценность маятника для точного измерения времени, поскольку заметил, что каждое колебание одинаково во времени, независимо от его силы.

К этому времени относят и его работы по гидростатическому балансу. Но наибольший интерес он питал к математике и к 1588 году

стал профессором, преподавателем этого предмета в университете. Именно тогда он провел свой знаменитый эксперимент на наклонившейся Пизанской башне. Одна из аксиом аристотелевской доктрины механики заключалась в том, что более тяжелое из двух падающих тел достигнет земли раньше другого и что их скорости будут пропорциональны их весу. Молодой философ высмеял это. Он утверждал, что все тела упадут с одной и той же высоты за одно и то же время, если их не будет по-разному тормозить сопротивление атмосферы.

Ученый собрал нескольких ведущих последователей аристотелевской философии и показал им, что он имеет в виду. Поднявшись на Пизанскую башню, он сбросил вниз два предмета разного веса. Собравшиеся внизу увидели, как два тела одновременно упали на землю. Но последователи Аристотеля приписали этот эффект некой неизвестной причине и остались непоколебимыми в преданности своему кумиру. А ведь Галилей на самом деле открыл важный принцип физики.

Его вынудили подать в отставку и удалиться во Флоренцию, но в 1592 году он был назначен профессором в университете в Падуе. К этому времени он уже стал известен всей Европе.

В 1604 году Галилей, к удивлению многих почитателей, стал уделять все больше внимания астрономии. Началось это с того, что на небосклоне появилась новая звезда, которая привлекла внимание малых астрономов. Одни из них говорили, что это просто метеорит,

другие были озадачены. Галилей стал выступать с лекциями на эту тему. Он доказывал слушателям в битком набитых залах, что это не метеорит, а звезда, которая, как и другие неподвижные звезды, расположена далеко за пределами Солнечной системы.

Выступления Галилея привлекали тысячи людей. Порой они устраивали на улице настоящие бои, чтобы прорваться в зал, где выступал ученый. И тогда Галилей стал выступать на открытом воздухе.

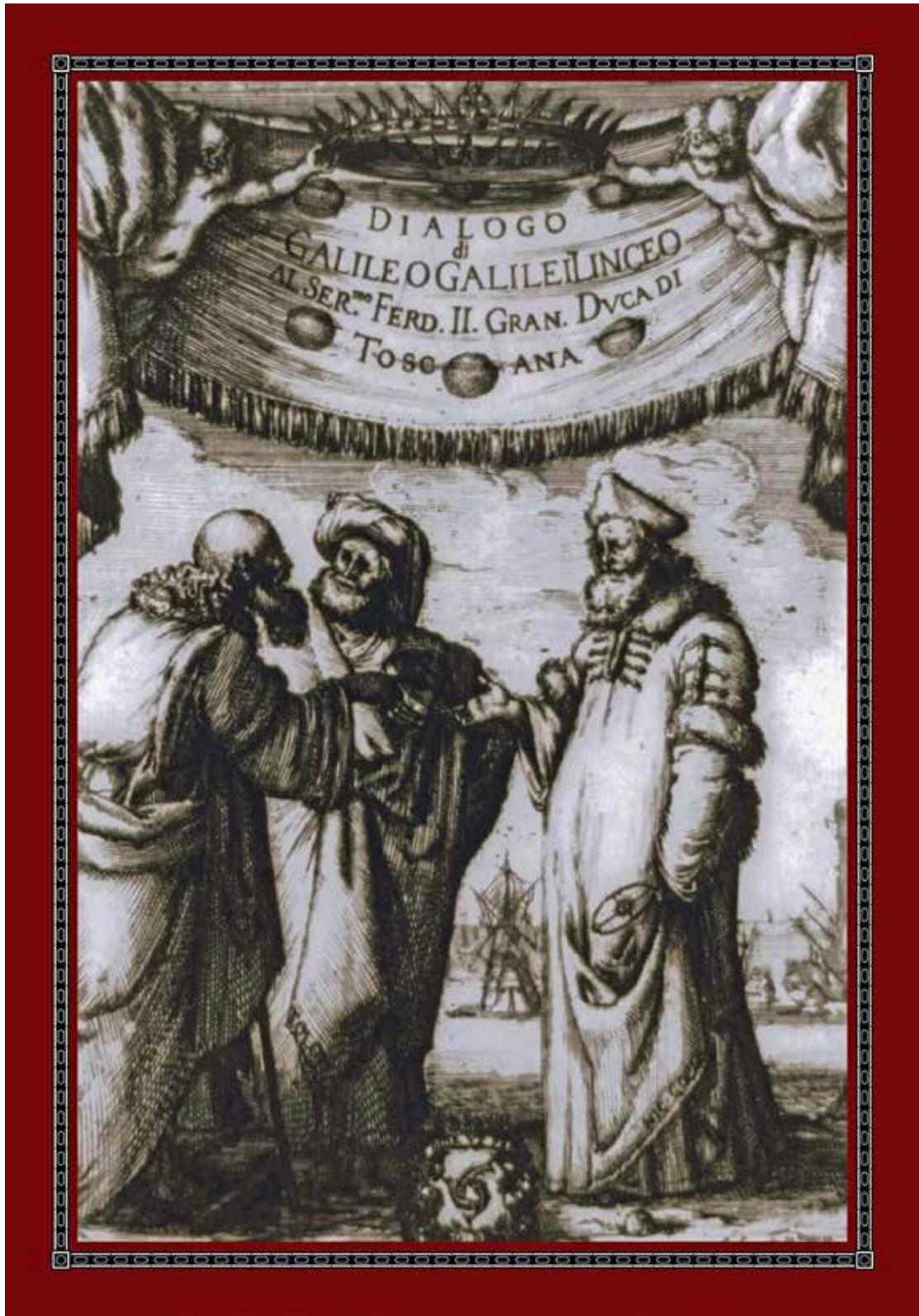
Вот как описывал очевидец лекции такого рода: «Солнце палило на пересохшую землю и на огромную толпу людей. На возвышении стоял Галилей. Он был среднего роста, крепкого телосложения. Волосы у него были почти рыжие, развевающиеся на ветру. Он говорит громко, эмоционально, порой жестикулирует; на его лице отражаются все чувства, переживаемые им, когда он затрагивает наиболее важные темы. Его слушатели ловят каждое его слово, и когда он подходит к концу своей лекции,

Портрет Галилео Галилея работы Юстуса Сустерманса. 1636

он берет на себя смелость упрекнуть их в том, что они проявляют такой энтузиазм по поводу мало-значущего явления, в то время как они не обращают внимания на великие чудеса, которые постоянно представляются их взору».

Галилей был великим популяризатором науки. Он начал публиковать свои теории одну за другой. Он писал работы по механике и устройству мироздания, по звуку и речи, по свету и цвету. А в 1609 году имела место поистине огромная

Обложка книги Галилея «Диалог о двух главнейших системах мира», опубликованной в 1632 году. На ней изображены оживленно спорящие друг с другом Галилей, Птолемей и Аристотель

сенсация. Галилей узнал, что ученые во всем мире пытаются создать оптический прибор, который обладает свойством приближать удаленные объекты. Он долго экспериментировал, пробовал снова и снова, и наконец ему в голову пришла идея. Он раздобыл два стекла – выпуклое и вогнутое – и поместил их в разных концах свинцовой трубки. Посмотрев в нее, он поразился полученному эффекту. Галилей создал телескоп, благодаря которому ученые могли теперь читать великую книгу небес.

Он привез новый инструмент в Венецию и представил его сенату, который наградила его пожизненным званием профессора Падуанского университета и повысила его жалование с пятисот двадцати до тысячи флоринов.

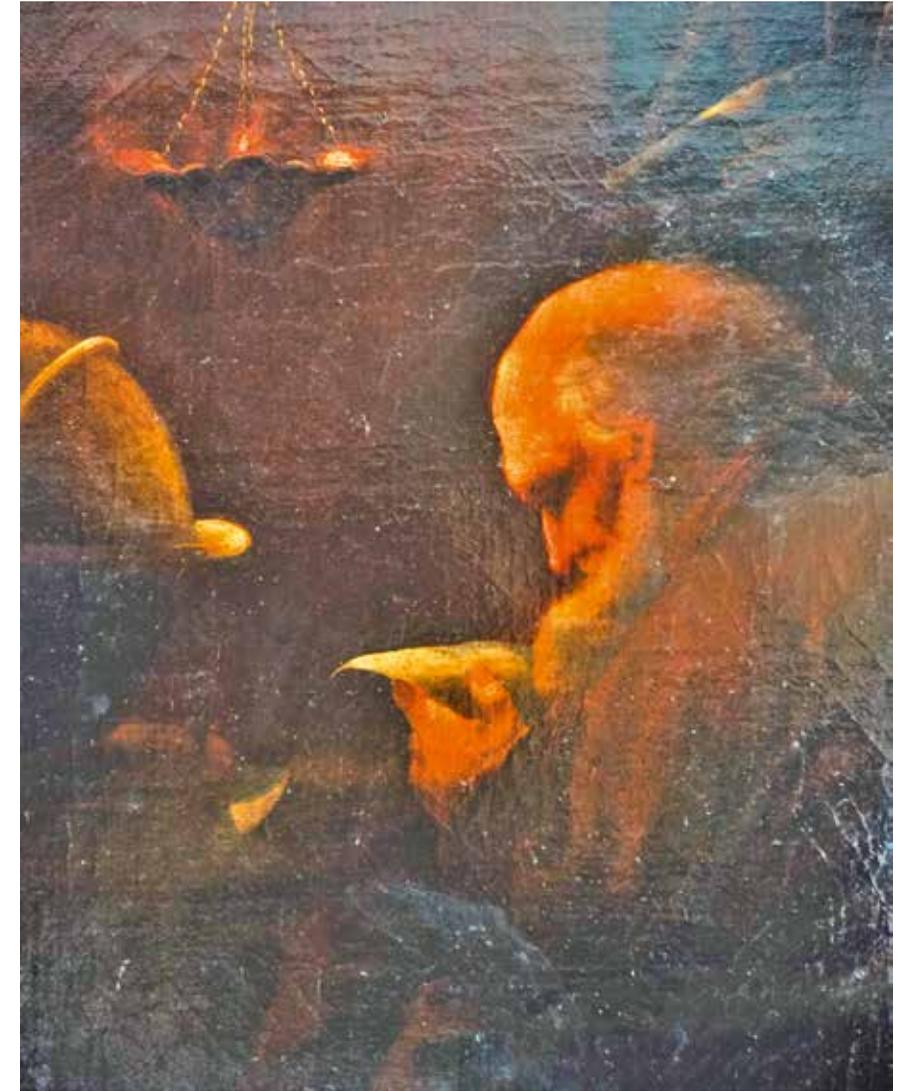
Усовершенствовав телескоп, Галилей начал делать одно открытие за другим. Они удивляли мир, вносили принципиальные изменения в науку, в первую очередь в астрономию. Он обнаружил хребты гор и глубокие впадины на поверхности Луны. Он исследовал бескрайние небесные просторы, обнаружил сорок слабых звезд в Плеядах, выделил четыре второстепенные планеты, вращающиеся вокруг Юпитера, и изучил первые изображения Сатурна и его колец.

Но эти открытия вызвали бурю протеста и повлекли за собой все те невзгоды, которые выпали на его долю. Галилей внезапно оказался в окружении недругов. Одни нападали на него, утверждая, что все эти открытия сделаны еще до него, другие стали говорить, что его учение еретическое.

В 1611 году Галилей отправился в Рим, где был принят с почестями. Недружелюбное отношение к нему пока было еще в зачаточном состоянии: принцы, кардиналы и прелаты спешили встретиться с гением эпохи. С помощью телескопа он показал им свое последнее открытие – пятна на поверхности Солнца.

Однако величие ума этого человека, его умение проникать в суть вещей и фанатичная любовь к истине раздражали его недругов. Он спорил и спорил – почти в духе бурных споров эпохи Возрождения! – со своими противниками. Он давал им возможность высказаться, а затем несколькими простыми словами наносил ответный удар, выставляя их идеи в самом нелепом свете.

Но тут пришел черед Церкви. В сущности, весь конфликт с Церковью возник из-за защиты Галилеем гелиоцентрической теории, в которой утверждается, что Солнце неподвижно, а Земля находится в движении вокруг него. В те времена верной считалась

«Галилео Галилей». Работа представителя школы неаполитанских караважистов Чезаре Фраканзано. Около 1650

теория Птолемея, который учил, что Земля неподвижна, а все вращается вокруг нее в циклах и эпициклах. Гелиоцентрическая теория была предложена ранее Коперником, но без особых доказательств, и только когда Галилей увидел спутники Юпитера и движение солнечных пятен по лику Солнца, он смог выступить с защитой этой теории.

Поднялась небывалая буря протеста. Приверженцы системы Птолемея заявили, что теория Галилея противоречит Священному Писанию, и цитировали среди других

текстов Иисуса Навина (X; 12–13): «И солнце остановилось... посреди неба», а также Экклезиаста (I; 4–11): «И восходит солнце, и заходит солнце, и спешит к месту своему, где оно взошло».

Дискуссия становилась все более острой, и в 1615 году папа Павел V передал Галилею полуофициальное предупреждение. В следующем году теологи Священной канцелярии решили, что теория о том, что Солнце неподвижно в центре мира и что Земля совершает суточное движение вокруг него, является еретической. И Галилею

запретили придерживаться, проповедовать и отстаивать запрещенную теорию.

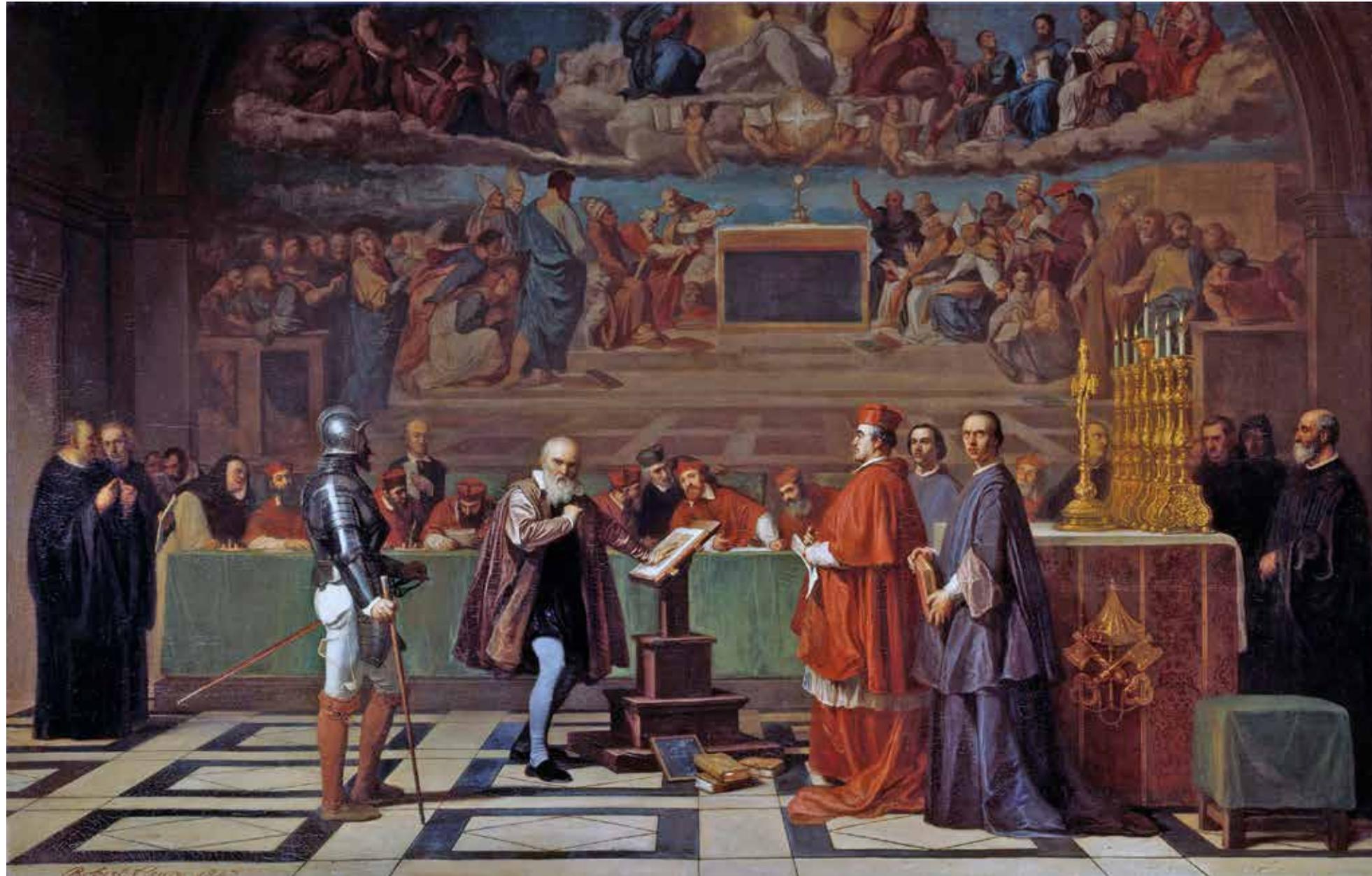
Долгое время астроном вел свои наблюдения и работал молча. А затем опубликовал в 1632 году свой великий труд – «Диалог о двух главнейших системах мира». Книга произвела фурор, поскольку сочетала в себе оживленный и элегантный стиль с ясным и сильным научным изложением. Но она явно была написана вопреки запрету 1615 года, и, более того, теологи сочли, что она содержит карикатуру на Папу Урбана VI.

Продолжение последовало с очевидной неизбежностью. Галилей предстал перед инквизицией в Риме. В ответ на обвинения он признал свою защиту гелиоцентрической теории ошибкой.

Галилей был приговорен к тюремному заключению, которое затем заменили строгим домашним арестом на его вилле в Арчетри.

Тут надо заметить, что среди кардиналов и прелатов было немало думающих людей, готовых согласиться с тем, что теория Галилея имеет право на существование, однако она явно шла вразрез с позицией теологов.

Несмотря на свою внешне мракобесную позицию, инквизиция относилась к Галилею с необычайной снисходительностью. Действительно, просвещенный кардинал Беллармин, принимавший видное участие во всем этом деле, писал впоследствии: «Я говорю, что если будет найдено реальное доказательство того, что Солнце неподвижно и не вращается вокруг Земли, а Земля вращается вокруг Солнца, тогда необходимо будет очень осторожно перейти к объяснению утверждений Писания, которые кажутся противоположными, и нам лучше сказать, что мы их неправильно поняли, чем объявить ложным то, что продемонстрировано».

Галилей перед судом инквизиции. Картина Жозефа-Николя Робер-Флери. 1847

Все это со временем и произошло. Но жизнь Галилея с момента окончания суда стала иной: теперь уже многие считали его еретиком.

В 1636 году Галилей написал «Диалог о новой науке», содержащий отчеты о его ранних экспериментах и зрелых размышлениях по механике. В 1637 году он сделал свое последнее астрономическое открытие любопытных явлений

в лунном круге, которые известны как либрации Луны. Спустя несколько месяцев он ослеп.

Теперь и научные труды, и письма ему приходилось диктовать секретарю. В одном из писем говорилось: «Я полностью и непоправимо слеп. Эти небеса, эта земля, эта Вселенная, которую благодаря чудесным наблюдениям я увеличил в тысячу раз, времена,

превосходящие представления прошлых веков, отныне сужаются до узкого пространства, которое занимаю я сам. Так это угодно Богу; следовательно, это будет угодно и мне».

Его друг, священник Кастелли, написал, узнав о потере зрения Галилеем: «Самый благородный глаз, который когда-либо создавала природа, потемнел...»

Но мужественный ученый не сдавался и продолжал свою научную работу. Он придумал способ использования маятника для регулирования часового механизма, и эту идею пятнадцать лет спустя реализовал голландский ученый Христиан Гюйгенс.

В свои последние дни Галилей диктовал разработанные им теории о свойствах материи

ученикам – Винченцо Вивини и Эванджелисте Торричелли – и все еще боролся с тайнами вселенной, когда подхватил лихорадку и умер 8 января 1642 года на семьдесят восьмом году жизни.

Галилео Галилей был одним из величайших ученых. Главные его открытия произвели революцию в науке. Его раннее эссе о гидростатическом балансе, в котором он описал конструкцию инструмента и метод, с помощью которого Архимед обнаружил мошенничество, совершенное ювелиром при изготовлении короны царя Сиракуз Гиерона II, побудило людей проводить тысячи экспериментов. Его работы о центре тяжести в твердых телах, его эксперименты по магнетизму были новы и вызвали изумление. Его имя живо как имя астронома, который усовершенствовал телескоп-рефрактор и показал людям новые небесные миры.

Его развитие теории Коперника о том, что Земля вращается вокруг Солнца, привело к тому, что церковь ввела запрет на его работы, и это омрачило его жизнь. Его достижения в изучении механики и динамики были даже важнее, чем его астрономические открытия: у него был удачный метод применения математического анализа к физическим проблемам, а в своих работах над законами движения он проложил путь Ньютону.

Он произвел революцию в мире науки многими своими открытиями. Он открыл горы на Луне, звезды в Плеядах, спутники Юпитера, серп Венеры, кольцо Сатурна и пятна на Солнце. Все это, как и его теория плавающих тел, снова и снова вовлекало его в полемику. Он был великим ученым, сделавшим научную мысль ярким лучом, который освещал путь развития для всего человечества, путь развития мировой цивилизации.

ВЕЛИКИЙ БАСНОПИСЕЦ

К 255-летию со дня рождения Ивана Андреевича Крылова
(из книги Ю. В. Лебедева «История русской литературы XIX века»)

Портрет И. А. Крылова кисти Карла Брюллова. 1839

Профессор Петербургского университета, друг Пушкина П. А. Плетнев называл Крылова «выборным грамотным человеком всей России». «Можно подумать, – писал Плетнев, – что для него не было сословий и он в уме своем представлял только Россию, одним духом движимую, поражающую воображение своею огромностью, величиною частей

своих, красками своими и действующую как одно существо в гигантских размерах».

Ощущение целостности русской жизни в баснях Крылова возникает потому, что поэт впервые в литературе нашей органически принял в себя дух национального языка. Его предшественники ограничивались подражаниями. Но, как говорит Плетнев, «искусственный

подбор просто-народных слов» так же далек от языка народа, «как словарь от книги». Язык повинуется умопредставлению, действию воображения, навыку чувств, ходу размышлений, склонности страстей, – словом, язык есть душа народа. И чтобы народный язык сохранил в сочинении все особенности органической своей природы, поэт должен принять «в душу свою и в сердце свое ясный образ самого народа».

Исследователи творчества Крылова отмечают, что в емкие «формулы» басен поэт вместил десятки художественных жанров. В баснях

он показал всю русскую жизнь в самых существенных ее конфликтах и оценил ее с точки зрения народной нравственности. Он прояснил моральные нормы русского человека, имеющие православно-христианские истоки, укорененные в опыте трудовой истории народа. Своими баснями он способствовал пробуждению русского национального самосознания.

Один из самых почитаемых образов у Крылова – трудолюбивая пчела, за которой скрывается сам народ, а мухи, пауки – тунеядцы, расхитители народного добра («Муха и Пчела», «Пчела и Мухи», «Паук и Пчела»). В басне «Пчела и Мухи» Крылов утверждает, что настоящий патриотизм, настоящая привязанность к Родине возможны лишь у тех людей, которые трудятся для нее и вносят свою лепту в ее благосостояние, как пчелы носят мед в свой улей:

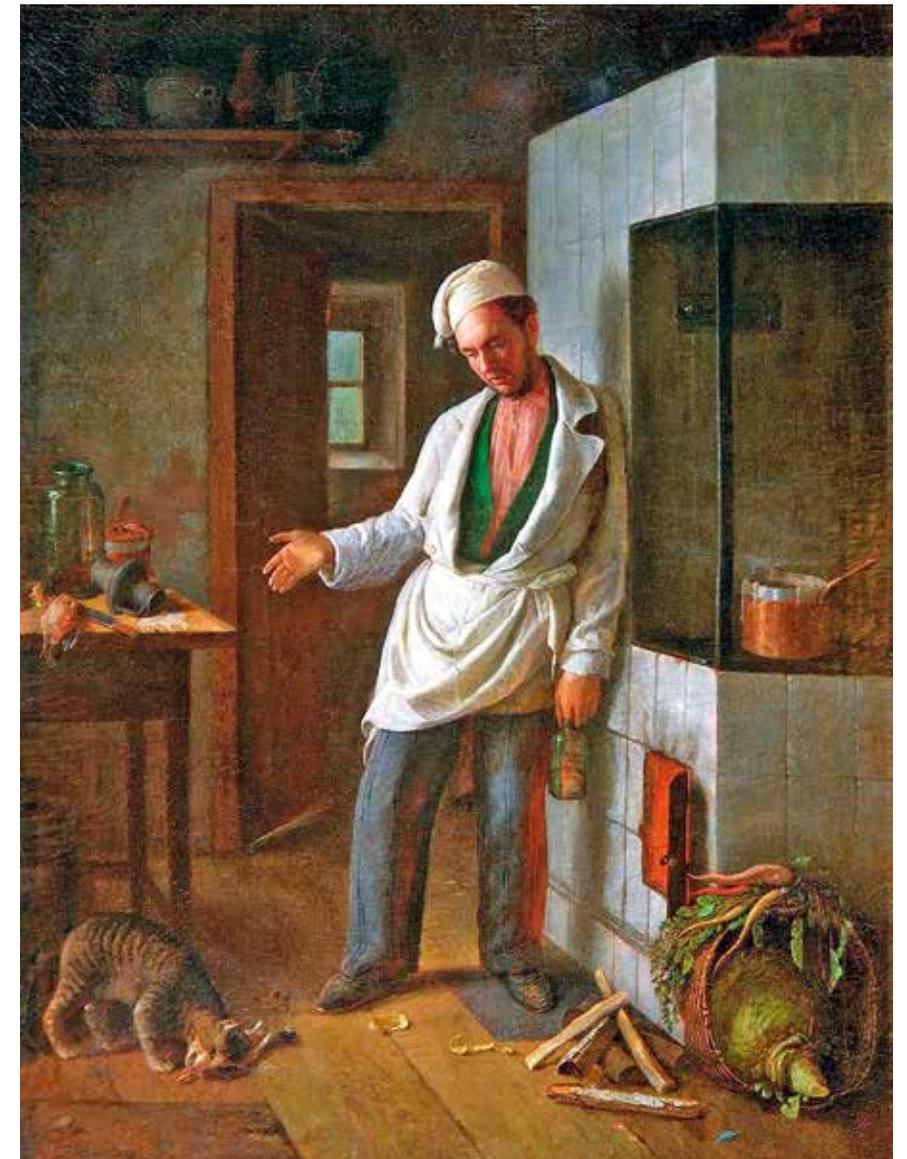
*Кто с пользою отечеству трудится,
Тот с ним легко не разлучится.*

В басне «Листы и Корни» Крылов высказал национальный взгляд на соотношение основных социальных сил в государстве, который стал камертоном для всей русской литературы XIX века – от Тургенева с «Записками охотника» до Л. Н. Толстого с романом-эпопеей «Война и мир»:

*А если корень иссушится, –
Не станет дерева, ни вас.*

Значение Крылова как национального писателя ярче всего проявилось в эпоху Отечественной войны 1812 года. Именно он с наибольшей последовательностью и силой выразил тогда в баснях о войне народную точку зрения на происходящие события.

В самом начале войны, еще до назначения М. И. Кутузова главнокомандующим русской армией, в военных верхах и правительственных кругах возникли пререкания и споры. Тщеславные генералы – Беннигсен, Пфуль, Арамфельд – состязались в любованиях, претендуя на главные посты в армии. Этим событиям Крылов посвятил две басни – «Раздел» и «Кот и Повар», в которых он подверг критике индивидуализм

«Кот и Повар». Картина С. И. Грибкова. 1854

тех, кто в заботе о личных делах забывал о благе общем:

*В делах, которые гораздо поважней,
Нередко от того погибель
всем бывает,
Что чем бы общую беду
встречать дружней,
Всяк споры затевает
О выгоде своей.*

В басне «Кот и Повар» Крылов недвусмысленно намекнул на либерализм Александра I, слишком

доверявшего Наполеону и пытавшегося вступить с ним в бессмысленные, уже вредящие судьбе армии переговоры.

Когда же во главе армии встал не любимый Александром I, но угодный народу Кутузов, Крылов явился защитником его исторического дела и сторонником его стратегии и тактики в войне с Наполеоном. Четыре басни – «Ворона и Курица», «Волк на псарне», «Обоз», «Щука и Кот» – последовательно отразили важнейшие

события Отечественной войны 1812 года с народной их оценкой.

Когда Кутузов после Бородинского сражения сдал французам Москву, в придворных кругах и генералитете посыпались обвинения. Сам Александр сказал Кутузову: «Вы еще обязаны дать ответ оскорбленному отечеству в потере Москвы». Крылов же оценил этот шаг Кутузова как великую полководческую хитрость и расчет (А. Н. Толстой потом вос-

поведение отдельных дворян, склонных к галломании. Однако современники отнесли фразу «*Попался, как Ворона в суп*» к самому Наполеону, и она стала моментально народной поговоркой, разнесшейся по всей России.

Когда Наполеон попал в сеть, расставленную для него Кутузовым, «охотничьим чутьем» прочитавшим логику поведения раненного смертельно зверя, который, отлежавшись, обязательно

«Выбравши себе самую незаметную и узкую тропу, шел он по ней почти без шума, пока не перерос других, как крепкий дуб перерастает всю рощу, вначале его скрывавшую. Этот поэт – Крылов. Выбрал он себе форму басни, всеми пренебреженную, как вещь старую, негодную для употребления и почти детскую игрушку, – и в сей басне умел сделаться народным поэтом. Это наша крепкая русская голова, тот самый ум, который сродни уму наших пословиц, тот самый ум, которым крепок русский человек, ум выводов, так называемый задний ум. Пословица не есть какое-нибудь вперед поданное мнение или предположение о деле, но уже подведенный итог делу, отстой, отсед уже перебродивших и кончившихся событий, окончательное извлечение силы дела из всех сторон его, а не из одной... Отсюда-то и ведет свое происхождение Крылов. Его притчи – достояние народное и составляют книгу мудрости самого народа».

Н. В. Гоголь

пользуется этой мыслью Крылова, отражающей «мысль народную»):

*Когда Смоленский Князь,
Противу дерзости
искусством воруясь,
Вандалам новым сеть поставил
И на погибель им Москву оставил...*

Крылов даже подсказал Толстому образ пчелиного улья, «роевой жизни» народа, характеризуя поведение жителей оставленной неприятелю Москвы:

*Тогда все жители, и малый и большой,
Часа не тратя, собралися
И вот из стен московских поднялися,
Как из улья пчелиный рой.*

В лице Вороны Крылов обличал эгоистическое и чуждое народу

идет умирать в свою берлогу, Крылов написал басню «Волк на псарне». В словах Волка о мире почти буквально пересказываются фразы из послания Наполеона, которое он направил в Тарутинский лагерь к Кутузову. Кутузов ответил послу Наполеона: «Меня проклянет потомство, если признают меня первым виновником какого бы то ни было перемирия: таков действительный дух моего народа».

Вся Россия в Волке, попавшем на псарню, узнала Наполеона, а в Ловчем – Кутузова. Один из первых ратников Московского ополчения поэт С. Н. Глинка писал: «В необычайный наш год и под пером баснописца нашего Крылова живые басни превращались в живую историю». А поэт К. Н. Батюшков просил приятеля

Крылова Н. И. Гнедича: «Скажи Крылову, что в армии его басни все читают наизусть. Я часто их слышал на бивуаках с новым удовольствием». Накануне боя под Красным сам Кутузов прочел перед офицерами вслух, как приказ по армии, басню «Волк на псарне» и при словах «ты сер, а я, приятель, сед» снял фуражку и указал на свою седую голову.

Когда началось отступление Наполеона, Александр I и генералитет, окружавший Кутузова, стали упрекать главнокомандующего в медлительности и требовать решительных действий, стремительного преследования отступающего, бегущего врага. Крылов в басне «Обоз» явился вновь защитником Кутузова: «конь добрый» в этой басне – главнокомандующий, а «лошадь молодая» – самовлюбленный и самонадеянный Александр I.

Наконец, в басне «Щука и Кот» освещены сатирически действия адмирала Чичагова, взявшего на себя несвойственное его военной специальности командование сухопутными войсками и потерпевшего поражение при переправе французов через Березину. Фраза «и мыши хвост у ней отъели» воспринималась современниками как намек на взятие у Чичагова в плен французами канцелярию и обоз...

В 1812 году директор Публичной библиотеки А. Н. Оленин определяет Крылова на службу заведующим русским отделением, где он служит бессменно до выхода на пенсию в 1841 году. Имя его при жизни становится легендарным. «Кто из петербургских жителей не знал его по крайней мере с виду? – писал П. А. Плетнев. – Кто не имел случая любоваться этим открытым, широким лицом, на коем отпечатывалась сила мысли и отсвечивалась искра возвышенного дарования? Кто не любовался этой

могучею, обросшею седыми волосами львиною головою, недаром приданною баснописцу, который также повелитель зверей, этим монументальным, богатырским дородством, напоминающим запамятованные времена воспетого им Ильи-Богатыря? Кто, и незнакомый с ним, встретя его, не говорил: “Вот дедушка Крылов!” – и мысленно не поклонялся поэту, который был близок каждому русскому?»

Иван Андреевич Крылов умер 9 (21) ноября 1844 года. Незадолго до смерти он подготовил

к изданию книгу своих басен. Она вышла в день смерти баснописца. По сделанному им завещанию, его друзья и знакомые вместе с извещением о похоронах получили экземпляры этого нового издания.

Определяя историческое значение творчества Крылова в русской литературе, Белинский сказал: «Он вполне исчерпал... и вполне выразил целую сторону русского национального духа: в его баснях, как в чистом полированном зеркале, отражается русский практический ум, с его кажущейся неповоротливостью, но и с острыми зубами, которые больно кусаются; с его сметливостью, остротою и добродушно-сатирическою насмешливостью; с его природной

Памятник И. А. Крылову, установленный в Санкт-Петербурге в 1855 году. Скульптор – барон П. К. Клодт

верностью взгляда на предметы и способностью кратко, ясно и вместе кудряво выражаться. В них вся житейская мудрость, плод практической опытности, и своей собственной, и завещанной отцами из рода в род».

Но в то же время Белинский не мог не указать и на некоторую ограниченность Крылова в его баснях. Отталкивание баснописца от теоретических обобщений, скептический взгляд его на книжную мудрость лишил писателя целостной концепции русской действительности и не позволил ему создать русский национальный характер типа Татьяны Лариной или широкую, энциклопедическую охвата картину русской жизни,

как у Пушкина в «Евгении Онегине». «Поэзия Крылова, – писал Белинский, – и в эстетическом и в национальном смысле, должна относиться к поэзии Пушкина, как река, пусть даже самая огромная, относится к морю, принимающему в свое необъятное лоно тысячи рек, и больших и малых. В поэзии Пушкина отразилась вся Русь, со всеми ее субстанциальными стихиями, все разнообразие, вся многосторонность ее национального духа. Крылов выразил – и, надо сказать, выразил широко и полно – одну только сторону русского духа – его здравый, практический смысл, его опытную житейскую мудрость, его простодушную и злую иронию».

ЕРЕТИК: ПИСЬМА В БУДУЩЕЕ

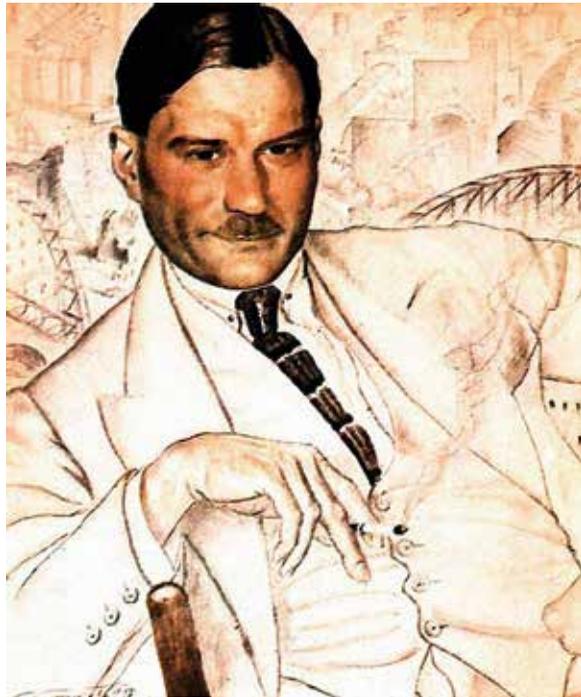
К 140-летию со дня рождения Евгения Замятина

ИГОРЬ СУХИХ

При первом – «минутном» – знакомстве с Блоком в 1918 году он будто бы услышал: «А я думал, что вы – непременно с бородой до сих пор, вроде земского доктора. А вы – англичанин московский...» (*Будто бы* – потому что и знакомство состоялось тремя годами раньше, и саму блоковскую фразу некоторые филологи считают «сконструированной» автором мемуарного очерка).

Первая подробная биография Замятина Джули Кертис (2013), увы, переведенная с английского (1920), называется «Англичанин из Лебеядни». Контраст/оксюморон запомнился и используется. В нем – формула и образ судьбы.

«Если я вам отвечу, что я родился в России – это мало, – говорил Евгений Замятин в интервью Фредерику Лефевру в 1932 году. – Я родился и прожил детство в самом центре России, в ее черноземном чреве. Там, в Тамбовской губернии, есть городок Лебеяднь, знаменитый когда-то своими ярмарками, цыганами, шулерами – и крепким, душистым, как антоновские яблоки (привет Бунину – И. С.), русским языком. Недаром об этом городе писали Тургенев и Толстой. Я до сих пор помню неповторимых чудаков, которые вырастали из этого чернозема: полковника – куинарного Рафаэля, который собственноручно стряпал гениальные кушанья; священника,

Портрет Евгения Замятина работы Бориса Кустодиева. 1923

который писал трактат о домашнем быте дьяволов; почтмейстера, который обучал всех языку эсперанто и был уверен, что на Венере – *“les habitants veneriques”* – тоже говорят на эсперанто... Эти чудачки 90-х годов живы и до сих пор».

Кому-то и он казался чудаком. Но он сам больше любил иное определение. Одна из его статей 1919 года называлась «Беседы еретика». «Еретик» – его любимый образ-термин.

«Главное в том, что настоящая литература может быть только там, где ее делают не исполнительные и благонадежные чиновники, а безумные отшельники, еретики, мечтатели, бунтари, скептики», – сказано в статье «Я боюсь» (1921).

«Мир жив только еретиками: еретик Христос, еретик Коперник, еретик Толстой. Наш символ веры – ересь: завтра – непременно ересь для сегодня, обращенного в соляной столп, для вчера, рассыпавшегося в пыль», – продекларировано в статье «Завтра» (1919–1920).

Замятин был еретиком уже в императорской России: помогал большевикам, сидел в одиночке на Шпалерной, несколько лет провел в ссылке (правда, довольно комфортной – то в родной Лебеядни, то в Лахте под Петербургом, где и начал писать). «В те годы быть большевиком – значило идти по линии наибольшего сопротивления; и я тогда был большевиком», – вспомнит он в автобиографии (1928).

Он вернулся в Россию из Англии в сентябре 1917-го и снова оказался в оппозиции. Он пронизательно увидел во врагах старого режима его наследников и продолжателей.

В июне 1918 года в газете «Дело народа» под псевдонимом Мих. Платонов (привет Андрею Платонову – И. С.) появится памфлет «Великий Ассенизатор» с вполне щедринским образом русского губернатора, «поэта ассенизации», тоже чудака, но обладающего властью, который со страстью насаждал пожарные дружины, заводил оркестры во всех городских садах, создавал собачьи приюты, в то время как во вверенной ему губернии «дохли от голода люди по градам и весям». Дальше следует вполне

ожидаемая параллель: «Великий Ассенизатор (обратим внимание на заглавные буквы: они напоминают о Великом Инквизиторе и предсказывают Благодетеля. – И. С.), великий ассенизационный поэт получил теперь в управление не губернию, а Россию <...> И все нестерпимей несет от ассенизаторов знакомым жандармско-охранным букетом...»

Замятин не делал секрета из своего отношения к новой власти. Она не замедлила с ответом. «В конце концов, автор сам островной человек, и притом с маленького островка, куда он эмигрировал из нынешней России. И пишет ли Замятин о русских в Лондоне или об англичанах в Петрограде, сам он остается несомненным внутренним эмигрантом», – объявил один из вождей революции, обыгрывая заглавие английской повести Замятина «Островитяне» (Л. Троцкий. Внеоктябрьская литература, 1922).

Полтора десятилетия он провел в положении еретика: думая, сочиняя, переживая идеологические компании, и в конце концов не выдержав, обратился с письмами к Сталину и правительству.

«Особенности моего литературного зрения, свойственная мне, как писателю, сатирическая установка, может быть, даже неумение изображать положительные типы – это еще одна из причин создавшегося ко мне отношения. <...> Совершенно ясно, что при создавшемся положении продолжать оставаться здесь – для меня означает литературную смерть, молчание. Мне думается, что смертного приговора я все-таки не заслужил, и кое-что – хотя бы в моем прошлом – дает основания этот приговор смягчить. И потому я еще раз обращаюсь с настоятельной просьбой: разрешить мне, вместе с женой, выезд за границу на один год».

Ему повезло больше, чем Булгакову (который не раз обращался

с подобными письмами), тем более – Пильняку. Разрешение было получено. Но и последние эмигрантские годы он шел не в ногу: сохранял советский паспорт, воздерживался от резких заявлений о происходящем в СССР, даже написал заявление о приеме в создававшийся литературный колхоз – Союз писателей.

В литературных занятиях Замятин был не только англичанином из Лебеядни, но и еретиком-рационалистом, писателем-многостаночником. Он побывал и бытовиком-неореалистом («Уездное», 1912), и символистом («Пещера», 1922), и сказочником-моралистом, продолжателем Салтыкова-Щедрина (сборник «Большим детям сказки», 1922), и модернистом («Наводнение», 1929). Он сочинил подюжины пьес и два десятка киносценариев. Он написал десяток мемуарных очерков, позднее вошедших в книгу «Лица» (1952), оставил целый том (если не два) литературной критики, читал лекции «Серапионовым братьям», в будущем – известным писателям, под характерным формалистским заглавием «Техника художественной прозы».

Но, конечно, вершиной, центром его художественной системы стал роман «Мы», книга с загадочной, тоже еретической судьбой. Практически неизвестна ее творческая история, датировка (1920) дается приблизительно. Не сохранилось его рукописей. Впервые он публикуется в английском переводе (1924), затем – на чешском (1927) и французском (1929). В полном виде русский вариант был напечатан только в нью-йоркском Издательстве имени Чехова (1952), а в СССР он появился уже в разгар перестройки и на излете существования страны (журнал «Знамя», 1988, № 4–5).

Приключения книги продолжают. В интернет-магазинах

можно найти издание романа в серии «Главная кинопремьера года» (2020). Однако сама премьера неоднократно переносилась, последний раз – в декабре 2022 года на неопределенный срок.

«Какова общественная роль писателя-художника? В идеале – он должен быть пророком, – замечает Замятин в неоконченной статье начала 1920-х годов «Художник и общественность». – Дело пророчка – дело борьбы за завтра, за вечное завтра. Никакое сегодня его не удовлетворит и не должно удовлетворить. Ко всякому сегодня он должен подходить с отрицанием. Именно в этом отрицании – залог бесконечного движения вперед».

«Мы» стал таким пророчеством, моделью антиутопии, одного из самых страшных и важных жанров литературы XX века.

Роман часто рассматривают в ближайшем контексте. Но для социальной критики существовала замятинская публицистика. Автор «Мы» смотрел гораздо дальше: «Близорукие рецензенты увидели в этой вещи не больше, чем политический памфлет – говорил Замятин. – Это, конечно, неверно: этот роман – сигнал об опасности, угрожающей человеку, человечеству от гипертрофированной власти машин и власти государства – все равно какого».

Можно подробно исследовать, в чем сбылись и не сбылись пророчества Замятина о «тоталитарном» прекрасном новом мире, городе Солнца, власти машин и государства – все равно какого. Но неоспоримой остается предвещающая безнадежный финал внезапная мысль героя: «Слушайте, – дергал я соседа. – Да слушайте же, говорю вам! Вы должны – вы должны мне ответить: а там, где кончается ваша конечная Вселенная? Что там – дальше?»

«Что там – дальше?» – еретический вопрос навсегда.

ПО КОМ ЗВОНИТ «КОЛОКОЛ» В НИЦЦЕ

Глава из книги «Истории из пропавшего чемодана»

АЛИСА ДАНШОХ

Русские похоронены в Ницце не только на кладбище Кокад. Есть здесь и свое местное и престижное «Новодевичье». Оно называется Шато, что означает Замковое, потому что расположено под стенами не дожившего до наших дней главного фортификационного сооружения города. Если при осаде Ниццы Франциску I не удалось разрушить замок, то Людовик XIV с этим успешно справился. От величественного архитектурного памятника остались лишь каменные «рожки да ножки» да название погоста внушительных размеров. В списке знаменитостей, упокоившихся на нем, вы найдете фамилию одного из самых известных людей России XIX века – Александра Ивановича Герцена.

Портрет Александра Ивановича Герцена работы Николая Ге. 1876

Все, кто учился в советской школе, помнят, что «декабристы разбудили Герцена». Очнувшись ото сна, он вместе с другом детства Огаревым в Лондоне ударил в публицистический «Колокол» революционных идей и разбудил всю Россию вместе с народолюбцами. А из этого получилось то, что пока еще многие помнят: в 1917 году грянула Великая Октябрьская революция.

С сожалением признаюсь, что шутовская интерпретация ленинского высказывания о Герцене помешала мне справедливо оценить масштабность личности писателя, публициста, борца за свободу, равенство и справедливость. А ведь с самого раннего детства судьба подавала мне некие знаки-намеки, словно подсказывала, на что надо бы обратить особое внимание. Например, в дошкольные

времена, прежде чем заснуть, я разглядывала корешки книг на полке рядом с кроватью. Мой взгляд скользил по именам авторов много-много томов, среди которых на девяти темно-коричневых переплетах стояла фамилия Герцен. Были и другие намеки. Много лет я каждую неделю навещала двоюродного деда, жившего на Сивцевом Вражке. Окна его квартиры выходили на арбатский особнячок, в котором разместился Дом-музей А. И. Герцена. Частенько, возвращаясь из школы, я проходила мимо этого симпатичного объекта культуры. Он как две капли воды был похож на дом с мезонином князей Оболенских. Октябрьская революция по мановению социальной волшебной палочки

превратила его в коммуналку, где прошли первые и очень счастливые годы моей жизни. Взгляд с удовольствием останавливался на хорошо знакомых контурах архитектурного памятника, но любопытство ни разу не побеспокоило меня настолько, чтобы заставить войти внутрь. Возможно, в этом было виновно отсутствие в школьной программе остросоциального произведения «Кто виноват?». Нас

водили в гости к литературным соседям Герцена – к Пушкину, Лермонтову, Чехову, Толстому, Горькому, чье творчество изучалось в школьные годы.

К знакомству с жизнью великого прогрессивного деятеля девятнадцатого века меня не подтолкнул даже переезд на улицу, носящую его имя. Конечно, я знала, что Герцен написал бестселлер, который входит в обязательную образовательную программу человека, претендующего на титул «ребенка из хорошей семьи». Однако лишь недавно, года три тому назад, я впервые зашла в музей автора великих мемуаров «Былое и думы».

Был приятный и теплый летний вечер. Я с энтузиазмом показывала приехавшим издалека друзьям старую Москву. Оказавшись в родном с детства переулке Сивцев Вражек возле особняка, купленного в 1830 году отцом Герцена, я предложила гостям посмотреть, как в девятнадцатом веке жили в Первопрестольной небедные люди дворянского сословия. До закрытия музея оставалось около часа, и нас не хотели пускать. Пришлось сослаться на давнюю дружбу моей старшей сестры с директором мемориала. Сей факт открыл нам двери дома-музея. По комнатам-залам нас провела очаровательная дама-экскурсовод. Вместо положенного по билету времени она уложила в сорокаминутный захватывающий рассказ о выдающемся человеке своего времени. Его личная жизнь меня поразила несказанно. Перед ней померкли все мыльные латиноамериканские сериалы. К концу нашего визита я с трудом сдерживала слезы: «Ну почему, в отличие от телевымысла, правда жизни не захотела воспользоваться хеппи-эндом?» На долю Герцена выпало столько всего, что хватило бы на несколько перегруженных событиями, испытаниями и невзгодами жизней не только реальных

людей, но и литературных героев остросюжетных романов.

Впечатление от услышанного и увиденного в музее было столь велико, что я незамедлительно отыскала печатные издания об Александре Ивановиче в серии «ЖЗЛ». Их оказалось два. Прочитав оба, я пришла к выводу, что более поздний по времени появления женский взгляд Ирины Желваковой прекрасно дополняет мужское видение Вадима Прокофьева. Советский историк Прокофьев по вполне понятным идеологическим причинам больше внимания уделил политическим аспектам, а бессменная руководительница Дома-музея А. И. Герцена Ирина Александровна не оставила без внимания эмоциональные переживания героя своей книги.

Если бы мне вдруг предложили написать мелодраму с высоким содержанием мыла в сюжетных коллизиях, я бы не задумываясь обратилась к биографии Герцена. Для пущего эффекта я бы начала излагать реальные факты и события, используя шаблон сказочного повествования. Например, так: «Жили-были во второй половине века восемнадцатого три брата Яковлевы. И были они роду древнего – боярского и знатного. И деньгата у них водились, и на лицо им грех было жаловаться...»

Старший, Александр, умный был детина, дослужился до обер-прокурора – чина высокого и важного. Снискал он у окружающих и почет, и уважуху. Однажды он даже женился, чтобы заполучить законного наследника. А обзаведясь оным, вышел в отставку, купил дом на Тверском бульваре в Москве и зажил барином в свое удовольствие. Подзабыв о брачных узах, завел он домашний гаремчик из крепостных девок. Были они лицом и нравом пригожи, ходили в барских нарядах, на пианинах брэнчали, и даже грамоте их учили. И народились

у Александра детки в количестве двенадцати штук, и были они все незаконные. Пока папенька их жив был, находились они все при нем. И не жалел родитель на них денег: мамки, да няньки, да воспитатели за ними приглядывали. А как помер батюшка, забота о крошках вместе с огромным состоянием перешла к их старшему, единокровному по отцу братцу. Наследник рода боярского особой привязанности к нажитым папашей приплодам не испытывал, а потому и ответственность за них всю с себя скинул: взял, да и раздал ребятню по родственничкам. Тетушки да дядюшки многочисленные особо и не возражали, от сирот не отказывались, ибо нравы и обычаи того времени благосклонно взирали на воспитанников, взятых в дом, особенно ежели те приходились им дальними кровинушками. А вот фамилии у приемшей были разные, как и отношение к ним в новых семьях.

Средний из трех братьев Яковлевых – Лев – тоже был малый не промах: выбился в сенаторы и много лет приносил пользу государю и отечеству. А по молодости состоял Лев на службе дипломатической, разъезжал по Европам – и в Парижах бывал, и в Неметчине. Жизнь семейную променял он на безбрачие, что не помешало ему обзавестись четырьмя отпрысками. Кстати, неплохо они потом в жизни пристроились.

Ну а младший братец, как водится, был Иваном. С таким сказочным именем третьему Яковлеву должно было бы повезти по жизни более остальных. Ан не повезло, и, возможно, потому, что был он вовсе не дурак. Зато имел характер скверный, нрав крутой, а поведение непредсказуемое. С малолетства, считай с младенчества, определили его на карьеру военную. Успел он даже поблестать лицом и выправкой на балах Екатерины Великой в качестве красавца-офицера. После же

Родители А. И. Герцена: Луиза Гааг и Иван Яковлев

смерти государыни служба не заладилась: то ли Павел I ему не понравился, то ли он императору не глянулся. Кончилась карьера ранней отставкой, и уехал Иван за тридцать земель, под крыло к братцу Левушке. А вслед за отставником потянулась в Европу Иванова зазноба – дама светская да красивая, и длилась связь их долго, и закончилась она прекрасными воспоминаниями с обеих сторон.

Без службы и обязательств, но с золотым рублем в кармане вел Иван жизнь свободно передвигающегося знатного русского. Стол и кров делил он с братом Львом, а заодно и связями его и знакомствами пользовался охотно. Оказавшись в городе Касселе, наш Иван, по батюшке Алексеевич, соблазнил шестнадцатилетнюю девицу Генриетту-Луизу Гааг из города Штутгарта. Девушка неожиданно для себя оказалась в интересном положении и тайком покинула родной дом, спасаясь от родительского гнева. К чести Яковлева-младшего, он не отказался от соблазненной

и приютил ее в русском посольстве. Когда грозные наполеоновские тучи сгустились над Европой, Иван Алексеевич решил вернуться на родину. Отъезд братьев в Россию весьма походила на бегство от надвигающейся угрозы войны. Покидая Неметчину, Иван передел Генриетту-Луизу в мужское платье и вместе с ней и братом с большими трудностями добрался до Москвы. За отсутствием в Первопрестольной собственного жилья пришлось ему воспользоваться гостеприимством брата Александра. Именно в его доме на Тверском бульваре 6 апреля (по новому стилю) 1812 года фрейлен Гааг родила сына.

В тридцать шесть лет Иван Алексеевич впервые стал отцом, чему, надо сказать, даже обрадовался. Однако жениться на матери ребенка он не собирался. Мезальянсу предпочел греховную связь на всю оставшуюся ему жизнь. Без церковного брака в те времена Яковлев официально не мог признать сына, а следовательно, не мог дать ему и свою фамилию. Мальчика

нарекли Александром – возможно, в честь императора, а возможно, в честь дяди, на чьем кожаном диване он появился на свет. Отец наградил сына отчеством Иванович и выправил ему официальный документ, из которого следовало, что г-н Яковлев взял себе воспитанника с фамилией Герцен. В переводе с немецкого она означала «Дитя сердца». Интересно, чем руководствовался Иван Алексеевич, придумывая сыну подобную фамилию? Было ли это данью уважения к немецкой матери ребенка или он хотел подчеркнуть уникальность появившегося дитя? А может быть, он надеялся, что сердечность станет важной чертой характера сына, ведь ему самому сердца явно не хватало? Кто знает, не была ли фамилия с немецким подтекстом чистой воды выпендрежем? Братец Александр, к примеру, не мудрствуя лукаво, треть своего потомства записал на Захарьиных. Впрочем, подобные действия были оправданны, потому что Яковлевы являлись потомками

Захарьиных. Первый из них служил великому князю Ивану Васильевичу, а его сыновья – боярские дети Яков и Петр – тоже находились на государевой службе. В какой-то момент Захарьиным захотелось выделиться, и взяли они себе двойную фамилию, прибавив к первой вторую – Яковлевы, образованную от имени Яков. Она-то и сохранилась за боярским потомством. Как видите, наши три брата Яковлевы-Захарьины имели прекрасную родословную и по большей части оставались людьми служивыми.

Какова бы ни была причина, побудившая Ивана Алексеевича придумать сыну необычную для русского уха немецкоговорящую фамилию, мы выражаем ему искреннюю признательность. Не появившись «Дитя сердца», русская культура осталась бы без верного своего рыцаря, вставшего на защиту свободы и справедливости в отечестве. Мне все кажется, что в жизни Герцена его эксклюзивная фамилия сыграла очень важную роль. Недаром говорится: как назовешь, так и поплывешь – будь то корабль али человек. Несмотря на разнообразные многочисленные испытания и невзгоды – от арестов, тюрьмы, ссылок до гибели сына, предательства друзей, измены жены, сомнений, разочарований, скитаний, – Александр Иванович до конца дней сохранил свойственную добрым детям чистоту и открытую душу. «Дитя сердца» не потерял веры ни в людей, ни в грядущие Свободу и Справедливость. Всем напастям судьбы он противопоставил подаренные феями позитивность, искренность, работоспособность, твердость духа и упорство в достижении цели. Однако наследственность по материнской линии – чрезмерная экзальтированность с примесью слащавости, а также чисто немецкая сентиментальность в розовых очках – блокировала проницательность и мешала правильной оценке

людей, как мужчин, так и женщин. Она вводила Герцена в заблуждение и даже приводила к катастрофическим последствиям. Впрочем, их можно трактовать и как вмешательство злого рока. Бывали в его жизни и невероятные совпадения – например, кожаный диван в доме дяди Герцена на Тверском бульваре, о котором я уже упоминала. Он явно обладал магической силой, потому что связал невидимой, но прочной нитью двух появившихся на нем с интервалом в пять лет младенцев – мальчика Сашу и его кузину Наталью.

Оба ребенка были незаконнорожденными. Их детские годы складывались по-разному. У Шуши, так домашние ласково звали Сашу, они проходили в атмосфере благополучия, под присмотром родной матери, нянек и воспитателей. У кузины Натальи со смертью отца Александра Алексеевича Яковлева начались несчастья. Жизнь сиротки в доме родной тетки, куда она попала воспитанницей под фамилией Захарьина, чуть было не довела бедняжку до самоубийства. Причиной всех несчастий беззащитного ребенка была странная патологическая нелюбовь к ней тетки, бесконечные придирки и унижения. Казалось, она за что-то отыгрывалась на племяннице. Возможно, благочестивая матрона таким способом выражала порицание покойному брату за его распушенность в личной жизни. И все же, несмотря на положение «девочки для битья», властной тетке и ее камарилье приживалок не удалось сломать Наталью, хотя комплекс нелюбимого ребенка в конечном итоге привел к печальным последствиям.

Отрочество Наталья Захарьина провела в слезах и экзальтированных молитвах. Она совсем уж было собралась в монастырь, как вдруг неожиданная встреча со светловолосым, весело смеющимся кузеном-студентом Александром Герценом изменила ее планы. Она

влюбилась, страстно, со всем пылом юности. После нескольких случайных встреч с милыми и незамысловатыми разговорами между кузенами завязалась переписка. Если бы вы предположили, что ее инициатором выступила скромная и чрезмерно сентиментальная Натали, то вы бы не ошиблись. Чувства требовали выхода, хотя бы эпистолярного. Развитию сюжета поспособствовал внезапный арест Герцена. Теперь в глазах шестнадцатилетней Наташи двадцатилетний кузен превратился в героя, несправедливо осужденного и отправленного в далекую ссылку. Преисполненная любви и сочувствия, кузина писала пострадавшему родственнику трогательные письма. Они обволакивали ссыльного Герцена словами понимания, сострадания и надежды. Молодой человек не мог не оценить внимания маленькой кузины, к тому же она оказалась единственным человеком, кому удалось посетить его в тюрьме, где он провел девять месяцев. Для Герцена, вчерашнего студента, блестяще окончившего Московский университет, арест, суд и изгнание в далекую Пермь стали тяжелыми испытаниями. В прошлом осталась комфортная, веселая, беззаботная, интересная жизнь в Москве, где у нашего героя был свой университетский кружок друзей-единомышленников со спорами обо всем на свете. Жизнь сменилась бессмысленным, тупым, унижительным, «канцелярским существованием» в отвратительной Перми.

Ах, как радовали изгнанника послания «бесценного друга» Натали! Как грело сознание, что он «свет ее очей раз и навсегда!» Постепенно ее внимание и обожание становились необходимостью. Без них он окончательно впал бы в тоску и уныние.

Наконец связи отца и дяди сенатора помогли облегчить участь

Портрет Натальи Александровны Герцен (ур. Захарьиной) работы Карла Райхеля. 1842

ссылки: его переместили из ненавистной Перми в Вятку – все ближе к Москве, к дому, к друзьям и ждущей его Натали. О, Вятка – это не Пермь! Здесь, в Вятке, Герцен почувствовал себя почти человеком. Отец позаботился о быте и удобствах для любимого сына. Он послал к новому месту ссылки преданного слугу, чтобы тот организовал представителю рода Яковлевых достойное проживание. Теперь «Дитя сердца» жил в уютном доме, разъезжал в элегантном экипаже, и о нем заботился верный человек отца. Однако самое главное – в Вятке его знаниям найдено

было применение. Он успешно занимался тем, о чем мало кто имел понятие, тогда как Министерство внутренних дел требовало отчета. Речь шла о статистике. От нее выскокое столичное начальство пребывало в экстазе, а простой провинциальный чиновник – в ужасе. Он не знал, ни что с ней делать, ни к чему ее приложить. Зато надзорный Герцен во всем разобрался и не ударил в грязь лицом, когда Вятку посетили наследник престола, будущий император Александр II, и сопровождавший его поэт Жуковский. Им обоим понравились статистические

комментарии Александра Ивановича – своим докладом он снискал расположение начальства и даже заслужил послабления.

О своем образе жизни в Вятке Герцен сообщал в одном из писем в Москву, не предназначенном для трепетной кузины: «Играю в карты... куртизирую...» Благоклонность начальства и материальные возможности открыли перед Сашей Герценом двери всех вятских гостиных. Дамы баловали вниманием умного, воспитанного, состоятельного, приятного молодого человека. Особенно выделяла его некая г-жа Медведева, да и он не остался равнодушен к чарам соблазнительной красавицы. Его настолько расстроили несчастья молодой многодетной матери, выданной замуж за никчемного человека, что он неосмотрительно взял на себя некие обязательства. Позднее он не знал, как от них освободиться, чтобы и честь мундира сохранить, и в унижительную кабалу не попасть.

Возможно, сей сексуально-эмоциональный опыт помог Герцену разобраться в себе, в своих истинных чувствах и определиться с выбором. Он вдруг отчетливо увидел в кузине Натали не только милую, понимающую и верную подругу, но и женщину, давно и страстно в него влюбленную. Из эпистолярной дружеской искры возгорелось настоящее любовное пламя.

Александр Иванович, будучи человеком честным и, с моей точки зрения, излишне правдивым, поведал кузине о своем романе с замужней дамой Медведевой. Он писал о своем раскаянии и просил у Натали прощения за неосмотрительное поведение. Отпущение грехов было получено незамедлительно. Он рыдал от умиления. Наконец Герцен прозрел и понял, что нашел сокровище в лице Наташи Захарьиной и ему необходимо им завладеть, чтобы быть счастливым. С этого

момента переписка между кузенами изменила ориентацию. Из дружеской и относительно невинной она превратилась в любовную, с многочисленными ахами и страстными вздохами многоточий. Новые эпистолярные отношения подтвердили правомерность сразу двух вещей. Во-первых, правдивость французского утверждения «*cousinage dangereux voisinage*» («быть кузенами опасно»). Во-вторых, любовь притягивает любовь. Признаюсь, я всегда верила в магическую силу писем, особенно если мысли и чувства изложены доходчиво и грамотно. В этой связи отдаю должное Наталье Александровне Захарьиной. Благодаря основательному владению родным языком и письменной речью она добилась цели и завоевала того, кого полюбила.

Я не без удовольствия отмечаю, что обращение людей друг к другу посредством бумаги и чернил обогатило мировое культурное наследие, а также отдельных граждан с пониженной социальной ответственностью, таких как шантажисты. Без неосмотрительных строк и неосторожных записок как бы они зарабатывали на жизнь? А как бы выкручивались авторы детективных историй без любителей шантажа? Впрочем, письма – это двигатель любого литературного жанра. Они также представляют собой фамильные, музейные, аукционные и исторические ценности. Письма – наиважнейшие свидетели былого и дум, фиксирующие не хуже фото и рисунка происходящее вокруг.

Что касается Герцена, то письма довели его до похищения кузины и тайного венчания, вопреки воле отца жениха и тетки невесты. Брат и сестра Яковлевы выступили единым фронтом несогласия на брак их воспитанников, состоящих в близком родстве.

Несмотря на запрет родственников, Александр и Натали

Герцен в молодости. Портрет работы А. Л. Витберга. 1836

наслаждались счастьем, пребывали в блаженстве и упоении. Время шло, не в меру экзальтированная Наталья Александровна постоянно находилась в нескольких состояниях. С одной стороны, перманентные восторги и умиления, а с другой – беременности, следовавшие одна за другой. Виновник недомоганий и неудобств, а также генератор положительных эмоций Александр Иванович в целом разделял душевные порывы супруги. В то же время он продолжал радетель о благе отечества, подвергался мукам творчества и искал смысл жизни. В какой-то момент Герцен поддавался на уговоры отца

и перебрался в Петербург с целью преуспеть по службе с пользой для России и ее народа. Увы, эксперимент закончился новой ссылкой и отставкой. К величайшему огорчению Ивана Алексеевича Яковлева, чиновника из его «Дитя сердца» не получилось. Литературные успехи и прогрессивные взгляды сына не радовали отца. Здоровье и характер старика ухудшались день ото дня. Домочадцы трепетали и прятались по углам. Луиза Гаг терпела изо всех сил дурной нрав и приступы гнева своего гражданского мужа, а любовь и нежность без остатка отдавала сыну и внукам.

Продолжение следует

ЖУИР

Представляем вниманию читателей рассказ Владимира МАЛЫШЕВА из книги «Возвращение», вышедшей в 2022 году в московском издательстве «Вече»

кадриль на балах. Наш герой с удовольствием водил с ними компанию, участвовал во всех мероприятиях и отличался от них только одним. Когда дело доходило до общения с женщинами, он сильно конфузился, замыкался и не мог вымолвить ни слова в ответ. Куда уж там пригласить даму на танец, тем более первым с ней заговорить! Об этой странности

Парамон Иванович, в меру грузневший и польсевший мужчина, восседал на веранде в плетеном кресле и предавался воспоминаниям под шлепки шуршащих галькой волн. Это не мешало ему наблюдать, как красноватый круг вечернего солнца плавно стремится окунуться в дальний край морской глади. На маленьком мраморном столике перед ним стояла початая бутылка янтарного хереса и хрустальный бокал одного же напитка. Из-за бокала на Парамона Ивановича пристально, не мигая, смотрела отлитая в бронзе женщина с поднятой то ли в приветствии, то ли на прощание рукой. Судя по вьевшейся в складки волос

несмываемой дождями пыли, статуэтка уже много лет скрашивала одиночество хозяина, загадочно и лукаво поглядывая на него каждый вечер. Она, как никто другой, знала, что грустные воспоминания Парамона Ивановича относятся к одному и тому же дню молодости, когда служил наш герой в Санкт-Петербурге, был достаточно богат, привлекателен, что при этом не мешало ему оставаться скромным и даже чрезмерно застенчивым.

В те годы было у Парамона Ивановича много приятелей, которые постоянно устраивали пирушки, небезуспешно флиртовали с молоденькими барышнями, посещали театры и лихо отплясывали

знали друзья, а через них и другие представители высшего петербургского общества, вследствие чего Парамон часто слышал на балах смешки и хихиканье, проходя мимо молодых особ. По этой причине он обычно старался расположиться в глубине зала за колонной и оттуда с интересом наблюдать за происходящим.

Так было и в тот вечер, когда весь бомонд пожаловал на званый ужин к княгине Крубецкой по случаю наступившего Рождества. В приглачительных билетах гостям общалось, что после ужина состоится бал-маскарад, а посему всем предлагалось обрядиться в сказочные костюмы и прибыть в масках.

По совету друзей Парамон Иванович прикупил в лавке какой-то пестрый плащ, колпак звездочета и маску мавра во все лицо.

В результате такого перевоплощения к середине вечера, когда воздух наполнился ароматами духов и телесного пота, он почувствовал легкое недомогание. Состояние слабости усугубилось еще и голодом по причине того, что ему из-за дурацкой маски не удалось во время ужина подпихнуть под нее хотя бы кусочек расстегая или какой-либо другой снеди. Парамон Иванович пробрался к окну, второпях сдернул с лица ненавистную картонку и решил до конца вечера не возвращаться к публике.

К несчастью для него, невдалеке расположились три загадочные феи в масках, в одной из которых, однако, легко можно было узнать очаровательную хозяйку бала. Здесь нелишне будет сообщить, что ее муж, находясь в высоких чинах и преклонном возрасте, давно уже выписал дражайшей супруге вольную, дабы не усердствовать в исполнении супружеских обязанностей, а весь оставшийся пыл перенес на вино и карточные игры.

Подруги за вечер успели уже перемыть кости всем танцующим и дефилирующим, профессионально найдя в каждом недостатки фигуры, причесок и манер. К этому моменту они хищными взорами выискивали новую жертву. Одна из них увидела одинокую фигуру, стоящую у окна, покрытую невообразимой раскраски плащом и увенчанную сверху не менее глупым колпаком:

– Нет, вы только посмотрите на этого идадьго! Эко вырядился фрукт заморский! – воскликнула она.

Дамы посмотрели и прыснули со смеху. Не засмеяться было невозможно. Уж слишком нелепый образ маячил в обрамлении оконной рамы.

– Да, ну прямо чистой воды брильянт! Откуда только такой взялся? Вроде бы всех мужских особей изучили, ан нет, оказывается. Поди, заезжий какой? – спросила княгиня.

– Да нет же, – ответила третья подруга. – Это Парамон Иванович то ли Голубкин, то ли Голубовский. Из дворян, и не из бедных. Между прочим, в департаменте министерства служит, большие надежды

подает. Знакомые говорили, один у него изъян: женщин боится. Сколько дам не пытались адюльтер с ним завести, все без пользы.

– Так уж и без пользы? – заинтересовалась княгиня. – Поди, притворство одно. А если покрепче пришпорить – глядишь, понесется молодой скакун, только за узду держись!

– Не знаю, не знаю, – ответила подруга. – Вот вы, княгиня, и попробуйте оседлать жеребца.

– А что, сейчас и начнем. Я только попрошу вас заказать белый танец, – сказала княгиня и направилась к окну. После слов «дамы приглашают кавалеров» она вплотную подошла к Парамону Ивановичу и нараспев сладким голосом обратилась к нему:

– О мой благородный рыцарь, не соизволите ли вы оказать честь одинокой фее и прокружить ее в венском вальсе?

От неожиданности Парамон Иванович резко обернулся, отчего колпак слетел с его головы. Он надеялся, что женский голос предназначался кому-то другому, однако рядом никого из мужчин не было, а дама смотрела прямо на него.

– Я, знаете ли, неловок в танцах, – заикаясь, промямлил Парамон и конфузливо зарделся.

– Ничего, мы это на ходу исправим. Не будете же вы позорить отказом даму, да еще хозяйку бала, при всем честном народе! – ответила княгиня и, взяв его под локоть, твердо потянула на себя.

А дальше все закрутилось в туманном водовороте. Княгиня уже не отпустила Парамона Ивановича в заветный тихий угол. Они кружились в танцах и даже раза два пили шампанское, о чем-то разговаривали и обменивались намекающими комплиментами.

Парамон Иванович, вконец расслабившись, от нахлынувшего восторга пытался исполнить арию из какой-то незнакомой оперы

и, если бы княгиня не отговорила его, обязательно спел бы. Ему казалось, что все это происходит не с ним, и это кто-то другой все крепче обнимает даму за талию. Он абсолютно не замечал ни позднего времени, ни того, сколько удивленных, любопытных взоров внимательно следят за их парой.

И уж совсем он не понял, куда вдруг все подевались, а они оказались наедине в спальне княгини. Княгиня ласково шепотом называла его Парамошей, все плотней прижималась к нему и что-то пыталась сделать своими губами с его ртом.

Отрезвление наступило резко и неожиданно, когда она сняла платье и попросила помочь расшнуровать корсет. В полумраке забелело обнаженное женское тело

никогда доселе Парамоном невиданное. Княгиня, напевая, убежала в ванную, пообещав через минуту вернуться к своему герою. И вот в этот самый момент ясность мысли окончательно вернулась к Парамону Ивановичу.

«Господи! Что я творю! Бежать, немедленно бежать, пока не вернулся!» – подумал он и кинулся прочь. Минувя темные залы и коридоры, переступая через спящих слуг и поваров на кухне, ему каким-то чудом удалось выбраться на улицу, где, на его счастье, попался извозчик. Вскоре он был уже дома и благополучно заснул в своей постели.

После недельных праздничных каникул все началось как обычно. Парамон Иванович пришел с утра

в министерство и начал разгребать деловые бумаги. Через полчаса к нему в кабинет заскочил коллега. Плотнo закрыв дверь, он пристально посмотрел Парамону Ивановичу в глаза и спросил:

– Ну как?

– Что «как»? – удивился Парамон.

– Ну, княгиня твоя как в постели? Хороша, поди? Орел! Как говорится, в тихом омуте!

– Да нет, послушай, не было ничего, – сконфузился наш герой.

– Ну да, конечно, не было. Только весь город неделю говорит о твоих похождениях. Княгиня первая и рассказала подругам, какой ты неутомимый гигант по этой части, а те уж далее всем по маршруту. Впрочем, я тебя понимаю.

Не хочешь – не говори. Интим – дело тонкое. Только мой тебе совет – с мужем ее поаккуратнее. А то ведь старый, старый, а все же генерал. Ну, будь здоров.

Дальнейшие три дня Парамон Иванович прожил по одной и той же схеме: вопросы друзей, любопытные, зовущие взоры молодых и не очень женщин, осуждающие взгляды седовласых муржей. Перцу добавил появившийся в бульварной газете фельетон с прозрачными намеками о похождениях молодого ловеласа и светской львицы. Венцом всему был вызов Парамона к начальнику департамента, который по-старчески, даже с некоторым сочувствием, пожурил его, пристыдил и предложил написать заявление об увольнении,

дабы не позорить министерство и мужа-генерала.

Парамон Иванович не стал возражать, взял расчет и покинул Петербург навсегда. Перед отъездом он заглянул в антикварную лавку и купил на память о столице приглянувшуюся ему бронзовую, о семи вершках статуэтку загадочной женщины.

Всю свою дальнейшую жизнь Парамон Иванович провел у себя в имении у моря, где благополучно женился на соседской барыне, успешно разводил виноград и никогда более не заводил знакомств ни с какой другой женщиной.

Иллюстрации Марии Сотниковой, студентки IV курса факультета анимации и мультимедиа ВГИК, мастерская А. П. Мелик-Саркисяна

ФАМИЛИЯ

Представляем вниманию читателей рассказ из книги Марины СОЛОВЬЕВОЙ «Разные двери», вышедшей в 2023 году в издательстве «Книги» в Нижнем Новгороде

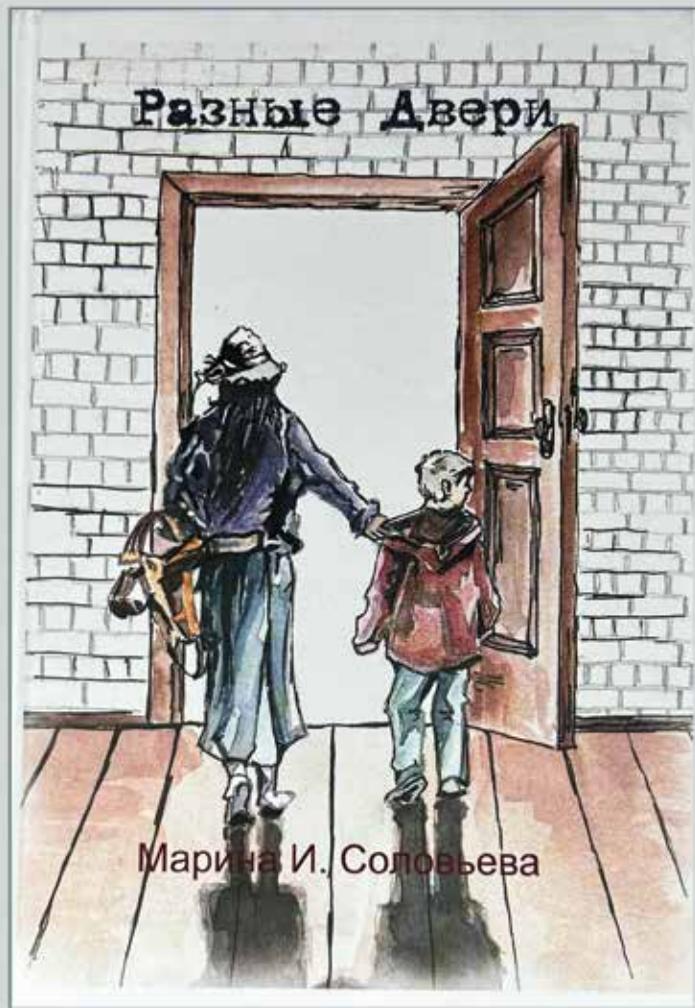
Моя фамилия Цветаева, а его Оладушкин, и мы решили пожениться. Он красив, умен, творчески одарен, терпелив, и, главное, мы любим друг друга и хотим быть вместе всю оставшуюся жизнь. Мы познакомились в студенческом лагере медицинского института, и я запала на него с первого взгляда: кудрявая голова, черные глаза и гитара. Между собой с девочками мы сразу стали называть его Тото Кутуньо, по имени известного певца и композитора, или просто Итальянец, пока однажды на общей линейке он не откликнулся на фамилию Оладушкин. Девочки сначала онемели от неожиданности, потом прыснули от смеха. А я как застыла, так осталась стоять на месте, не заметив,

что все уже разошлись. Вот тебе раз, Оладушкин! Блин горелый! Какая удивительная несправедливость, ну разве может этот потря-

внешности и фамилии. Самое интересное, что нашего «итальянца» это, как будто, совсем не смущало. Он громко выкрикивал свою фамилию на переключке, с удовольствием знакомился и представлялся. Ну надо же, Оладушкин!

Когда-то, в далеком детстве, в моем доме жили три мальчишки: Блинцов, Прогает и Оладьев. Мы вместе играли, гуляли и всем двором подтрунивали над ними, называя изделиями из теста. Я иногда задумывалась, кому же из них с фамилией повезло меньше других. В этом странном соревновании у меня по порядку лидировали то Блинцов, то Оладьев, но побеждал всегда последний. Я считала, что с такой фамилией жить невозможно и не скрывала своих

Марина И. Соловьева

умозаключений от окружающих, тем более, что я сама Цветаева, и этим все сказано.

Да-да, я самый настоящий представитель того самого дворянского рода, древнего и знаменитого, имеющего свой герб и девиз – «Родине научным трудом», который папа цитировал всю мою сознательную жизнь по поводу и без повода. С детства я насыщена о своих предках, среди которых были сенаторы, действительные тайные советники, историки, археологи, искусствоведы, даже один Герой Советского Союза, а также писатели и поэты. Это я веду к тому, что всем известные сестры Цветаевы тоже из наших. Со слов папы, они дальние родственницы, ну а насколько дальние, это уже не важно, да и папа на этих несущественных деталях сильно никогда не останавливался.

Папина речь была изящной и ажурной, он так умел складывать звуки в слова, а слова в предложения, что создавалось полное впечатление его причастности к поэтам Серебряного века. У папы как будто был свой индивидуальный доступ к волшебной сокровищнице русского языка, которой он распоряжался очень умело, в нужное время вытаскивая откуда-то из глубин самые драгоценные и нужные слова, оборачивал их словно конфетку в красивый необычный фантик, а потом выдавал такие уточненные и эффектные обороты речи, что у всех окружающих немедленно захватывало дух.

Папа убеждал нас с мамой, что, когда происхождение обязывает, нужно обязательно следить за тем, что говоришь и как говоришь. Но сам он не следил. У него был особый дар выражать мысли так, что это пробирало до самого сердца. Папа был настоящим выходцем из прошлого столетия, пропитанным духом поэзии, тоже иногда писавшим талантливые строки.

Он был человеком немного несовременным, эмоциональным и одухотворенным, умевшим расторгать чужую иронию и с легкостью предотвращать конфликты; постоянно изучавшим и стойко охранявшим долгую историю нашего интереснейшего рода. Ногами он ходил по земле, а головой летал в космосе.

Сколько помню себя, он часто разговаривал стихами Марины Цветаевой, и мне кажется, что всю ее великолепную поэзию я вобрала в себя еще в глубоком детстве. У нас даже игра такая была, папа начинал строками из любого места ее произведений, а я заканчивала. Ему очень нравилось, когда я делала стрижку с короткой челкой. Папа говорил, что сходство с великой поэтессой необыкновенное и гены дают о себе знать.

Любимым лакомством у нас был цветаевский пирог с абрикосами и черешней, известный как коронное блюдо семьи с далеких времен, подкупающее волшебным вкусом и своей простотой в приготовлении. И я, и мама знали рецепт наизусть и могли приготовить пирог в мгновение ока, главное, чтобы были черешня и абрикосы. Поэтому лето для меня на всю жизнь ассоциируется именно с этим потрясающим десертом, тающим во рту и приятно хрустящим на зубах рассыпчатым слоено-песочным тестом с нежными кусочками фруктов, утопающих в пене воздушного сметанного крема, пропитанного их чудесным ароматом. Мы с удовольствием могли есть этот фантастический кулинарный шедевр на завтрак, обед и ужин. Все это были традиции семьи, которые ненавязчиво становились нормой нашей жизни.

Папа считал, что великий и благородный род Цветаевых обязан существовать вечно. Когда он женился, то сразу поставил маму перед фактом, что хочет иметь

трех сыновей – продолжателей династии, но родилась я, и на этом претворение планов в жизнь, увы, завершилось.

Родных братьев и сестер у папы тоже не было. Все отчетливее маячила опасность затухания нашей семейной веточки, о чем папа регулярно сокрушался, не забывая добавлять фразу про надежду, которая ни в коем случае не должна умирать, и при этом бросал на меня выразительные красноречивые взгляды. Он был известным кардиологом, заведующим кафедрой в медицинском институте, и это единственное, что быстро возвращало его на землю. Свою профессию папа любил и, уходя на работу, всегда мимоходом юморил, что пошел решать дела сердечные. Мама, говорила, что всего в жизни отец добился сам, а папа, наоборот, с хитрой улыбкой частенько признавался, что во всем виновата фамилия, она ему помогает, мотивирует и тащит вперед, да и известные корни и родственные связи никуда не деваются. Обычно такие вещи скрывают, а папа наоборот, непонятно зачем, не стеснясь, выставлял напоказ.

Родни у папы было великое множество, только жили все очень далеко. Папа периодически передавал мне от них приветы и рассказывал про каждого удивительные истории с непостижимыми тайнами и волнующими приключениями, роковыми случайностями и досадными неудачами, с обязательным последующим извлечением полезных уроков, с умением в итоге преодолеть себя и получить заслуженный, ошеломляющий всех вокруг, успех. Я знала всех Цветаевых по именам, иногда они присылали для меня по почте разные подарки, почти всегда угадывая мои пожелания. Никого из них я никогда не видела, но всегда ощущала себя частью чего-то большого, дружного и единого, готового

Марина Цветаева в 1925 году

в любой момент броситься на помощь. Я всегда знала, что Цветаевы – это моя опора и защита. Я гордилась тем, что ношу эту фамилию.

И вот тебе, пожалуйста, человек с фамилией Оладушкин пожаловал в мою жизнь, как будто в наказание за все мои детские насмешки и за чрезмерную гордость своим происхождением. И откуда он только взялся на мою голову, этот Оладушкин, да еще и необыкновенно красивый черт, без конца стреляющий глазами в мою сторону с риском свернуть себе шею...

Через пару недель мы поняли, что нам вместе весело и интересно, через месяц мы уже не могли оторваться друг от друга, через два – я поняла, что не могу без него дышать. Не помню, кто первый предложил жениться, но решение по этому поводу было принято сразу и единогласно. Во Дворце

бракосочетаний, обнимаясь и бесконечно хихикая, мы заполняли заявление на вступление в брак под суровым взглядом местной тетеньки, всем своим видом напоминающей грозную овчарку. Когда дошли до определения фамилии, которую я буду носить после брака, веселье мое оборвалось, и я беспомощно посмотрела на своего жениха. Не уловив моих внутренних терзаний, Оладушкин уверенно написал на нужной строчке свою фамилию.

Известие, что Мария Цветаева и Федор Оладушкин через месяц создадут новую ячейку общества, мои родители восприняли без негатива и даже открыли по этому поводу бутылку шампанского, искренне пожелав счастья. Самое грустное началось после ухода Федьки, когда до папы дошло, что новая семья будет носить фамилию Оладушкины. Нет, он не заламывал руки и не кричал. Все чувства и переживания были написаны на его лице, которое едва подавало признаки жизни слегка подрагивающими ресницами. «Оладушкина? И дети будут Оладушкины?» – единственное, что смог вымолвить папа, находясь в состоянии полного потрясения. Мне срочно захотелось замариновать мясо в феназепаме, зажарить его и быстрее съесть вместе с папой. Мама начала говорить что-то о Фединых родителях, которые могут обидеться, о том, что у каждой семьи существует своя история их фамилии, но папа не слушал. Он напряженно думал о чем-то своем. Смотреть на него было больно.

На следующий день я поговорила с Оладушкиным и объяснила ситуацию. Он засмеялся и заявил, что не нужно делать проблему там, где ее нет, и при желании я могу оставаться Цветаевой. Более того, если я обещаю родить двоих детей, то мы можем дать им разные фамилии, только первый будет точно Оладушкин. Я подпрыгнула

от счастья, расцеловала Федьку и помчалась срочно возвращать отца к жизни.

– Папа, вопрос решен, скорее расправляй свои крылья и снова летай! – закричала я с порога. – «Крылья – это свобода, только когда раскрыты в полете, за спиной они – тяжесть», – привычно ответил папа словами Цветаевой и счастливо улыбнулся.

– Я остаюсь Цветаевой и буду продолжать нашу фамилию! И точка! И больше никакой тяжести за плечами!

Подготовка к самому важному в жизни свадебному событию, которая наложилась на сложную сессию, закрутили нас немыслимым водоворотом. Мы постоянно куда-то бегали, о чем-то договаривались, решали миллион вопросов, а по ночам зубрили экзаменационные билеты. Мне кажется, что мы выдохнули только в день свадьбы. Выкуп невесты, белое платье, фата, цветы, подружки, шампанское, Дворец бракосочетаний и, наконец, та самая тетенька-овчарка, которая принимала наше заявление, только теперь она была абсолютно другой: улыбчивой, праздничной и доброжелательной, скорее напоминающая французскую болонку, усиленно виляющую хвостом. С радушной улыбкой на лице она объявила нас мужем и женой и поздравила с рождением новой семьи Оладушкиных. Немая сцена...

Вжих, удар молнии и в голове мысли стали врезаться друг в друга. Мы забыли исправить эту злополучную графу про фамилию в своем заявлении. Решение приняли, а исправить забыли, закрутились, завертели и ни разу не вспомнили об этой формальности. Тетенька продолжала искренне улыбаться вместе с Федькиными родителями, а я боялась обернуться назад и посмотреть на папу. Он, конечно, держался, улыбался и даже шутил, но глаза выдавали его состояние.

«Шутим, шутим, а тоска все растет, растет...», – кажется так было у Цветаевой, и это точно про папу.

Свадебный праздничный вечер отвлек меня от грустных мыслей, очень быстро переключив на срочное решение проблем, которые начали вдруг сыпаться, как из рога изобилия. Мы попали со своей женитьбой в тот самый непростой строгий период безалкогольных свадеб, когда водку продавали по талонам. Полагалась одна бутылка на члена семьи в месяц. Оладушкины копили водку, подключив все свои родственные связи. Папа к вопросу добычи этого товара повышенного спроса подключил сотрудников кафедры и всех, кого только было возможно. Водка в то время была своеобразной валютой, ее можно было на что-то обменять, ей можно было расплатиться, ее было трудно достать, но в экстренных случаях всегда можно было купить у таксистов по тройной цене. Путем невероятных совместных усилий необходимое количество драгоценного напитка в итоге было добыто и доставлено в кафе накануне праздника вместе с другими дефицитными продуктами. Родители вернулись довольные и сообщили, что подготовка к свадьбе там идет полным ходом, все готовится, жарится, парится и режется.

К началу торжества мы приехали в наше кафе, расположенное в историческом центре города, оказавшееся обычной столовкой с витающими специфическими запахами прокисших щей и пережаренных хлебных котлет. Постоянно снующие среди гостей габаритные тетки в замасленных фартуках и накрахмаленных высоких колпаках напоминали трех толстяков из детской сказки, но отличались от них своими быстрыми и ловкими движениями. Еды на столах почти не было. Стояло несколько тарелок с жесткими холодными съжившимися

курами, судя по всему, умершими собственной смертью от недостатка питания. Колбаса и сыр, привезенные из столицы специально для торжества, были порезаны тончайшими кусочками, но их было до неприличия мало,

и было совершенно непонятно, куда делись остальные продукты. Оголодавшему взгляду гостей было совершенно не на чем отдохнуть на нашей скатерти-самобранке. Мама бросилась разбирать-ся с кухней, а папа искать водку,

которую выставлять на столы категорически запрещалось, поскольку всем свадьбам было положено быть исключительно безалкогольными. Я искала глазами тамаду, но и его тоже не было. Что же за день такой сегодня? Какое-то испытание на прочность молодой семьи и их ошалевших от навалившегося набора недоразумений родителей! Голодные гости ходили вокруг полупустого стола в ожидании команды «начинать», а я, подобрав край длинного свадебного платья, нарезала круги в поисках нашего ведущего, но никаких признаков его присутствия не находила. К счастью, появились друзья Оладушкина по общежитию и подключили музыку, заверив нас, что дискотека обязательно будет. Стало веселее, и я немного выдохнула.

Через несколько минут Федька сообщил мне, что водка находится в большом самоваре, возвышающемся в центре стола. Об этом незамедлительно были оповещены все гости, и пузатый самовар, начищенный до зеркального блеска, быстро начал набирать популярность.

Роль тамады взяла на себя мать Федькиного свидетеля, работавшая последние двадцать лет инспектором по делам несовершеннолетних. Ее речь была очень деловой, четкой, отрывистой и излишне громкой, как будто мы находились на военном параде, и еще отличалась отсутствием даже намека на самое скромное чувство юмора. Впечатление, что мы совершили плохой поступок и сейчас нам придется за него непременно расплачиваться, не оставляло меня до конца вечера.

Отсутствие нормальной закуски и вместительный самовар, как символ гостеприимства и русского духа, наполненный водкой, сделали свое дело очень быстро. Народ опьянел и начал выяснять отношения. Короче, как на любой приличной свадьбе без драки

не обошлось. Доцент с папиной кафедры, прекрасный кардиолог Николай Иванович, интеллигентнейший человек, знакомый мне с детства, неожиданно сцепился с врачом-рентгенологом не на жизнь, а на смерть. Они катались по полу, с красными лицами, плевались, попутно царапая друг друга лица и отрывая лацканы пиджаков.

Разнимал их дальний родственник Оладушкиных – сантехник Василий, оказавшийся в этих вопросах самым опытным, сообразительным и проворным. При этом он причитал, что свадьба свадьбой, а кому-то начинать все равно надо было, и что не так страшно пропустить удар, как оставить его без ответа. Мордобои гостей заметно сблизил, и они еще долгое время обсуждали увиденное. Папа от всего этого хватался за голову и убегал решать очередные вопросы то с кухней, то с водкой, то с подравшимся Николаем Ивановичем, у которого на фоне произошедшего началась аритмия.

В конце вечера всем захотелось выпить напоследок чаю, и кто-то несведущий добавил в наш чудосамовар заварки и залил все это кипятком. Этот адский горячительный напиток добил гостей окончательно. Свадьба начала петь и плясать с утроенной энергией, зажигая всех вокруг и оставляя многообразие ярких, хоть и не очень трезвых впечатлений.

Обратный путь тоже оказался нестандартным. Всю свадьбу, включая жениха с невестой, загрузили в большой автобус и стали развозить по домам. Танцы продолжались и в автобусе среди тех, кто еще мог как-то двигаться. Потом народ плавно перешел на песни. Причем чем меньше народу оставалось, тем громче и слаженней пели.

Когда в автобусе кроме моих родителей и нас с Оладушкиным уже никого не было, папа протяжно

затянул: «Оладушки-оладушки, где были? – У бабушки. Что ели? – Кашку. Что пили? – Бражку!» И я вдруг увидела, что мой папа тоже пьян. Он очень грустно и старательно выводил каждое слово этой, казалось бы, веселой песни, подперев голову рукой, максимально сосредоточившись и собрав в себе всю неразбериху сегодняшнего дня, печаль и радость воедино.

Вот так непросто появилась на свет наша новая семья, но любой, даже самый счастливый и очень тяжелый день когда-нибудь заканчивается. Закончился и этот, оставив после себя итогом Марию Оладушкину, как подтверждение того, что все это мне не приснилось. Не могу сказать, что на мне это как-то сильно отражалось в первое время, так как ведомости в деканате никто не менял, и я пока для всех по-прежнему оставалась Цветаевой.

Первый раз я прочувствовала свою новую фамилию на вручении диплома. Меня вызывали раза три, а я не реагировала и только когда поняла, что Оладушкина – это про меня, двинулась к сцене. Я шла, а в голове воем сирены гудела моя новая фамилия. И все внутри меня возмущалось, кричало и стонало, но самое ужасное, мне было неловко и даже стыдно перед окружающими. Мне казалось, что все вокруг меня жалеют, обсуждают, и я ничего не могла с этим поделать.

Рожать нашего первенца я тоже пошла в статусе Оладушкиной, и ситуация повторилась. Я по-прежнему вжимала голову в плечи в ожидании, что меня назовут по фамилии и в сотый раз вспоминала рассказы отца про всех наших знаменитых родственников и все отчетливее понимала, что хочу обратно, к Цветаевым. Я хочу быть снова Цветаевой. Федька, как всегда не возражал, и я помчалась в ЗАГС менять фамилию.

В кабинете сидела все та же женщина, которая нас когда-то женила,

с лицом, напоминающим недобрую собаку. На всех свадебных фотографиях она сияла широкой открытой улыбкой, а сейчас с осунувшимся усталым лицом перебирала какие-то свои бумаги, не обращая на меня никакого внимания. Я улыбнулась и громко поздоровалась. Женщина подняла глаза, выслушала проблему и без эмоций сунула мне листок для написания заявления. Среди причин, объясняющих смену фамилии, я написала и про династию, и про то, что я последняя Цветаева в нашей родовой ветке, и про то, что отец известный врач, а это мне обязательно поможет в профессии, и про то, что фамилия Оладушкин неблагозвучная и мне не подходит. Слегка сморщив нос, она читала мою бумагу, водя пальцем по строчкам. Дойдя до аргументов, казавшихся мне неоспоримыми, она вдруг стала повторять одну и ту же фразу.

– Это не причина, это тоже не причина, это совсем не причина...

– Да как же не причина?! – взорвалась я, – фамилия неблагозвучная.

– Вот у меня утром приходила Вывриглаз, хочет взять фамилию жены, и я его понимаю, вчера была Гадючка, – женщина перебирала заявления на столе, – вот Сухозад. А Оладушкина – фамилия благозвучная и даже очень милая. Не занимайтесь ерундой, девушка!

– Но я не могу жить с такой фамилией! Мне плохо! У меня психоз начинается!

– Тогда принесите справку от врача психиатра! Это будет основанием для смены фамилии, – тетенька снова погрузилась в свои бумаги, всем видом показывая, что разговор на этом окончен и мой фамильный вопрос раз и навсегда закрыт.

Получается, что для счастья нужна только справка от психиатра, – дожили! Я села на лавочку, закрыла глаза, откинулась назад, подставила лицо весенним солнечным лучам

и стала вспоминать, кто из наших выпускников имеет хоть какое-то отношение к психиатрии. Решение пришло молниеносно: ну, конечно, Шурик Презерман, по кличке Презер, который в отличие от меня свою фамилию любил и ею гордился, не обращая внимания на насмешки однокурсников. Все в его семье были известными врачами Презерманами, а мама всю жизнь работала в психиатрии. Шурик отправился по ее стопам и в этом году заканчивал интернатуру. Вот интересно, фамилия Презерман по мнению тетеньки из ЗАГСа считалась бы благозвучной или нет?

Шурик спустился в регистратуру поликлиники психоневрологического диспансера, внимательно меня выслушал и задал только

один вопрос: «Оладья не против?» Я неистово замотала головой, всем своим видом показывая, что не против. Через пятнадцать минут Презерман принес мне нужную справку, в которой указывалось на мое пограничное состояние с повышенной тревожностью, эмоциональной неустойчивостью и склонностью к импульсивным действиям из-за неприятия новой фамилии. В рекомендациях четко была прописана смена фамилии с целью улучшения качества жизни и предотвращения усугубления процесса.

– Мне пришлось завести на тебя карточку, но не переживай, я придумаю, как аннулировать ее через пару месяцев! – добавил на прощание Шурик и пожелал мне удачи.

Тетенька из ЗАГСа не ожидала меня увидеть снова так быстро. Она нехотя взяла мое заново написанное заявление и с нарастающим раздражением начала свою песню про «не причину». Но когда дошла до пункта о моем психическом статусе, то лицо ее моментально изменилось: куда-то ушла строгость, вялость и недовольство, проступили знакомые черты веселой болонки. Удивительно, как быстро и легко леди-ЗАГС умела перевоплощаться и менять образы, у нее были однозначно артистические способности плюс громадный опыт работы на одном месте. Может быть, это издержки ее профессии, когда нужно уметь быть то торжественной и улыбчивой, то строгой и жесткой.

Она чуть осипшим голосом попросила справку и наконец-то подняла на меня глаза, в которых мелькнуло подобие испуга, как будто я могу на нее неожиданно напасть в своем неуправляемом припадке.

– А вот это, действительно, причина, – робко прошептала она и заискивающе улыбнулась мне.

«Ну ладно, так и быть, сегодня я тебя убивать не буду!» – подумала я с допустимой дозой позволенного ехидства и уверенно улыбнулась ей в ответ. Через месяц я поменяла все документы и снова стала Цветаевой.

Папа умер в день, когда я вернула фамилию. Сказали, что оторвался тромб. У меня было впечатление, что он просто не справился с радостью или просто решил, что его

основные цели и задачи в этом мире теперь выполнены. А может быть, это такое трагическое совпадение, но от этого совсем не легче. Нужно было срочно заниматься организацией похорон и сообщать о трагедии нашим бесчисленным родственникам. Мама сидела напротив меня и, покачиваясь, молча смотрела в одну точку.

– Мама, где все адреса, телефоны родственников? Я уверена, что все приедут. Ты уже сообщила им?

– Да нет никаких родственников, нет никаких Цветаевых, – мама вытащила из горы документов потрепанную бумагу в файлике и протянула мне. – Из детского дома он. Подбросили в мае, когда сирень цвела, поэтому и Цветаев. Папа как будто боялся, что мы будем меньше

его любить, если узнаем эту тайну. Я все это давно обнаружила, но молчала, не могла, да и не хотела разрушать его мир. Теперь вот пришло время и тебе все узнать. Нужно принять решение, что ты теперь будешь говорить своему сыну...

– Что папа говорил мне, то и я буду говорить своим детям, – не задумываясь ни на секунду, ответила я. – Да, скоро на свет появится еще один ребенок, и фамилия его обязательно будет Цветаев. Он будет знать все про наших великих родственников и научится декламировать все известные стихи Цветаевой с любого места. Наш великий род обязательно должен и будет продолжаться! Мама посмотрела на меня внимательно и впервые за это время улыбнулась.

РЕЦЕНЗИЯ

Евгений Эрстов о сборнике рассказов Марины Соловьевой «Разные двери»

Сборник рассказов «Разные двери», вышедший недавно в нижегородском издательстве «Книги», – вторая книга Марины Соловьевой. Ее первая книга – замечательный роман о советской школе «Усохни перхоть, или Школа, которой больше нет» – давно разошлась и получила множество откликов в печати.

Я уже успел подумать о том, что в нашей отечественной изящной словесности появилась новая романистка (почему-то дамы предпочитают работать исключительно в жанре романа, и в этом есть какая-то загадка!), а тут вот тебе пожалуйста: вместо второго романа – сборник рассказов. Конечно, рассказ как жанр куда сложнее романа будет, поскольку в нем каждое слово на вес золота, и тем весомее, чем короче текст, потому и написать хороший рассказ не каждый романист способен. Марина Соловьева блестяще справилась с поставленной задачей. И особенно радует, что писательница сумела это сделать, практически не используя широкий пласт средств художественной выразительности, а ведь именно этому нас настойчиво учили во всевозможных ЛИТО, включая Литинститут, разумеется.

Если меня попросят назвать литературного антипода Марины Соловьевой, то я назову, скорей всего, Ивана Алексеевича Бунина. Целостный и неповторимый мир природы и родного языка не слишком волнует писательницу, она никогда не напишет «полюй голос кукушки» или «ягоды туманно-сини на можжевелнике сухом». В центре ее внимания – исключительно люди, сложный и постоянно меняющийся мир человеческих отношений; она описывает такие, казалось бы, известные и вечные явления, как дружба, любовь, преданность, мужество и самопожертвование.

«Ну и что в этом интересно? – спросит читатель. – Ведь об этом уже писали тысячи раз, начиная с древнейших времен!» Конечно, писали, но не так. Сила настоящего писателя в том и заключается, что заставляет читателя сопереживать своим героям, идентифицировать себя с ними. «Как будто это я лежу», – написал Твардовский об убитом на финской войне мальчишке-красноармейце, и слова одного из крупнейших поэтов века минувшего отзываются в наших душах многократным и гулким умопомрачительным эхом.

Десять рассказов, вошедших в книгу, представляют собой единый цикл, который объединяет общая концепция построения сюжета. В предисловии писательница подает золотой ключик гипотетическому критику: «В определенный судьбоносный, ключевой момент человек попадает на некий перекресток жизни с несколькими приоткрытыми дверями, и нужно выбрать одну единственную для продолжения пути».

Проблема выбора, безусловно, одна из труднейших для человека, и это всегда отмечали психологи. Именно этой проблеме и посвящена книга рассказов талантливой писательницы.

Во всех рассказах Марины Соловьевой так или иначе присутствует и тема Злой Воли. Неслучайно мне захотелось написать это словосочетание с прописных букв – слишком много оно означает для автора.

Герои рассказа «Аллергия», люди среднего возраста, испытывая одиночество после эмиграции единственной дочери, сначала безрезультатно пытаются родить нового ребенка, а потом берут мальчика из детского дома. Но мальчик страдает аллергией на кошачью шерсть и жить вместе с котом не может. Проблема выбора между чужим ребенком и давно уже ставшим родным животным приводит к трагедии – мужчина не выдерживает постоянного стресса и уходит из семьи. Вместо того чтобы подчиниться судьбе и дожить свою жизнь в мире и согласии, свободные люди испытывают ее и приходят к краху.

Очень тонко и психологически выверено раскрывается тема Злой Воли в «Анестезии», одном из лучших рассказов сборника. В античное время и Средние века уже была хирургия, но анестезиология практически отсутствовала. То есть человек просто терпел боль и все. Очень поздно стали применять обезболивание в стоматологии и акушерстве. Но современный человек привык к комфорту и не собирается терпеть боль по умолчанию. Героиня рассказа, столичная музыкантиша Анна, пользуясь оказией, хочет встретиться с любимым человеком своей молодости, анестезиологом Петром. Она ставит перед собой цель вновь стать красивой и делает все, чтобы понравиться бывшему возлюбленному. Но Злая Воля всегда наказуема: в условленном месте далекой Испании ее ждет вовсе не сексуальный мачо, а старый, толстый, плешистый и потрепанный дядька. Такой образ возлюбленного не устраивает героиню, ей необходим наркоз, чтобы воспринимать мир без боли.

Интересно, что Злая Воля в каждом рассказе писательницы предстаёт перед нами в новом образе, как Гудвин, Великий и Ужасный. Так, в рассказе «Кукла» это Злая Воля родителей, воспринимающих свою дочь как игрушку и считающих себя в праве распоряжаться ее судьбой. В рассказе «Переходный возраст» желание одной из героинь прокатиться по жизни за счет талантливого и успешного мужчины оборачивается рождением девочки-инвалида. Злая Воля наглой и самолюбивой женщины, вызвавшей бригаду скорой помощи, не имея для этого серьезных оснований, приводит к смерти девушки, попавшей в ДТП, которой эта самая бригада не успевает своевременно оказать медицинскую помощь (рассказ «Метаморфозы»).

Воспитанный на прозе Тургенева и Бунина, Нагибина и Пришвина, Паустовского и Юрия Казакова, я никогда не дорожил сюжетом, считая его второстепенным явлением в прозе. Рассказы талантливой нижегородской писательницы заставили меня несколько пересмотреть свою позицию. Ну а тот неоспоримый факт, что они читаются почти взахлеб, как говорится, дорогого стоит.

ПУТЕШЕСТВУЯ ПО ЛИСТАМ СНЕЖНОЙ БУМАГИ

Рассказ писателя, поэта и эссеиста,
постоянного автора нашего журнала Александра БАЛТИНА

Фото: Майк Кононов

Дом заселяется

Дом заселяется – медленно, с неукосной точностью и четкостью. Старик с первого этажа, постукивая старинной витой палкой с торжественным набалдашником, выводит на прогулку пса – тоже старика. Они живут вдвоем, ибо жена старика умерла, а дочь... сгинула где-то в Европе, выйдя замуж... И пегий пес со слезящимися глазами ждет у булочной, пока хозяин

купит хлеба... Потом их видят во дворе – старик ни с кем не разговаривает или только кивает; лицо его тяжело, будто каменная кладка. И если он садится на скамью, пес, вздыхая, ложится у его ног.

Дети резвятся на площадке, и горка, закрученная улиткой, способна пропустить через себя множество кричащих, верещащих, ликующих малышей; и старик смотрит на них из тяжелой и надувшейся раковины плоти, думая,

вспоминая... Мысли его тягучи, но вовсе не похожи на золотистый и ароматный тягучий мед...

Поэт глядит на старика с шестого этажа, полагая, что... Впрочем, что полагает поэт, расскажет его стих, зреющий тугой гроздью слов в дебрях сознания... Дебри эти едва ли надежный виноградник!

Размышляет поэт, глядя в зеркало на себя – сильно постаревшего, седобородого, с лицом, все плотнее увязающим в сети морщин. Еще

в зеркале отражается угол коридора: коленчатого, как переулок, с массивом книжных стеллажей, с их внутренним лабиринтом, которым так интересно было путешествовать в юности...

Масляно поблескивает включенный торшер, и уд – струнный щипковый инструмент, некогда при-

Их четверо: дочка и сын похожи на только что выпеченные булочки, хотя булкам этим за двадцать, и оба сильно отдают отцом: скучно-деловитым, вечно зарабатывающим... Мамаша целыми днями торчит во дворе, собирая слухи и сплетни в плетный короб собственной пустоты, и это коллекционирование кажется ей приятным занятием, славным времяпрепровождением. Дочь ходит на работу в ателье, а сын... Это не интересно ни поэту, ни старику.

Дом держит в себе начинку, храня ее от излишнего повреждения.

она, ныне одетая золотистым флером мечты.

Парень – высокий и тощий – выпускает колечки дыма и стряхивая пепел, идет за пивом, думая, кому позвонить, чтобы разделить компанию, раз родители уехали на дачу, а он отговорился выдуман-ными делами.

Шарики грая слетают с разросшихся тополей, чьи ветви переплетены так густо, что взгляд пружинит, как о багутах: внимательный взгляд поэта, рассеянный – старика, никакой – мамаша, цепкий – властной дамы, мутный – сынка-алкаша.

Александр Львович Балтин – один из самых плодовитых современных литераторов. Родился в Москве в 1967 году. Член Союза писателей Москвы, автор 85 книг (включая Собрание сочинений в пяти томах) и свыше 2000 публикаций в более чем 150 изданиях по всему миру. Отмечен наградой Санкт-Петербургского общества Мартина Лютера. Награжден юбилейной медалью портала «Парнас». Номинант премии «Паруса мечты» (Хорватия). Государственный стипендиат Союза писателей Москвы. Лауреат многих литературных конкурсов.

Один из детей властной пожилой дамы стал банкиром, редко бывает здесь, вероятно, содержит мать, живущую со вторым сыном, так и не женившимся, ходящим на какую-то серую, скудную службу. Он пьет, этот второй: одиноко, сосредоточенно, серьезно. Он пьет так, что может упасть на первом этаже и заснуть. Он будет спать час, потом пойдет босой, по лестнице, мигая и не узнавая никого, и мешанистая мамаша побежит к властной даме, интересуясь, дошел ли Юра. Он всегда доходит – ибо дошел уже до предела бессмыслицы.

Дом супит брови – осенними вечерами, зимними сумерками; дом громоздится летом на фоне неба, будто новая Троя, которой никогда не грозит война.

Нумизмат перебирает античные монеты, вздыхая по новой, столь необходимой ему; хотя, если и сможет приобрести, тут же поблекнет

Кто снимает квартиру на третьем? Они съедут вот-вот, не узнанные никем в доме, да и не интересные никому...

Тяжелое «гав» стариковской собаки гулко падает в воздух, как кем-то выброшенный предмет, и прозаик, проходящий мимо, видит: дом мерно, неукоснимо заселяется людьми, взрослеет вместе с ними, принимает радостно новорожденных, которым предстоит свершить круг, чтобы лечь в лодку гроба, как легли уже многие, жившие в доме, которого никогда не было, ибо прозаик, путешествуя по листам снежной бумаги, не признавая поля монитора, измыслил самый обычный, такой сыто-крепкий, один из многочисленных дом: измыслил и заселил, играя смыслами (отчасти угнетенный ими, отчасти счастливый) и дугами пестрого воображения.

ТАМ, НА ДРУГОМ НЕБОСКЛОНЕ...

Представляем вниманию читателей подборку стихотворений известного российского поэта Михаила СИНЕЛЬНИКОВА

Михаил Синельников, известный московский поэт, эссеист, литературовед, переводчик классической и современной поэзии Востока, является автором 37 стихотворных книг, в том числе однотомника (2004), двухтомника (2006), сборников «Из семи книг» (2013), «Поздняя лирика» (2020), «Язык цветов» (2023). Лауреат многих российских и международных премий. Академик РАЕН и Петровской академии. Составитель ряда антологических сборников и хрестоматий, главный составитель в долгосрочном Национальном проекте «Антология русской поэзии». Руководитель Школы поэзии имени Валерия Брюсова.

Синий округ над степью полевой
И вдали окоема кайма.
От сплошной безысходной равнины,
Путешественник, сходишь с ума!

Что же там, на другом небосклоне?
Но не ведают жизни иной
Эти люди и быстрые кони,
Лишь сменяются стужа и зной.
Всюду та же родная равнина,
Всюду этот простор голубой
И лицо неприметного джинна
Над пастушьей мечтой и судьбой.

Там быстрые или косяком облака,
Под ветром взлетающая.
Была так желанна и так высока
Страна золотая.
Ты все же в нее по уступам вступал
И шел на закате
По белой, застлавшей расщелины скал
И розовой вате.

И мог бы сорваться, в распадок упасть,
Но в мороке сонном
Успел надъишиться
опасностью властью,
Бессмертным озоном.

Нет, погоди! Еще необходимо
Там побывать хотя бы для того,
Чтобы пройти родного дома мимо
И постоять под окнами его.

Но и во сне неведомая сила
Туда несет, все воскресить веля,
Хотя река свое отговорила
И дряхлые упали тополя.

Ведь в памяти по шумным
их вершинам
Проходит ветер, и на берегу,
Как обладатель лампы
с пленным джинном,
Я за ночь город выстроить могу.

Была Столетняя война
Тридцатилетней сменена,
Настали годы Семилетней –
Пришли иные времена,

К чему затяжка? – смысла нет в ней!
Мала планета, и страшна
Пятиминутная война.

Оттенки красного

Багрец заката несколько усталый.
А все же у него оттенок не один ...
О, этот красный цвет, еще
отчасти алый!
О сангрия, бургунди, гренадин!

Сумеешь отличить шарлах
от амаранта?
Далекie припомнив дни,
Прими под утро оба варианта
И в сольферино утони!

Грозит войною бисмарк-фуриозо,
Проржавлен и надменно-родовит.
А эта кошениль, густая роза
Любовь внезапную сумит.

Заложники

Заложники державы –
Шенгели в Аишабаде,
Ахматова в Ташикенте
И Шварц в Сталинабаде.
Хрипящие пластинки,
Дешевые издания
И Луговской, на рынке
Просящий подаянья.
Верблюд в пыли горячей,
Багряные гранаты,
Собравшиеся кучей
Узрюмье халаты.
Возвратный тиф, сиделка
И тихий плеск фонтана,
И радио-тарелка
С металлом Левитана.
Бессонница ночная
И ненависть двойная.

Был туман над горами свинцов,
Заплавал он осенней химерой
В этот город помпезных дворцов,
Где и мрамор казался фанерой.

Был на улицах воздух горяч,
Но, высокого творчества ради,
На одной из наркомовских дач
Пограничник и бывший басмач,
И один рифмовальщик-толмач
Пребывали в прекрасной прохладе.
Там базарные речи слышны,
Здесь эдемские куцы пышны ...
На приступке сидел у дукона
Шварц, в тиши сочинявший «Дракона».

Абуль-Ала аль-Маарри

Гудел базар, шумел Евфрат.
Невидящий арабский гений
Жил в мире звуков, был женат,
Знал радости прикосновений.

Не зная красок, Бога знал,
Любил Творца, не веря твари.
Словам Платона он внимал,
Великолепный аль Маарри.

И все же левый глаз слепца
Был в детстве, сгубленном судьбою,
Закрит бельмом не до конца ...
Он знал, что небо – голубое.

Стамбул

И улицы Второго Рима,
Где турки резали армян,
И хлещет эта кровь незримо,
И утопает в ней султан.

Иль это тень зари багряной?
Огня накрыла полоса
Надгробий белые тюрбаны
И минаретов голоса.

И плач заоблачного хора
О византийской старине,
И немому султани Босфора,
Лежащих там, в мешках, на дне.

Пхеньян

Да, зрячи мы, наши чуток слух,
И все же мы слепоглухие.
Ли Хван (XVI в.)

Как опера гремела и цвела,
И с выстрелами эпилго был долог,
И пели с торжеством колокола –
Кружащиеся платья комсомолок!
Сержанты и наложницы вождя
С его портретом на значке червонном
Уверились, на сцену выходя,
Что выдадут питанье по талонам.
Теперь мне в сновиденьях не уйти
От мнительно-зауженного взгляда.
О, жизнь и смерть, зажатые в горсти!
И эта риса колкая рассада.
И города запретные места,
Прохожие в улыбочивой печали,
И бодрый дух, и тайная мечта
О русской каше и лесоповале.

Лес Дракулы в румынской Хойя-Бачу,
Усопших души прозрачные шары.
Я шел, внимая гомону и плачу,
Крутились листья, сухи и пестры.
Здесь пастухи и овцы пропадали,
О лютых казнях шелестел бурьян.
Был этот мир обителю печали
Или стоянкой инопланетян.
Смотрели вслед посаженные на кол,
Я удалялся, поклонившись им.
За мной бежали мириады дракулы,
Но я тогда любовью был храним.
Долгожители
Припев гудел в концертном зале
Потоком гласных
И долгожители плясали
В черкесках красных.
Столетние ходили ноги
В едином ритме,
И становились лица строги –
Все колоритней.
Росло желанье жить и выжить
В тех ликах древних,
И ведь могли еще мотыжить
В своих деревнях.
А ты что сделал в жизни краткой,
В пути сожженном?
Но их судьба была загадкой
Служенья женам.
Теперь всем выводком упорным,
Хрипя при вздохе,
Летят навстречу духам горным
Через эпохи.

РЕЙС НА НЕБО

Представляем вниманию читателей подборку стихов русского советского писателя, поэта, сценариста и переводчика Генриха Вениаминовича Сапгира

Камень (поэма)

Луна
Вышла из моря
И осветила его до дна

Полное рыб
Чудовищ
Растений
Море засверкало
Как драгоценный камень

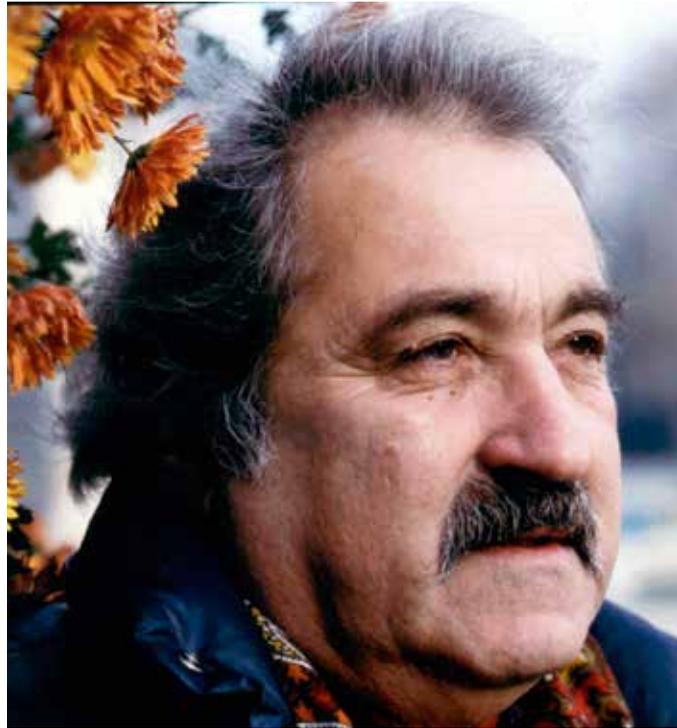
И камни на берегу
И люди –
Не просто люди
И камни
Твои глаза огромны
Это не твои глаза

Что за существо
Глядит на другое существо
Прилетевшее оттуда
А эту сцену
Созерцает
Иное существо
Там

Не там
Откуда прилетело
Тело
А там
Где все это как сон
Чужого бытия
Существо говорит существу
И голос
Неузнаваем

Ис!
Шум прибора
Па!
Брызги
По земному это значит
Искушаем! -а! – а! – а!

Ты поднялась

Ты вырастаешь
Вытягиваешься
Летишь
И таишь
Переворачивается небо

Вы плавааете
В жидком свете
Среди чудовищ
Рыб
Растений
Быть может на иной планете
В энном измерении

В камне
Который ты бросила в воду

Дух

Звезда ребенок бык сердечко птичье –
Все вздыблено и все летит – люблю –
И на лету из хаоса леплю

Огонь цветков – все –
новые обличья

Мое существование
фантастично
Разматываясь
космос шевелю
И самого себя
хочу настичь я
Стремясь
из бесконечности к нулю

Есть! пойман!.. Нет!
Еще ты дремлешь в стебле
Но как я одинок
на самом деле
Ведь это я все я – жасмин
и моль и солнца свет
В башке поэта шалого
от пьянства
Ни времени не знаю
ни пространства
И изнутри
трясу его сонет

Старики (поэма)

Море
Широко набегают на пляж

Волны
Трясут бородами
Древнегреческих мудрецов
Еврейских священников
И старых философов
нашего времени

Вот они
Сухие старики
Сидят и лежат на белом песке
Девочка подбежала
Бросила песком в Льва Толстого
Песок – сквозь тело –
Упал на песок

Кто-то прошел сквозь равнина
И сел
Видна половина –
Прозрачная – равнина
И стена –
Чужая темная спина

Лысый
Похожий на Сократа
Глядя на море
Произнес
– Мemento мори

– Что есть истина?
Спросила половина равнина

И пустой Лев Толстой
Сказал
– Истина внутри нас

– Что внутри нас?
Только солнце и тень
Возразила другая тень

Защевелились старики
Задвигались
Забормотали
Рассытая песок и камни

Рассорились
Сердитые бороды
Поднялись
И поили по пляжу
Разбредаются в разные стороны

Обнимая людей
Деревья
И горы
Говорят о жизни и смерти

Одна борода –
Пена
И другая –
Пена
Остальные – высокие облачка ...

Любящие

что твои спутники в космосе!
листья смешались с чувствами –
не перестая удивляться –
так и живут – смешно и наивно –
самолетам бомбам ракетам
текущим в твоей крови –
радуясь и огорчаясь

весь ворох взметнувшись в ветре –
то взрываемся гневом
то разгораемся страстью
великой толпой влюбленных
и сотрясают небо
удары двух сердец –
полуденный перезвон

и разве наши торопливый полет –
встречаясь касаясь
одного другого третьего –
великой толпой влюбленных

не полет к намеченной цели?
да! да! самоуничтожение –
так молодость живет
в стареющей душе –
приветствуют крики твои ...

Я человек, я правнук человека,
Я человек весь до мозга костей,
Такой же, как Петрарка и Сенека,
Как тысячи подобных мне людей,
Со всеми недостатками своими,
С достоинствами, данными навек,
Я человек, и человека имя
Мне от рожденья было: человек.
А эти звери. Что они хотели?
Чтоб навсегда я позабыл о том,
Что вечно содержался в черном теле,
И бессловесным сделался скотом,
Чтоб был придавлен их стальной пятой,
Чтоб отличить не мог добра от зла,
Чтоб даже мысль своею красотой,
Мой темный ум
встревожить не могла.
Я человек, я это утверждаю
Раскатами гвардейских батарей
И той землей, что я освобождаю
От гнета этих яростных зверей.
Они подохнут, словно псы, и память
О них сотрут грядущие года,
А я пройду сквозь дым и смрад, и пламя,
Такой же человеческий, как всегда.

«Рейс троллейбуса – на небо», – писал он в одном из своих последних стихотворений. Генрих Сапгир так и умер в 1999 году в троллейбусе, который вез его в Москве на презентацию антологии «Поэзия безмолвия». Генрих Вениаминович, несмотря на то что его три десятилетия принципиально не печатали в Советском Союзе, никогда не был ни безмолвным, ни безголовым. Поэт от Бога, он сначала стал публиковаться с успехом в русском зарубежье, а затем уже – в пору горбачевской перестройки – у себя на родине.

Благодаря дружбе с его дочерью Еленой (кстати, журналисткой, с успехом работавшей на французском радио) мне посчастливилось в самом начале девяностых познакомиться с Сапгиром и его прекрасной женой Людмилой, когда они были в Париже. До этой встречи я знал о Генрихе по самиздатовским сборникам и по его переводам с идиша – языка детства Сапгира – стихов талантливого детского поэта Овсея Дриза. Помните «Зеленую карету» – песню, ставшую шлягером стараниями Александра Суханова... И тут, можно сказать, «живая встреча»!

Тогда Сапгир поразил меня не только смелыми и пронзительными оценками происходящего в России, но и очаровал своим мягким обаянием, поистине шармом. Внешне небольшой, но плотно сложенный, он не был крупным, но казался если не массивным, то значительным. Помнится, я спросил Генриха Вениаминовича, откуда его редкая фамилия. Он сказал: «Мой отец говорил, что это один из вариантов названия драгоценного камня: сапфир. Сапфировая печать была у мудрого царя Соломона».

Он и сам был талантом – драгоценным и мудрым. Одно слово – Сапгир!

Кирилл Привалов

«Я НЕ ПОЖАЛЕЮ...»

К 145-летию со дня рождения Георгия Ивановича Чулкова

Русский Серебряный век неслучайно сравнивают с итальянским Возрождением – по его огромному влиянию на судьбы страны. Среди героев той российской эпохи были признанные всемирно боги и полубоги, что, впрочем, одно и то же, как утверждал герой И. Ильфа и Е. Петрова, были титаны, а были и такие труженики культуры и искусства, которые сегодня остались только в памяти профессионалов от словесности и живописи. Среди последних и Георгий Чулков (его мы упоминали в предыдущем номере «Русской мысли», посвященном Ф. И. Тютчеву), друг многих «великих» начала прошлого века, в том числе и Анны Ахматовой. Об их долгой дружбе – эта глава из книги публициста Евгения БЕНЯ «Этюды московского наблюдателя. Избранные эссе и смыслы», вышедшей в прошлом году в московском издательстве «Б.С.Г.-Пресс».

Анна Ахматова и Чулковы

Георгий Иванович Чулков (1879–1939) – поэт, писатель, критик. Во время обучения в Московском университете принимал участие в студенческом движении, за что в начале 1902 года был сослан в Якутию, куда за ним последовала его жена Надежда Григорьевна Чулкова (1874–1961).

В 1903 году Чулковы жили в Нижнем Новгороде, а с 1904 года получили разрешение на жительство в Петербурге. В том же 1904 году Чулков был приглашен на некоторое время З. Н. Гиппиус и Д. С. Мережковским исполнять обязанности секретаря журнала «Новый

путь». С 1904 года был знаком с Блоком, с которым состоял в дружеской переписке до 1915 года.

В 1906–1907 годах он обосновывал концепцию литературного направления «мистического анархизма», якобы явившего единство эстетических принципов петербургского крыла символизма с настроениями социального и этического радикализма. Концепция «мистического анархизма» была подвергнута резкой критике в символистских кругах. О ее несостоятельности Блок писал А. Белому 15–17 августа 1907 года и самому Чулкову 26 августа 1907 года. В последние годы жизни, осознавая себя человеком православно-миросозерцания, Чулков считал свою идею «мистического анархизма» мало обоснованной. В письме-завещании, датированном 6 января 1935 года и вскрытом Н. Г. Чулковой после смерти мужа, Чулков свидетельствовал:

«Родная моя Надя. Случайно раскрыл вторую книжку «Факелов», изданную в 1907 году, и перечитал свою статью «Об утверждении личности». Эта статья – дурная статья, и я дорого дал бы, если бы можно было ее уничтожить. Смерть не за горами. Я пишу это письмо, чтобы оно было свидетельством после моей смерти о моем отречении от всех этих неосторожных, торопливых высказываний».

В 1906–1908 годах Чулков принимал деятельное участие в издании альманахов «Факелы» (кн. 1–3, 1906–1908) и «Белые ночи» (1907). В своих романах «Сатана» (1913) и «Метель» (1917) писатель стремился следовать традициям психологического метода Ф. М. Достоевского. В 1920–1930-е годы выступал преимущественно как литературовед, в частности как составитель «Летописи жизни и творчества Ф. И. Тютчева» (1933).

Ко времени знакомства в 1911 году с молодой А. А. Ахматовой Чулков – опытный литератор, хорошо известный в художественных кругах Петербурга. Первая встреча Чулкова с Анной Ахматовой произошла в конце февраля 1911 года на вернисаже «Мира искусства». 1 марта 1911 года состоялся литературно-музыкальный вечер, посвященный Ф. Сологубу, на котором Блок, С. Городецкий и Чулков подносили чествуемому лавровый венок. Об этом вечере Чулков сообщал жене в письмах от 28 февраля 1911 года и от начала марта 1911 года. После чествования Сологуба состоялась беседа Ахматовой с Чулковым.

14 марта 1911 года Ахматова вновь увиделась с Чулковым у Вячеслава Иванова, где оба они

читали свои стихотворения вместе с В. Княжнинным, Ю. Верховским, О. Мандельштамом, М. Моравской. 16 марта 1911 года поэтесса отослала Чулкову первое из известных писем. Более чем вероятно, до того Ахматова к Чулкову письменно не обращалась. В письме от 16 марта содержится просьба о принятии Ахматовой в «Академию художественного слова», заседания которой проходили в то время в помещении редакции журнала «Аполлон». Позже Ахматова на протяжении нескольких месяцев бывала на заседаниях «Академии». В апреле 1911 года Ахматова, как следует из главы «Анна Ахматова» в книге Н. Г. Чулковой «Воспоминания о моей жизни с Г. И. Чулковым и о встречах с замечательными людьми», одновременно с Чулковым приехала в Париж. Дата отъезда Чулкова в Париж уточняется по его письму к жене от 19 апреля 1911 года. «...Билет, наконец, куплен на 21 число (вечером 11 ч <асов> 15 м <инут> – скорый)».

С 1911-го Ахматова занимает заметное место в многолетней переписке Чулкова с женой. За период с 1911-го по 1936 год имя Анны Андреевны Ахматовой упоминается в письмах Чулковых друг другу как минимум шестнадцать раз. Например, спустя несколько месяцев после пребывания в Париже, 22 августа 1911 года, Чулков, сообщая в письме к жене в Москву о петербургских новостях, писал об отъезде Ахматовой в деревню (т.е. в имение Гумилевых Слепнево Тверской губернии Бежецкого уезда): «Ни Гумилева, ни Гумилевой нет в Петербурге. Анна Андреевна, по словам Маковского, была в Петербурге не так давно, но куда-то уехала, кажется, в деревню».

3 декабря 1911 года в газете «Утро России» появилась рецензия Чулкова на раздел «Литературный альманах» журнала

Портрет Георгия Чулкова работы Зинаиды Серебряковой. 1910

«Аполлон», которая содержала краткий лестный отзыв о четырех стихотворениях Ахматовой, опубликованных в четвертом номере «Аполлона». Вероятно, тогда же писалась статья Чулкова «59» – о наиболее интересных в то время, с точки зрения автора, пятидесяти девяти мастерах поэтического слова, среди которых, конечно же, была названа Анна Ахматова.

Среди тех, кому Ахматова преподнесла свою первую книгу стихотворений «Вечер. Стихи»

(СПб.: Цех поэтов, 1912) с дарственной надписью, был Чулков. Позже она дарила Чулкову и другие свои сборники с надписями: «Четки» (весной 1914 года), «Anno Domini» (в 1922 году), «Белая стая» (6 октября 1928 года). На книгу «Вечер», подаренную ему 12 марта 1912 года в Царском Селе, Чулков незамедлительно откликнулся рецензией (Жатва, № 3, М., 1912, с. 275–277).

В 1914 году Ахматова подарила Г. И. Чулкову вторую книгу

«Четки», вышедшую в свет в издательстве «Гиперборей», с дарственной надписью: «Георгию Ивановичу Чулкову, первому приветствовавшему эту книгу. От его давнего друга Анны Ахматовой. Петербург. Весна. 1914 г.». Чулков откликнулся на «Четки» печатным словом. В статье «Письма со стороны» он противопоставил поэзию Ахматовой в целом и «Четки» в частности стихотворному потоку молодых авторов, устремленных к самоцельным формальным достижениям.

О начале работы над «большой вещью», очевидно поэмой «У самого моря», Ахматова сообщала в письме, отосланном из Слепнева летом 1914 года Чулкову, позже отметившему «начало общее, мировое» за повседневными образами этого произведения в заметке «Новая поэма».

В 1915–1916 годах Чулковы жили по соседству с Ахматовой на Малой улице в Царском Селе (Ахматова жила в доме Гумилева с сыном Львом и матерью Н. Гумилева Анной Ивановной Гумилевой, урожденной Львовой). 29 мая 1915 года Блок писал А. А. Кублицкой-Пиоттух: «Вчера мы с Пястом и Княжнинным провели весь день и вечер у Чулковых в Царском Селе <...>. Ходили с визитом к А. А. Ахматовой, но не застали ее».

Две записки Ахматовой Чулковой датированы самим адресатом летом 1915 года. В этот период особенно частого общения Ахматовой с Чулковыми была издана книга Г. И. Чулкова «Вчера и сегодня», в которой в очерке «Закатный звон» содержалось сопоставление мировоззрения и поэтического мышления И. Анненского и А. Ахматовой. Критик отмечает, что именно в похожести, общности дарований лежит начало неповторимого голоса Ахматовой, являющего собой не только гармонию

чувства и его художественного выражения, но и соединенного с «душой мира», с «чудесными таинственными письменами».

За три месяца до отъезда Чулкова в августе 1915 года в действующую армию – в Первый Сибирский передовой врачебно-питательный отряд – 8 мая Ахматова подарила ему свою фотографию с дарственной надписью. В последний раз Чулков побывал в своем царскосельском доме в феврале 1917 года, когда он приезжал из действующей армии навестить жену и годовалого сына Володю, скончавшегося в сентябре 1920 года. В марте 1917 года Н. Г. Чулкова с сыном переехали в Москву; туда же вернулся с фронта и Чулков.

В конце июля или в начале августа 1920 года в период недолговременного пребывания в Петрограде Чулков, очевидно, после четырехлетнего перерыва виделся с Ахматовой, о чем сообщил в письме к жене из Москвы в Грузию 12 августа 1920 года: «Вообще Петроград встретил меня хорошо. Видел Блока, Городецкого, Кузмина, немало молодых поэтов, Щеголева и у Судейкина видел Ахматову – последнюю полчаса. Ахматова превратилась в ужасный скелет, одетый в лохмотья. Но стихи прочла чудесные. Она, по рассказам, в каком-то страшном заточении у Шилейко. Оба в туберкулезе и очень бедствовали».

Эта встреча положила начало новому периоду взаимоотношений Ахматовой с Чулковыми, для которого характерны эпизодические контакты, приуроченные к поездкам Ахматовой в Москву и Чулковых в город на Неве. Например, в 1922 году во время посещения Петрограда Н. Г. Чулкова, как она позднее вспоминала, побывала в гостях у Ахматовой. В том же 1922 году во время одной из встреч Ахматова подарила Чулкову книгу стихотворений *“Anno Domini”*,

с дарственной надписью, в которой были приведены последние четыре строки стихотворения «Шепчет»: «Я не пожалею...» Вскоре Чулков опубликовал рецензию на книгу *“Anno Domini”*, в которой, в частности, утверждалось, что «среди поэтов прошлых и современных у Ахматовой нет соперниц. Среди поэтов ей конгениальны старшие символисты <...> На том же языке говорил покойный Блок».

В статье «Анна Ахматова» из книги «Наши спутники. Литературные очерки» (М., 1922) Чулков подчеркнул цельность мировоззрения поэтессы, выступающую бесспорным свидетельством подлинного своеобразия ее творчества: «Можно принять или не принять мировоззрение Ахматовой, но было бы опрометчиво ошибкою отрицать цельность этого мировоззрения – такая душевная значительность необычна в наши дни совершенного крушения “цельного знания” и поголовного увлечения тем или иным отвлеченным началом или, что еще хуже, какою-либо формальной и внешнею причудой поверхностного эстетизма»

Эта статья Чулкова не прошла мимо внимания Ахматовой. Знаменательным представляется тот факт, что спустя четыре десятилетия в «Записных книжках» 1961 (?) года Ахматовой упомянута процитированная выше статья из книги «Наши спутники».

В тех же «Записных книжках» 1961 года Ахматова свидетельствует и о том, что в ее автобиографической прозе «Мои полвека» (так и не написанной) будет отведено место обзору литературно-критических статей о ней, вышедших в 1920–1930-е годы, в том числе и статьям Г. Чулкова.

10 апреля 1935 года Чулков записал в своем дневнике «Откровенные мысли»: «В Москве Ахматова. Она каждый раз, бывая в Москве,

Портрет Анны Ахматовой работы Ольги Делла-Вос Кардовской. 1914

навещает меня, но теперь как-то мы перестали чувствовать друг друга. Но мне ее жалко. Она замучена своей биографией». Рядом с датой – 1 января 1937 года – приписано: «И на мне вина тоже!» («Ежегодник Рукописного отдела Пушкинского дома на 1974 год». Л., 1976, с. 70).

Приезжая в Москву в периоды отсутствия в ней Чулкова, Ахматова

заходила в гости к Н. Г. Чулковой. В письме к мужу от 20 ноября 1934 года Чулкова писала и о том, что у нее была Ахматова. В письме к Чулкову от 31 июля 1936 года Чулкова повествовала: «Вчера была Ахматова, ела со мной плохой обед. Потом ушла, сказав: «Господь с вами», и подарила мне (сама предложила) свой портрет в Коломне на улице». Ныне

эта фотография хранится в Отделе рукописей РГБ. На оборотной стороне фотоснимка начертано: «Милой Надежде Григорьевне Чулковой от старого друга Ахматовой. Москва. 30 июля».

Общение Ахматовой с Н. Г. Чулковой продолжалось и после смерти Г. И. Чулкова, последовавшей 1 января 1939 года от тяжелой болезни легких.

ОДИНОКИЙ «ЮНКЕРС»

Продолжение публикации повести Валерия ПОВОЛЯЕВА «Одинокий «Юнкерс»»
(начало в № 153/01–02, 154/03–04, 156/07–08, 157/09–10 и 158/11–12)

Косяков шагнул в темноту, к ближайшему сугробу, зацепил полную горсть снега и кинул себе в лицо.

Вот тебе и царь Салтан... И дядька Черномор с ним за компанию. Снег только что выпал, был он мягкий, как овечья шерсть, но тем не менее воздух опалил лицо холодом, заставил человека передернуть плечами, вызвал неприятное ощущение, но в следующий миг это ощущение исчезло, по телу разлилось тепло.

Времени было всего шесть часов утра, с небольшими минутами. Без двадцати семь предстояло явиться на первый этаж, в буфет на завтрак.

Небо было темным, шевелилось по-колдовски, ничего через него,

кроме падающего снега, не проникало. Ощущение тревоги, прочно сидевшее в Косякове, малость отпустило, начало проходить, испаряться, словно кипяток на холодном воздухе, дышать сделалось легче.

К гостинице подъехал автобус, увенчанный шапкой снега, выросшей на крыше; на фары были надеты колпаки с узкими горизонтальными прорезями, электрический свет падал на снег только под колеса, пространство занимал небольшое. Косяков глянул на наручные часы. Было двадцать минут седьмого.

«Юнкерс-88» стоял в ангаре, на который была накинута маскировочная сеть, разглядеть ангар

сверху было невозможно, маскировка была такая, что строение делалось невидимым, будто на него было натянуто волшебное покрывало, сливалось с подступающим с трех сторон лесом... В общем, солдаты-маскировщики поработали на славу.

Перед тем как попасть в ангар, экипаж прошел три проверочных поста – форма секретности, установленная на этом аэродроме, имела наивысший индекс. Каждого человека охранники осматривали так строго и пристально, что Косяков невольно поежился в своей шинели, его будто бы насквозь пробил холод.

Собственно, поежился не только он... Но со всей этой секретностью, с особыми мерами предосторожности надо было мириться, они Косякову были понятны.

Самолет был совсем новый – ни единой царапины, ни одной вмятины на блестящем фюзеляже, ни одного пятна на крыльях. Заглядежь, а не «летательный аппарат», как принято обозначать такие машины в технической литературе. Косяков одобрительно переглянулся со вторым пилотом, Малых согласился наклонил голову, но ничего не сказал.

Салон «Юнкерса» тоже сиял, будто только что был начищен, надраен, ласкал взгляд лакированной роскошью, сиял торжественно, даже надменно, если хотите, – умеют же фрицы все-таки делать хорошие вещи, и руки у них толковые, и во вкусе не откажешь... На полу лежал богатый ковер – явно персидский, вывезенный из Ирана, большой стол (для заседаний) был так тщательно отполирован, что

глядя в него, можно было бриться; прямоугольники иллюминаторов, облагороженные золотистыми рамками, были завешены шелковыми шторками; рыжие бархатные чехлы, накинутые на пассажирские кресла, источали ощущение тепла, хотя в самолете было холодно. Вполне возможно, что общий обогрев работал только при запущенных моторах.

В хвосте «Юнкерса» располагались спальные купе, очень удобные, целых два – сплошь рыжеватый, с медной искоркой бархат. Даже коврики под ноги были сотканы из очень плотной бархатистой нити в тон занавескам, покрывалам, салфеткам, украшавшим раскладной столик... Купе были расположены друг за другом, составляли роскошный блок, предназначенный, наверное, только для фюреров большого калибра.

Здорово удивило Косякова и то, что в туалете имелась ванная комната, также поражающая своим богатством и блеском хромированных деталей... При случае можно было принять любой душ – теплый, холодный, средний, приравненный к комнатной температуре, – в общем, всякие удовольствия были загнаны в серебристый металлический шланг.

– Штурман, в кабину! – позвал Косякова командир. – И вообще, кончай рассматривать музейную утварь, она не для нас!

Серебряков был прав: этим богатством ни он сам, ни Косяков, ни другие члены экипажа никогда не воспользуются. В лучшем случае вспомнят когда-нибудь, да улыбнутся неверяще: неужели такие богатые самолеты есть на самом деле?..

Есть. На хвосте у «Юнкерса» чернела свастика, впечатанная в яркий желтый круг. Чуть ниже – помельче и не так бойко – был по трафарету набит номер этой машины: два нуля и шестерка. Это

Косяков засек, когда они еще только заходили в ангар, держа наготове пропуска, чтобы предъявить их постовому на последнем КПП.

Шестерка – не самая светлая цифра в наборе чисел, три шестерки, выпавшие подряд, могут, как слышал Косяков, размять либо искалечить судьбу человека... Одна шестерка тоже, наверное, может сделать что-нибудь нехорошее. Не повлияет ли эта хвостовая шестерка на судьбу экипажа? Этого никто не знал.

В кабине «Юнкерса» было неуютно, холодно. Серебряков поспешно опустился в кожаное кресло командира корабля, провел пальцем по длинному строю тумблеров, расположенных на панели, щелкнул одним стальным шпательком, потом другим и панель озарилась мягким золотистым светом. Мертвый самолет ожил, над головой Косякова неожиданно заработал вентилятор, старший лейтенант немедленно выключил его – и без того холодно.

Вентилятор имел усложненный кожух, а раз это было так, то он вполне мог подавать и теплый воздух.

Но Косяков об этом не думал, заботы у него были совсем другие – проложить на штурманской карте курс... А куда прокладывать, в какой город? На аэродром какого куска многострадальной земли нашей?

– Товарищ капитан, куда предстоит лететь нам, не знаете?

– Р-разговорчики! – резко рявкнул Серебряков.

– Я все понимаю, разговорчики – штука лишняя, но мне, поскольку я штурман, предстоит проложить курс... К какой цели?

– Все узнаете перед вылетом, товарищ старший лейтенант, понятно? – Серебряков понизил на пару баллов резкость своего рявканья, повернулся к Косякову и сочувственно покачал головой:

– Ничем не могу помочь. Ждите! Делать было нечего, оставалось одно – ждать. А это – самое худое, что может выпасть на долю военного человека.

– Я тоже жду, – вдогонку добавил капитан, – и ничего – живой...

В принципе, система управления у всех самолетов одна, где бы они ни были выпущены, – в Мексике, в Англии, в России или на заводе, расположенном на Мартышкиных островах посреди Индийского океана.

Штурвал, две педали... Еще – сектор газа. Но к нему в полете приходится прикасаться нечасто. Если штурвал потянуть на себя, машина пойдет вверх, отжать от себя – заскользит вниз (может перехватить дыхание, как в детстве, когда мчишься с ледяной горки). Движения штурвала влево-вправо – поворотные.

Повороты самолета в воздухе пилот совершает сдвоенным совмещенным действием педали и штурвала. Педаль – это, грубо говоря, руль направления. Чтобы тот же «Юнкерс» во время полета развернуть вправо, надо надавить на правую педаль и ручку штурвала соответственно послать вправо. Если спаренности операции не будет, самолет просто-напросто начнет лететь боком – и все. С неопытными летунами такое, честно говоря, иногда случается... Хорошо, что только иногда.

Но главное не в том, на какую педаль нажать ногой и какую ручку повернуть, главное в том, что всякая машина имеет свои привычки и особенности, свои странности и капризы, свои дурные стороны, как и свои положительные качества. Одинаковых самолетов в мире нет, это живые существа со своими характерами, каждую машину надо изучать индивидуально.

Точно так же дело обстояло и с «Ю-88» с номером 006

Москва. Тушино. Немецкая аэрофотосъемка. 1942

на хвосте. Чтобы слаженно управлять этим самолетом, нужно было полетать всем экипажем дней десять... А еще лучше – пятнадцать. Но кто в условиях фронта, тяжелых боев, когда немцы рвутся к Москве, а их передовые части уже засечены в Химках, на берегу Москвы-реки, у моста, возьмет на себя смелость выделить экипажу пятнадцать дней, чтобы он обрел так называемую слетанность? Вряд ли такой человек найдется, это и Серебряков и Косяков понимали очень хорошо.

Авиационный термин «слетанность» Косяков любил, хотя,

может быть, он звучал не совсем по-русски...

Тогда как же он звучал? По-польски? По-китайски?

Нужны были тренировочные полеты на «Юнкерсе». Обязательно! Хотя бы немного.

Интересно, разрешат ли им это в собственной воздушной зоне? Или нужно будет уходить куда-нибудь на север, где их не будет тревожить противоздушная оборона? Или не разрешат? Косяков спросил об этом у командира, тот в ответ только вздохнул и вопросительно приподнял брови. Впрочем,

в немом вопросе этом было больше чего-то сердитого, досадного – капитан ведь и сам знал не все, только «от» и «до» и не более того.

А задача, стоявшая перед Серебряковым, была посерьезнее, чем та, что стояла перед Косяковым.

С другой стороны, на улице – война, людей окружает смерть, кровь; враг, находящийся по ту сторону фронта, страшный, отличается редкостной патологической жестокостью, может сломить самую крепкую душу и лишить ее способности сопротивляться.

Но люди сопротивлялись, они не хотели терять землю, на которой родились, где находились дорогие им могилы и детские светелки, помнившие их безмятежные юные годы, все это – святое; про себя же Косяков знал одно: грызть фашистам глотки и вообще сопротивляться он будет до конца, до той минуты, пока не перестанет дышать... И даже находясь в агонии, он будет дергаться и стараться перекусить горло врагу.

Таким же человеком были и капитан Серебряков, по-хозяйски

положивший свои ручки на рукоятки штурвала, и капитан Малых, и старшина Быкасов, – все, словом, такие же, в этом Косяков был уверен твердо. Они были одним целым и осознание этого наполняло его душу спокойствием, уверенностью, что по-другому быть не должно.

Погода стояла мутная, с неба все время что-нибудь валило: то падало легкое, почти невесомое перо, то шлепались плотные комки мороженой ваты, то шел сплошной поток густого холодного пуха, в котором даже собственные руки, вытянутые перед носом, невозможно было разглядеть – пространство делалось слепым... Немцы в такую погоду предпочитали отсиживаться на аэродромах за бутылкой шнапса, наши пилоты летали.

Поступила команда поднять в воздух и трофейный «Ю-88»: пора, дескать...

– Ну что, чудо голенастое, пахнущее свиными сардельками... Давай вперед и вверх! – скомандовал Серебряков «Юнкерсу», поудобнее устраиваясь в командирском кресле. Покосился на штурмана – тот получил полетную карту, в которой была отмечена зона тренировок; зоны, в которые нельзя было заходить, очерчены черным карандашом.

– Штурман, к полету готов?

– Так точно!

Взмыла машина в высоту легко, в воздухе тоже повела себя легко и послушно – чувствовалось, что создатели постарались довести ее до такой степени покорности, чтобы управлять самолетом можно было одним пальцем. Наши самолеты в управлении были грубее.

– Это и хорошо, что грубее! – удовлетворенно воскликнул Серебряков. Наш самолет, он какой... берешь в руки – маешь *вещь*... А это что, – капитан оторвал руки от штурвала, – стрекозье что-то.

Чтобы порхать с одной тростинки на другую.

– Скорее – с цветка на цветок, – поправил его по переговорному устройству Косяков, глянул в оконце кабины, по которому стремительно несся плотный серый туман, мелькали темные зернистые плешины, похожие на вкрапления в хлебном тесте... В такой мути не только нужного цветка не найдешь – даже сапоги, натянутые на собственные ноги, не обнаружишь.

На замечание насчет цветка командир экипажа не отозвался. Он сосредоточенно вглядывался в молочное марево, несущееся навстречу, щурил глаза. Хоть и не нравилась ему погода, а была она все-таки лучше, чем ясная синева пространства. В ясную погоду по черному кресту, нарисованному на теле их самолета, могли полоснуть из орудия наши зенитчики, и тогда бы пришлось спасаться. А в мути зенитчики ничего не разглядят, как ничего и не услышат – ничего, кроме воя двух моторов.

В тумане, в падающем снегу экипаж чувствовал себя как-то надежнее, что верно, то верно, а вот в прозрачном чистом пространстве совсем не то, весь экипаж окажется «голеньким на ладони».

А что такое быть «голеньким на ладони», Косяков знал хорошо, попадал со своим штурмовиком под огонь зенитных пулеметов и орудий немцев.

Любой самолет, независимо от размеров, скорострельные зенитки могут легко распилить в любом направлении – и поперек, и вдоль, и снизу вверх... Играючи, вот ведь как. Согласно наставлениям своего фюрера, ни дна бы ему, ни покрывки.

На высоте полтора километра стекла кабины начали обмерзать, обрастать белой махрой, и Серебряков включил специальный обогрев, иначе «Юнкерс» мог

обратиться в летающий сугроб. Стекла быстро попрозрачнели, «Ю-88» пополз в гору, за третий ярус облаков, где призывно играло своими лучами солнце и совсем не пахло войной – не то, что на земле.

Недоверие к чужой машине, сидевшее в Косякове, понемногу рассосалось, самолет был надежный, хотя и о вражеской технике так нельзя было не только говорить, но и думать. К слову, перед войной мы закупили у немцев несколько «хенкелей» и «юнкерсов», а сейчас за эту покупку нашим командирам из ВВС, чьи петлицы были украшены рубиновыми ромбами, было не только стыдно, но и наверняка крепко влетело.

Впрочем, решение это принимала не верхушка Военно-воздушных сил, а те, кто сидит повыше. Значит, им и ответ держать перед товарищем Сталиным. А тот может спросить за все.

Приборов на «Ю-88» было в два раза больше, чем на машине Косякова – простом отечественном штурмовике «Ил-2», и старшему лейтенанту для того, чтобы проложить курс, надо было хорошенько разобраться в экранах двух навигационных систем, установленных на «Юнкерсе», в показаниях высотомера и «трубки Пито», АРК (автоматического радиоконпаса), а также компаса магнитного, в механизмах определения скорости воздушной и скорости фактической, связанной с землей, и так далее.

Растеряться и сломать себе голову можно было легко, но Косяков постарался не растеряться и бесполомать свою не поломать.

А сломать ее, свернуть набок можно было в несколько минут, и никто Косякову даже на помощь прийти не сумеет, каждый занят своим делом, которое оставить нельзя даже на несколько секунд.

У-2 (с 1944 года По-2). Знаменитый «кукурузник» — советский многоцелевой биплан, созданный в 1927 году под руководством Н. Н. Поликарпова

Моторы работали исправно, словно бы песню пели, каждый свою, а вместе составляли слаженный хор, ансамбль... «За неимением ансамбля, я танцую сам, бя...» — невольно вспомнилось лихое курсантское ругательство, подцепленное в Луганском штурманском училище, где Косяков, без пяти минут выпускник Качинской летной школы, проходил практику. Как проходил такую же практику и в Челябинске... По штурманскому делу, между прочим. Штурманских училищ в стране было всего два...

Хорошие были времена! Самым опытным человеком в столь спешно сколоченном экипаже был, конечно, Серебряков. Косяков пока не понял, по какому принципу командование подбирало их — по легкости характера, чтобы люди могли быстрее сойтись, сжиться друг с другом и слепиться в одно целое, по уровню владения своей специальностью — по чистоте биографий, умению ловко носить форму, по способности спать в казарме без храпа? Или

по каким-то еще критериям? Нет, отцов-командиров понять не дано. И чем дальше, тем больше будут непонятны действия тех, кто собрал шесть человек в кабине трофейного самолета...

Земля по-прежнему не была видна, облака сбились в такую плотную массу, что ее можно было резать ножом. Плюс ко всему к облакам добавился туман, заполнил все ямы и впадины. Чтобы растащить этот мусор, надо было призвать пару серьезных северных ветров с крепкими

щеками, но таких ветров поблизости пока не было.

В воздухе они провели полтора часа, после чего получили приказ вернуться на свой аэродром. Легко сказать — вернуться, когда ничего не видно, все слепо, второй пилот даже занервничал, шея у него покрылась красными пятнами, к ним добавилась гусиная сыпь, а вот Серебряков был спокоен.

Он вывел «Юнкерс» точно на ВПП — взлетно-посадочную полосу, отмеченную сильными прожекторами, направленными

вверх и опасно разрезающими своими лезвиями плотное небесное молоко.

Впрочем, тем, кто находился в «Юнкерсе», прожектора не очень-то были видны — так, возникал в молоке слабенький белый блеск и тут же исчезал... Но Серебряков, опытный летчик, видел то, чего не видели другие, сбросил скорость, насколько мог и аккуратно коснулся колесами земли.

Сел он на укатанный до деревянной твердости снег. Сероватобелый пух, насыпавшийся на поверхность аэродрома, пока они бутылкались в воздухе, был слабеньким, разлетелся в несколько мгновений по пространству, даже невесомой кудрявой тучкой не смог подняться в высоту, а дрожа нервно, рассыпаясь по дороге, попилила куда-то в сторону. Ну словно бы нечистая сила, покинув гоголевский хутор Диканьку, появилась здесь.

Посадил Серебряков незнакомую машину так, будто летал на ней половину своей жизни, — мастерски. Косяков не посадил бы так и невольно позавидовал капитану: мастер есть мастер. Точно, очень точно ощущал землю, чувствовал каждый снежный заструг, каждую вдавленность... Дал «Юнкерсу» пробежаться немного, метров двадцать всего и тут же надавил на тормоза.

Стянув с рук меховые перчатки, Серебряков сунул их в карман теплой летной куртки и проговорил как ни в чем не бывало:

— Разбор полета нынешнего... — он неожиданно закашлялся, быстро одолел кашель и закончил спокойным сухим тоном, — проведем в буфете.

— А может, в одной из наших жилых комнат, товарищ капитан? — предложил старшина Букасов. — В буфет могут прийти люди, при них особо не поговоришь.

— Тоже верно, — Серебряков стянул с головы утепленный кожаный

шлем с болтающимися шнурками бортовой связи, изнанкой вытер потное лицо и сказал:

— Через двадцать минут собираемся у меня.

Так и поступили.

Вообще-то в буфете этом, или, говоря другим языком, котлопункте аэродрома, примыкающего к Москве, кормили так вкусно, как не кормили нигде, ни в одном из авиационных полков, которые представляли члены сборного экипажа. В конце обеда к чаю, например, были даже предложены яблочные блинчики... И это сегодня, первого ноября, в семидесяти километрах от линии фронта, неотвратимо наползающего на Москву.

Но это было позже, во время обеда. И котлеты из свежей ароматной говядины с жареной картошкой были. И украинский борщ с чесночными пампушками. И салат из зеленых тепличных огурцов с оглушающим запахом лета... Все это было, было!

Из погребка, который тут тоже имелся, официантка могла принести графинчик холодной водки, это разрешалось. Правда, заказать водку могли только командиры, чьи петлицы украшали рубиновые шпалы, Быкасов и его напарник Юзлов такой привилегии не имели.

Нынешний полет Серебряков оценил на тройку. Собственно, для первого раза этого было достаточно, вот если бы они вместо аэродрома посадили «Юнкерс» на мерзлое картофельное поле колхоза имени Ворошилова, тогда было бы плохо. Горячих яблочных блинчиков на десерт они не видели бы, как собственных ушей.

Как бы там ни было, сегодняшний полет остался позади, а вот полет завтрашний должен быть лучше. Единственное, чего не мог оценить Серебряков, так это действий двух старшин-стрелков, но это, надо полагать, было еще впереди.

Юзлов занимал нижнюю подвесную кабину с сектором обстрела довольно ограниченным, хотя все равно годным для того, чтобы цель, возникшую впереди, в течение двадцати-тридцати секунд превратить в щепки. Вполне возможно, что нижний стрелок мог достать пулеметной очередью и воздушную цель, возникшую сзади, но этого капитан не знал.

Впрочем, любую цель, возникшую сзади, мог нейтрализовать верхний стрелок Быкасов. У него была большая кабина с турелью и вообще широкий обзор, не меньше, чем у командира экипажа.

– Надеюсь, что завтрашний полет будет лучше, чем сегодняшней, – коротко, окинув всех быстрым взором, произнес Серебряков.

– А если завтра не будет погоды? – неожиданно, хриплым, закупоренным внутрь баском спросил Голубенко, тощий, костлявый, похожий на ходячую посуху рыбу.

– А разве сегодня она была? – по-одесски, вопросом на вопрос, поинтересовался Серебряков, глаза его сжались в узкие щелочки, будто у китайца со старой фотографии. Выразительно покачал головой, и присутствующие без всяких пояснений поняли, как он оценивает сегодняшнюю погоду.

В немецких люфтваффе, в штатном расписании экипажей «Ю-88», такой должности, как бортмеханик или тем более бортинженер, нет; значит, Голубенко в их команде – лишний. Для него и места нет – занимает пассажирское кресло, а это значит... Что это значит? Серебряков должен был высказаться, но он ничего говорить не стал, лишь произнес осевшим, мигмом сделавшимся усталым голосом:

– Все свободны!

Только сейчас Косяков почувствовал, что он тоже сильно устал, холодная тяжесть наекла

ему в плечи, сковала мышцы груди, начала давить на живот. Надо было хотя бы немного отдохнуть, получасовой или даже двадцатиминутный сон справился бы с этим, но все зависело от Серебрякова: вдруг он захочет с кем-нибудь из членов экипажа поговорить отдельно? Косяков вопросительно глянул на капитана.

Тот в ответ махнул рукой:

– До семнадцати тридцати все свободны!

Косяков понял, что командир хочет в одиночку обдумать, как действовать дальше, как проникнуть в душу чужого самолета, приручить, сделать своим, и у него созрели вопросы, ответы на которые он пока не знает. Не нашел. А найти надо обязательно.

Ощущая, как сырая тяжесть, прилипшая к рукам, давит на тело, не дает мышцам быть послушными, податливо отзываться на каждый оклик хозяина, Косяков прошел к себе, снял с крюка, прибитого к двери, меховую летную куртку и повалился спиной на кровать. Накрылся курткой.

Сил в нем не осталось даже на то, чтобы снять сапоги. Полет на «Юнкерсе» в сложных погодных условиях выдавил из старшего лейтенанта все, что в нем имелось, выжал кровь из артерий и вен, сделал чужими ноги и руки, он уже не мог ими даже пошевелить.

Через несколько минут Косяков уснул. Очень скоро он увидел солнце, вставшее над землей, пыльную дорогу и небольшой четырехкрылый самолетик, летевший над колоссящимся пшеничным полем. Сердце обрадованно сжалось: а места-то знакомые! Что происходит? Это прошлое возникает перед ним, ищет, пробует нащупать свое место в настоящем, но по глухому сожалению, возникшему в нем, сделалось понятно, что вряд ли прошлое сумеет сдвинуть с места настоящее – не получится.

Какие-то силы, Косякову совсем непонятные, незнакомые, сдерживают его. И времена года не совмещаются: во сне он видит лето, а за окном – поздняя, со снегом и морозом осень, готовая преобразиться в зиму. При мыслях о снеге, о зиме по плечам у него поползли колючие муравьи... Неуютно сделалось старшему лейтенанту, в горле что-то протестующее заклокотало. Косяков застонал, с трудом преодолевая себя, зашевелился и перевалился на левый, неожиданно онемевший бок. Дышать сделалось легче.

В конце пыльной, плоско извиляющейся дороги поблескивала голубая вода – там протекала река. У Косякова вновь сжалось и в следующий миг ослабло в своем нервном биении сердце: да ведь это же поселок Волхонка-ЗИС, родная окраина Москвы! А игрушечный биплан, изучающий созревающие поля – четырехкрылый учебный самолетик, принадлежащий Осоавиахиму, – безотказная, совершенно безопасная машина, на которой молодые пилоты-ученики начинают осваивать небо.

Сам Косяков тоже много часов отлетал на такой кургузой легкой машиненке, получая не только пилотские навыки, но и удовольствие. Какие же все-таки светлые, совершенно безмятежные, искрометные были те времена! Если Косякову будет суждено дожить до старости, то он и в старости станет с теплом вспоминать их.

Если выпадет возможность и его отпустят на пару часов в город, то надо будет обязательно съездить туда, на край краев Москвы, посмотреть, что осталось от домов поселка после августовских бомбежек немцев, все ли бараки целы, кто живет там, вдруг встретится кто-нибудь из соседей или школьных друзей? Косяков не сдержался, улыбнулся во сне: вот это будет здорово!

Но с другой стороны, вряд ли ему дадут сделать хотя бы один шаг в сторону, пока их экипаж не выполнит задание, о котором они не знают совершенно ничего. И дело не в строгости, не в особой секретности, а в том, что идет война.

При мысли о войне внутри у Косякова возник жесткий холод, пространство померкло, пыльный проселок, ведущий к реке, даже, кажется, уменьшился, усох, стал неприметным, а потом исчез и вообще, старший лейтенант зашевелился, просыпаясь, и в следующий миг очнулся вообще.

Было уже темно. Сквозь стекла окна в комнату не пробивался ни один светлый лучик, за стенами гостиницы словно бы все вымерло. Косяков глянул на циферблат наручных часов. Хотя и нельзя было в темноте ничего разобрать, он все-таки определил, еле угадывая положение стрелок, часовой и минутной, что сейчас примерно семнадцать ноль-ноль.

По метеорологическому календарю солнце зашло минут тридцать-сорок назад, но фактически оно не всходило совсем. А раз не всходило, то, значит, и заходить было нечему. Подъем! Он зашевелился и, преодолевая болезненную тяжесть, затекшесть, онемение, возникшие в спине, сбросил ноги на пол. Пальцами, жестко вдавливая их в кожу, растер виски.

Если сейчас семнадцать с нулями, то через полчаса – общий сбор. Как и велено капитаном Серебряковым. Опаздывать на эту топтучку негоже...

Всего-навсего пять часов вечера, а ночь за окном стоит уже глухая, черная, в воздухе мелькают, покидая верхние облачные слои, неряшливые комки снега, шлепаются, приликая к земле, шевелятся, словно бы пытаясь устроиться поудобнее, и затихают.

Плохое время года, рождающее в душе тоску и какую-то странную нервную боязнь, ранее Косякову совершенно неведомую. Он снова растер пальцами виски, потом щеки, перешел на уши. Судя по реакции организма, в раковинах, в хрящах ушей находятся нервные окончания, способные быстро привести человека в себя.

Вязкий, какой-то клейкий сон, спеленавший его, рассеялся, в ушах зазвенела бодрая музыка, вспомнилась довоенная песенка, соскочившая в народ с экрана веселого фильма и быстро сделавшаяся популярной.

Он поправил на себе ремень, разгладил складки гимнастерки, подтянул портупею и спустился вниз, на первый этаж.

Там, в буфете, сидел Малых и, неторопливо потягивая из стакана чай, вкусно причмокивал губами: человек любил гонять чай до потери пульса, ко лбу прикладывал широкую накрахмаленную салфетку, вытаскивая из блестящего металлического цилиндра – то ли гильзы, то ли спортивного кубка... Косяков подсел к нему. Спросил:

– Что насчет завтрашней погоды, товарищ капитан?

– Да ничего нового! Будет то же, что и сегодня.

– Опять вслепую станем искать аэродром?

Малых не выдержал, хмыкнул:

– Опять. А что нам, грешным, еще делать? Только держаться руками за воздух, а ногами нащупывать дощечку потверже да попрочнее.

Сведения насчет погоды у второго пилота оказались верные, хотя и требовали поправки: снег, валивший на землю из небесных куш, был сильнее, чем сутками раньше, а мороз – крепче. Это было странно. Обычно снег сшибает железную крепость со всякого мороза, делает его мягче, а здесь этого не наблюдалось совсем. Мороз не наблюдалось совсем. Мороз норовил больно вцепиться в щеки,

в руки без перчаток, в подбородок, сделать это по-собачьи больно, старался стиснуть, сдавить тело, но слабее не становился... Скорее, наоборот – он крепчал.

А снег все шел и шел, не прерываясь, кажется, ни на минуту, валил густыми хлопьями, делал пространство невидимым.

– Ну что, командир, летать сегодня будем? – поинтересовался у Серебрякова за завтраком бортинженер, придвинул к себе самую большую миску манной каши, в которой, плаваясь янтарно, ярко, как куриный желток, плавал большой кусок сливочного масла.

Несмотря на то, что Голубенко имел в экипаже самое тощее, почти плоское телосложение (скорее, это было не телосложение, а теловычитание, выражаясь словами юмориста Бориса Брайнина), ел он больше всех, но толще от еды не становился.

– А куда ж мы денемся? – Серебряков вопросительно приподнял одну бровь.

– Так погода, судя по метеоусловиям, нелетная.

– Это для других нелетная, а для нас – самая летная, капитан. Вопросы есть?

– Вопросов нет.

– Вот и славно. В девять часов утра, когда основательно рассветет, – взлет.

Завтрак закончили в напряженной, едва ли не до звона застывшей, очень сосредоточенной тишине, поглядывая на темные, густо обсыпанные инеем окна: ну, чего там видно за плотно задраенными форточками?..

А за форточками вольно простиралась густая темень, которую можно было резать ножом... И в темноте этой, почти вселенской, падал, крутился бесовски, устремляясь к земле, шевелился внизу, будто живой, снег.

Продолжение следует

Юбилейная медаль «300 лет Российской академии наук»

300-ЛЕТИЕ РОССИЙСКОЙ АКАДЕМИИ НАУК

История Российской академии началась 26 января (8 февраля) 1724 года с указа Петра I о создании Академии наук и художеств в Санкт-Петербурге. Ее основными целями были проведение исследований в различных областях науки и обучение молодых ученых.

Первоначально Петербургская академия наук располагалась в доме барона Петра Шафирова на Петроградском острове, а также в соседних зданиях – бывшем доме графа Зотова и доме князя Гагарина, – а в 1728 году переехала в новое здание Кунсткамеры на Васильевском острове.

При Академии содержались: библиотека, кунсткамера, астрономическая обсерватория, ботанический сад, физический офис, химическая лаборатория (основанная М. В. Ломоносовым в 1748 году), анатомический театр, художественные мастерские и типография.

В мае 1917 году Академия была переименована в Российскую академию наук, а в 1925-м – в Академию наук (АН) СССР. В 1934 году АН СССР и несколько других научных учреждений перевели из Ленинграда в Москву. Воссоздана Российская академия наук была в 1991 году, после распада СССР.

В настоящее время Академия продолжает играть важную роль в развитии науки и образования в России.

80-я ГОДОВЩИНА СНЯТИЯ БЛОКАДЫ ЛЕНИНГРАДА

27 января 1944 года в результате проведения Ленинградско-Новгородской стратегической

Медаль «За оборону Ленинграда»

наступательной операции были разгромлены немецко-фашистские войска под Ленинградом и окончательно снята 872-дневная блокада (блокадное кольцо было прорвано 18 января 1943 года).

За годы блокады погибло, по разным данным, от 600 тысяч до 1,5 млн человек. Огромный ущерб был нанесен историческим зданиям и памятникам Ленинграда. Благодаря титаническим усилиям ленинградцев многое удалось спасти: в первые же дни войны из города начали срочно эвакуировать ценные музейные экспонаты; монументы и памятники закапывали в землю; применялись эффективные меры по маскировке исторических зданий.

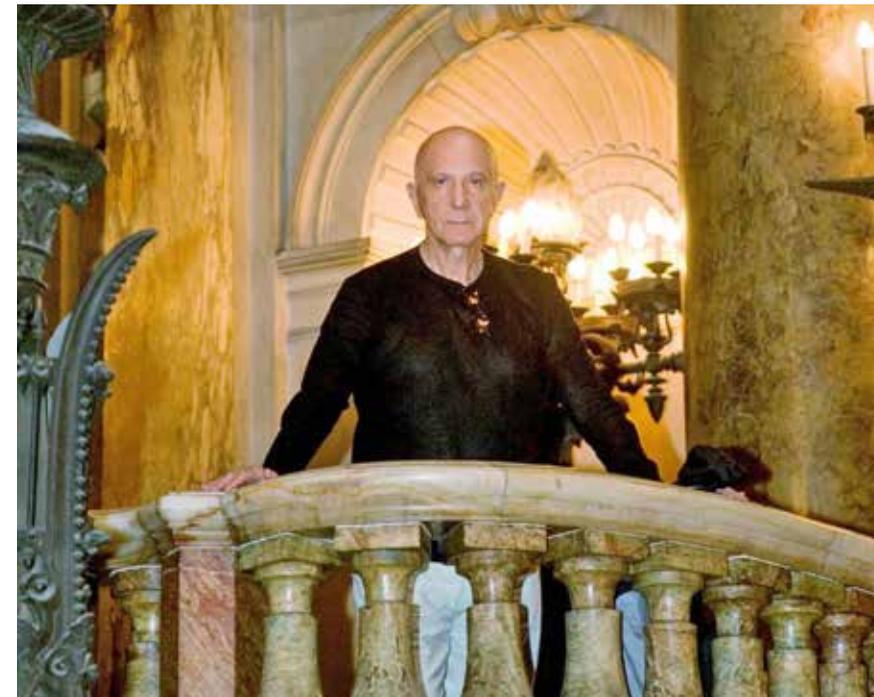
В мае 1945 года Ленинград вместе со Сталинградом, Севастополем и Одессой был назван городом-героем.

К 100-ЛЕТИЮ СО ДНЯ РОЖДЕНИЯ РОЛАНА ПЕТИ

Бахрушинский театральный музей покажет в Париже фотовыставку, посвященную 100-летию со дня рождения одного из величайших хореографов XX века Ролана Пети.

Фотовыставка пройдет в Российском духовно-культурном православном центре в феврале-марте 2024 года. Она состоит из фотографий одного из лучших балетных фотохудожников Михаила Логвинова.

Ролан Пети – автор более 100 балетов и номеров. Он много работал с русскими артистами. Так, для Михаила Барышникова поставил «Пиковую даму» на музыку одноименной оперы, для Майи Плисецкой двухактный балет «Гибель

Ролан Пети

Фото: Михаил Логвинов

розы». В 2001 году в Большом театре – новый балет «Пиковая дама» на музыку Шестой симфонии Чайковского, где главные партии исполнили Николай Цискаридзе, Илзе Лиела, Светлана Лунькина и Георгий Гераськин.

ШЕДЕВР ШАГАЛА В ГРАНД-ОПЕРА

Наследники французского художника Жюль-Эжена Ленева требуют демонтировать фреску Марка Шагала на плафоне под куполом Парижской оперы, так как она скрывает оригинальную роспись Ленева, выполненную в 1875 году в классическом стиле XIX века.

Новый плафон, созданный Шагалом в 1964 году по заказу Андре Мальро, занимавшего тогда пост министра культуры, должен был заменить поврежденный плафон

Композиция произведения условно делится на пять секторов (зеленый, синий, желтый, красный, белый) со сценами из классических постановок, прославивших сцену Парижской оперы: «Волшебной флейты» Моцарта, «Лебединого озера» Чайковского, «Ромео и Джульетты» Берлиоза, «Бориса Годунова» Мусоргского и других. Шагал поместил на плафоне также изображения Эйфелевой башни, Триумфальной арки и даже самого здания Гранд-опера.

Поначалу работа Шагала, выполненная в авангардном стиле, подверглась серьезной критике, поскольку резко контрастировала с классическим интерьером Парижской оперы. Однако со временем плафон Шагала приобрел всемирную известность и стал неотъемлемой частью Гранд-опера.

«Идея демонтажирования шедевра Шагала, который является одним из символов Гранд-опера, вызовет серьезные вопросы и не стоит на повестке дня», – заявил Мартин Аждари, заместитель генерального директора Парижской оперы.

Ленева. При этом фреска Шагала была написана на съемных полимерных панелях, что и позволяет наследникам Ленева надеяться на положительное для них решение вопроса.